

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

В. А. АЛЕКСАНДРОВ

РОССИЯ  
НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ  
РУБЕЖАХ

(вторая половина XVII в.)



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
МОСКВА 1969

В монографии В. А. Александра воссоздается широкая картина хозяйственного освоения русскими переселенцами Приамурья и Забайкалья в XVII в. и подробно рассматривается история борьбы Русского государства за сохранение в своем составе этих областей в период агрессивного вторжения в русские пределы военных отрядов Цинской империи.

В результате присоединения Сибири в конце XVI—XVII вв. Россия стала не только европейским, но и азиатским государством. Присоединение сибирских народов к России выводило эти народы из состояния социально-экономического и культурного застоя и отразилось на жизни других народов Центральной Азии и Дальнего Востока.

Современное советское сибиреведение определило основные этапы присоединения сибирских народов к России, его причины и следствия и пришло к выводу о важнейшей роли хозяйственной деятельности русского населения в последующем социально-экономическом развитии Сибири. Исследования, вышедшие на протяжении 50—60-х годов, позволяют конкретно судить об истории вхождения сибирских народов в состав России, об образовании постоянного русского населения в различных районах Сибири и ареале его расселения, о создании пашенного земледелия от Зауралья до Приамурья, развитии ремесленного производства и местных рынков, тесно связанных с важнейшими экономическими центрами Европейской части России. Все эти явления имели место уже на первом этапе хозяйственного освоения Сибири, т. е. в XVII в., и свидетельствовали об активном распространении процессов, свойственных социально-экономическому развитию позднефеодальной России, на сибирские земли.

Главную роль в хозяйственном освоении Сибири сыграло стихийно переселявшееся русское население. Хотя аборигенное население, как и русские переселенцы, подвергалось многообразному гнету аппарата центральной власти, оно испытывало влияние новых для него форм хозяйственной деятельности, социальных отношений и культуры. Ускорялось развитие производительных сил края, преодолевалась вековая изолированность сибирских народов. При всей противоречивости данного процесса местное население продолжало развиваться в этническом отношении и расти численно. Кроме того, русская государственная власть, олицетворявшая господство класса феодалов, прежде всего во имя собственных интересов осуществляла и оборонительные функции, так как от их эффективности в значительной степени зависело освоение природных богатств Сибири.

В процессе присоединения и освоения Сибири Россия пришла в соприкосновение с кочевым центральноазиатским миром и государством древней и высокой культуры — Китаем, что существенно усложняло ее внешнеполитические задачи. Русской дипломатии приходилось разрешать их сразу же по мере возникновения и одновременно вырабатывать общие основы политики по отношению к новым азиатским соседям. До настоящего времени эта проблема во всей ее совокупности не рассматривалась, хотя, конечно, взгляды на эту сторону русской внешней политики неоднократно высказывались как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Часто они определялись неверным или тенденциозным толкованием процесса присоединения Сибири к России, причем политика России и ее роль в Азии на протяжении целых веков представлялась в неизменном виде. Особенно это относится к русской дворянской и буржуазной историографии.

Современное советское сибиреведение и востоковедение подорвало корни устаревших и принципиально неверных представлений о процессе присоединения Сибири к России и наметило пути для объективного освещения отношений между Россией и народами и государствами Центральной и Восточной Азии. На основе уже имеющихся исследований, анализа новых архивных данных становятся возможными более широкие обобщения. В настоящей книге делается попытка проследить политику России на Дальнем Востоке на протяжении 60—90-х годов XVII в., когда после присоединения Забайкалья и части Приамурья русской дипломатии впервые пришлось решать, в условиях очень сложной внешнеполитической ситуации, труднейшие вопросы, связанные с судьбами народов Восточной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, а русскому и сибирским народам — совместно защищаться от иноземных вторжений.

Основное внимание в книге уделяется истории русского хозяйственного освоения забайкальской территории, началу торговых связей с монгольскими землями и Китаем и обороне Забайкалья и Приамурья. В связи с тем что в рассматриваемое время важнейшую роль в международных отношениях в Центральной Азии играла Джунгария и Россия в своей политике на Дальнем Востоке не могла не учитывать этого обстоятельства, автор в той мере, в какой это связано с его темой, касается и русско-джунгарских отношений.

**Хозяйственное освоение Забайкалья и Приамурья русскими переселенцами во второй половине XVII в.****Забайкалье и Приамурье в составе Русского государства**

Впервые сведения о Забайкалье и Приамурье и их населении были получены русскими промышленниками и служилыми людьми, осваивавшими восточные районы Якутии и Прибайкалье, в конце 30-х годов XVII в. В начале 40-х годов они поступили от отряда И. Москвитина, дошедшего от Бутальского острога на Алдане до побережья Охотского моря, отряда М. Перфильева, прошедшего из Олекминского острога на Лене вверх по Витиму и его притоку Ципе до Баунтовского озера в Забайкалье, и, вероятно в то же время, от промышленника Семена Косого, добравшегося до устья Аргуни и попавшего там в плен к даурским «князцам»<sup>1</sup>.

Эти и, возможно, какие-то другие данные послужили основанием для организации экспедиции Василия Пояркова, ушедшего в Приамурье летом 1643 г. из Якутска через реки Алдан, Учур и Гонам и доставившего спустя три года обширные сведения о приамурском населении. Одновременно с Поярковым из Якутска уходили на Олекму и жили там годами русские промышленники, оттуда они добирались до Шилки и Амура<sup>2</sup>. Можно полагать, что первое знакомство русских с населением, обитавшим за Байкалом, в большей степени осуществлялось с севера, из Якутии, и касалось прежде всего собственно приамурских племен. Имеются также сведения о результатах разведок путей в Забайкалье и далее, в Приамурье, в начале 40-х годов с запада. В 1640/41 г.<sup>3</sup> на основании сведений, полученных через При-

<sup>1</sup> П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, СПб., 1886, стр. 45; «Якутия в XVII веке (Очерки)», Якутск, 1953, стр. 64—65; А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, XVII век, М.—Л., 1960, стр. 22—23; П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, М., 1958, стр. 17—19; «Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв.», М., 1962, № 146.

<sup>2</sup> В. Огородников, Очерки истории Сибири до начала XIX столетия, ч. II, вып. I, Владивосток, 1924, стр. 81—82.

<sup>3</sup> До XVIII в. в России новый год начинался с 1 сентября. Поэтому при переводе на современное летосчисление часто приходится указывать двойную дату.

байкалье, была составлена «Роспись рек», впадавших в Лену, в которой говорилось о «мунгальском» населении по Селенге и упоминалась даже р. Шилка<sup>4</sup>. Казачий сотник Курбат Иванов в росписи своих служб за 1641/42—1644/45 гг. указывал, что после возвращения с Байкала он записал «распросные речи тунгусов и братских людей про Мугал и про Китайское государство...»<sup>5</sup>. В 1644 г. ссыльный «немчин» Иван Ермис подал енисейским властям челобитную с проектом похода в Забайкалье, в которой точно указал путь по Ангаре, через Байкал к р. Баргузин и далее с ее верховий через волоки на Еравненское озеро, на Витим, а оттуда через волоки на Шилку к даурскому князю Лавкаю<sup>6</sup>. По всей вероятности, об этом пути Ермис проведал в Енисейске от каких-то промышленников, прошедших по нему за несколько лет до того, как в Забайкалье с запада прибыли первые отряды служилых людей.

Присоединение этих областей к России началось почти одновременно во второй половине 40-х годов, причем русское проникновение в Приамурье первоначально осуществлялось главным образом по северным путям из Якутии, в Забайкалье — по путям с запада через Байкал.

В Забайкалье и Приамурье русские встретились с населением, сложным в этническом отношении, обладавшим разным по своему типу хозяйством. Забайкалье к середине XVII в. населяли бурятские племена, сближавшиеся в это время в единый народ, различные группы тунгусов; в частности, в степях господствующее положение занимали так называемые конные эвенки, на юге выделялась сильная племенная, по-видимому, монголоязычная, группировка табунутов, в дальнейшем вошедшая в состав бурятского народа. Бассейны Шилки и Аргуни заселяло тунгусское население, по Амуру вплоть до р. Зеи и вверх по ее берегам обитали монголоязычные дауры и одаурившиеся эвенки, а ниже их — тунгусоязычные дючеры. Ниже дючеров по Амуру жили предки нанайцев и ульчей (натки и ачаны), а далее по Амуру и на морском побережье — гиляки. По северным притокам Амура и вплоть до побережья Охотского моря господствовали различные группы «оленных» и «пеших» тунгусов. Бурятское и табунутское население Забайкалья занималось кочевым пастбищным скотоводством. По мнению большинства исследователей, буряты в это время находились на стадии

<sup>4</sup> Дополнения к актам историческим (далее — ДАИ), т. II, СПб., 1846, № 89 (п. 2), 91.

<sup>5</sup> А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, стр. 23.

<sup>6</sup> Центральный Государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), Сибирский приказ, стлб. 136, лл. 716—718.

патриархально-феодалных отношений. Тунгусы в общественном развитии дошли лишь до разных стадий патриархально-родовых отношений. У различных групп тунгусов прослеживались в основном два типа хозяйства — оседлых рыболовов и охотников (например, «пешие» эвенки на Охотском побережье) и кочевых таяжных охотников и оленеводов. Своеобразный хозяйственный комплекс сложился у «конных» эвенков Забайкалья; основу их кочевого хозяйства составляло коневодство, а скотоводство и охота имели второстепенное значение<sup>7</sup>. Только у дауров и дючеров на берегах Амура существовало пашенное земледелие. По наиболее авторитетному мнению В. И. Шункова, «можно полагать, что и амурское земледелие значительно отставало от русского и по степени своего распространения, и по уровню своей техники»<sup>8</sup>.

Земледельческое оседлое амурское население имело укрепленные городки, управляемые «князцами», однако судить о процессе феодализации даурского и дючерского общества в XVII в. из-за отсутствия подробных данных пока затруднительно.

Таким образом, по степени развития производительных сил и уровню общественного строя забайкальское и приамурское население к моменту присоединения к России неизмеримо отставало от русского населения.

Собственно Забайкалье начало входить в состав России с середины 40-х годов XVII в., когда на восточном побережье Байкала, последовательно сменяя друг друга, появились отряды В. Колесникова, И. Похабова и И. Галкина. Десятник К. Москвитин в 1645 г. через Баргузинские степи дошел до Еравненских озер, находящихся в центре Забайкалья, и от них до р. Селенги, а казаки из отряда И. Галкина к 1649 г. добрались до р. Шилки. В 1646 г. в северо-западной части Забайкалья сын боярский Иван Галкин основал Верхне-Ангарский острог, а в 1648 г. — Баргузинский острог, и русское подданство приняло тунгусское население, обитавшее в бассейне р. Мамы (приток р. Витима) и по берегам озер Еравненского и Буженаяй. «Байкаловская соболиная казна», которую собрал в 1649/50 г. именно с этого населения в Баргузинском остроге В. Колесников, была оценена в Енисейске почти в 1735 руб.<sup>9</sup> Восточное Забайкалье начало входить в состав России с 1649 или 1650 г. С 1650/51 г. стал впервые поступать в Москву ясак с тунгусского населения р. Шилки, которое приняло подданство, по-видимому, в 1649 г., после прибытия к нему нескольких посланных И. Галкиным каза-

<sup>7</sup> «История Сибири», т. 2, Л., 1968, стр. 98, 105.

<sup>8</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, М., 1956, стр. 23.

<sup>9</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 288, лл. 1—8.

ков. За 1650/51 г. с забайкальского населения ясака поступило 19 сороков<sup>10</sup> 28 соболей, 4 бобра, 2 рыси, 6 лис, всего на 1859 руб. (по енисейской оценке)<sup>11</sup>. Прибывший в Забайкалье енисейский сотник П. Бекетов в 1653 г. на водоразделе рек Хилок и Ингода основал у Иргенского озера Иргенский острог, а посланный им десятник М. Уразов — при впадении р. Нерчи в Шилку — Шилкский острог, просуществовавший до 1656 г. В 1658 г. воевода А. Пашков основал в Забайкалье Телембинский острог, а затем вместо Шилкского — Нерчинский острог, ставший административным центром нового Нерчинского уезда.

Восточнобурятское и тунгусское население принимало русское подданство без сколько-нибудь крупных столкновений с отрядами русских служилых людей<sup>12</sup>. К сожалению, ясачные книги — основной источник по истории сибирских народов — по Забайкалью и по Приамурью сохранились крайне плохо. По Иркутскому уезду наиболее ранние ясачные книги относятся только к 80-м годам, по Нерчинскому — к середине 60-х годов XVII в.<sup>13</sup>. Поэтому весьма сложно проследить численность ясачных людей, принявших и сохранявших российский подданство, тем более что оно было очень подвижно в XVII в.<sup>14</sup>. Подвижность кочевого забайкальского тунгусского и бурятского населения объяснялась не только их образом жизни, но и сложностью политической обстановки. Притязания сильных северомонгольских феодалов на право систематического грабежа отдельных групп забайкальского населения часто создавали на протяжении второй половины XVII в. нервную и неустойчивую обстановку, при которой перекочевки порубежного населения и его угон враждебными воинскими силами становились неизбежным явлением.

В 1666 г. русские власти, построив Селенгинский и Удинский остроги, в некоторой степени обеспечили от набегов монгольских тайшей население Селенги, а затем стали принимать меры, чтобы обеспечить безопасность района оз. Еравны, где в 1667 г. был создан Еравненский острог. С этих пор путь на восток через Байкал и далее по рекам Селенге и Уде, а потом от Еравненского острога до Читинского плотбища и от него по р. Шилке на Нерчинск стал основным; главным образом по нему осуществлялись передвижения людских масс

<sup>10</sup> В одном сороке содержалось 40 собольих шкур.

<sup>11</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 288, лл. 1—8.

<sup>12</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, Улан-Удэ, 1958, стр. 53, 54.

<sup>13</sup> Н. Н. Оглоблин, Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа, ч. I, М., 1895, стр. 323, 326.

<sup>14</sup> Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, гл. XVII, XVIII, XX.

и перевозка грузов. Создание системы острогов отвечало также и интересам местного населения. Именно с 60-х годов коренное забайкальское население, подпавшее под власть монгольских тайшей, стало особенно активно стремиться освободиться от зависимости, навязываемой ему монгольскими владетелями, и вернуться на свои «породные земли» в русское подданство<sup>15</sup>. Так, Б. О. Долгих писал относительно селенгинских бурят: «Избавившись от гнета своих монгольских феодалов, они все-таки снова попадают в феодальную зависимость, хотя и в другой форме. Но, конечно, в России бывшим подданным монгольских феодалов жилось легче, и этим объясняется быстрое увеличение численности атаганов, сартолов и хатагинов в пределах Русского государства»<sup>16</sup>.

Еще более сложно складывались судьбы населения Приамурья, вошедшего в середине XVII в. в состав России. Во второй половине XIX в. известный русский ученый-китаевед академик В. П. Васильев ввел в отечественную науку интересные материалы, включенные цинским историком Вэй Юанем в свою «Историю императорских войн» и повествующие о походах маньчжурских ханов, а затем цинских императоров на север и восток Маньчжурии<sup>17</sup>. Маньчжурские племена, консолидировавшиеся в течение всего XVI в., к 1616 г. захватили большую часть современного Северо-Восточного Китая. Основоположник Цинской династии Нурхаци объявил себя наследником империи чжурчжэней и с 1626 г. основал свою столицу в Мукдене. С этого времени и до начала 40-х годов последовало несколько походов маньчжурского войска на Амур<sup>18</sup>. Сами дауры рассказывали В. Пояркову об этих походах: «Которые даурские люди тому хану ясаку не дают и с ним не торгуют, и он де посылает к ним на Зию и на Шилку своих людей и воюет годом подвожды и по трижды, а приходят людно, тысячи по две и по три»<sup>19</sup>.

В Приамурье маньчжуры не стремились закрепиться. Единственной целью этих эпизодических походов был военный грабеж и захват людей. Сами маньчжуры не считали приамурские районы завоеванными и население их не включали в число своих подданных.

В 1636 г. маньчжуры начали войну с Минской династией и в 1644 г. захватили Пекин. С этого момента Абахай, сын

<sup>15</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 57.

<sup>16</sup> Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 319.

<sup>17</sup> В. П. Васильев, Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии, изд. 3, СПб., 1897, стр. 120—122.

<sup>18</sup> Г. В. Мелихов, Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхаци и Абахае (1591—1644), — «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 88 и сл.

<sup>19</sup> ДАИ, т. III, СПб., 1848, № 12/1.

Нурхацы, несколько ранее принявший титул императора, положил начало маньчжурской Цинской династии, под властью которой китайский народ находился до 1912 г. Установить свое господство во всем Китае маньчжуры смогли далеко не сразу; на протяжении более 30 лет китайское население, опиравшееся на южные провинции, вело борьбу с захватчиками. Поэтому до начала 50-х годов XVII в. маньчжурские набеги в Приамурье прекратились.

В результате похода Ерофея Хабарова (1649—1653 гг.) приамурское население приняло русское подданство. В русской дворянской и буржуазной историографии прочно укоренилось мнение о том, что русское подданство на Амуре устанавливалось исключительно силой оружия и дауро-дючерское земледелие погибло именно в результате похода Хабарова. Накопившиеся новые материалы заставляют сейчас иначе оценивать деятельность Хабарова на Амуре, и перед исследователями возникает проблема критического анализа всех имеющихся данных, касающихся вхождения в состав России приамурского населения в середине XVII в. В 1956 г. В. И. Шунков поставил вопрос о разрушении дауро-дючерского земледелия маньчжурскими войсками до появления на Амуре русских. «Отдельные эксцессы во время похода Е. Хабарова, очевидно, были. Возможно, что они оказали некоторое влияние на ускорение процесса разрушения дауро-дючерского земледелия. Но едва ли можно объяснить только ими процесс, начавшийся до появления Е. Хабарова на Амуре»<sup>20</sup>, — писал В. И. Шунков. Имеются также данные, позволяющие иначе оценить и отношение местного населения к русскому подданству.

Устанавливая свою власть в Китае, Цинская династия собственнo маньчжурские земли рассматривала как вотчину, куда не допускалось китайское население. В присоединении к России Приамурья в середине XVII в. Цинская династия увидела угрозу своим вотчинно-династическим интересам и сразу же решила воспрепятствовать какому-либо сближению границ с Россией. Между тем власть маньчжур в это время распространялась далеко не на всю территорию современной Маньчжурии и до фактического сближения границ было еще слишком далеко. Даже в 1678 г. северная граница Маньчжурии официально признавалась Цинской династией по линии Ивового Палисада, т. е. системы полевых укреплений и караулов, окружавшей территорию мукденской провинции. Эта линия в 900 с лишним километров шла от Шаньхайгуана на юго-западе, достигала на севере Вэйюаньпу и на

<sup>20</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, стр. 31.

юге — Фэнхуаншаня. Остальные территории на северо-востоке Маньчжурии считались внешними и в состав империи не включались<sup>21</sup>. Таким образом, от Ивового Палисада до Амура было от 800 до 1000 километров. Эти данные подтверждаются и русскими источниками того же времени. В дополнении к тобольской редакции «Книги Большому чертежу» (1673 г.) указывалось, что китайские караулы находятся за Амуром в двух неделях пути от Албазина<sup>22</sup>.

В 1652 г. маньчжурские войска вторглись по р. Сунгари на Амур и начали военные действия против русских отрядов. Чтобы затруднить там положение русских и лишить их продовольственной базы, маньчжуры довершили разрушение местной земледельческой культуры. Д. Зиновьев, прибывший на Амур в 1653 г. фактически с воеводскими полномочиями, вернувшись в конце 1654 г. в Москву, докладывал начальнику Сибирского приказа боярину А. Н. Трубецкому, что «даурские иноземцы» били челом о «вечном холопстве» и просили урегулировать систему их управления, «только б государь пожаловал, велел их оберегать от богдойского царя»<sup>23</sup>. Малочисленные русские отряды на протяжении шести лет вели упорную оборону, нанесли несколько серьезных поражений маньчжурским войскам, но отстоять местное население не смогли. В 1654 г. маньчжуры стали угонять даур и гогулей в долину притоков Сунгари — Нонни (Наун) и Хурхи (Муданьцзян); та же судьба постигла в 1656 г. дючеров<sup>24</sup>. Полностью угнать население им все же не удалось. Несмотря на подавляющий перевес маньчжурских войск, наиболее многочисленные тунгусские племена и частично местное земледельческое население предпочло российское подданство богдыханскому игу и воспротивилось угону с «породных» мест<sup>25</sup>.

В 1658 г. маньчжурам удалось окружить на Амуре и уничтожить основной русский отряд, находившийся в то время под командой О. Степанова. После этого, к 60-м годам, они ушли с Амура.

Со времен Г. Ф. Миллера сложилось мнение о том, что после поражения О. Степанова маньчжурским войскам удалось полностью вытеснить русские отряды с Амура. В. И. Огородников даже полагал, что в этот момент русское прави-

---

<sup>21</sup> Г. В. Мелихов, К истории проникновения маньчжуров в бассейн верхнего Амура в 80-х годах XVII в., — «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 114—119.

<sup>22</sup> «Книга Большому чертежу», М.—Л., 1950, стр. 188.

<sup>23</sup> «Русская историческая библиотека», т. 15, СПб., 1894, — «Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову...», стр. 3.

<sup>24</sup> Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 581, 596.

<sup>25</sup> Там же, стр. 596.

тельство «оставило пока мысль о новом завоевании Приамурья и решило лучше укрепиться в Забайкалье, чтобы уже отсюда в случае надобности влиять и на амурские дела. Приамурье после этого совершенно запустело и казалось заброшенным краем»<sup>26</sup>. Однако сохранившиеся докладные справки Сибирского приказа и отдельные документы административной переписки свидетельствуют о том, что даже в такой сложный момент политической истории Забайкалья и Приамурья, как середина 50-х годов, местные племена продолжали вносить ясак русским властям. Несмотря на существенные колебания, ясак поступал на протяжении всех 50-х годов, причем в значительных размерах. Этот факт свидетельствует о том, что русские власти сохраняли свой контроль над значительной частью присоединившегося к России населения Приамурья. В 1656/57 г. с ясачных людей Баргузинского и Верхне-Ангарского острогов, обитавших около озер Еравненского, Баунтовского, Буженая, а также на р. Маме, было собрано 19 сороков 5 соболей, а за 1657/58 г.— 21 сорок 28 соболей (по енисейской оценке, на 2660 руб.), т. е. больше, чем в 1649—1651 гг.<sup>27</sup>. Даже в Приамурье ясак собирался систематически. Ясачная и десятинная казна, поступавшая отсюда в Москву, оценивалась в 1651/52 г. в 320 руб., в 1654/55 г. в 4464 руб., в 1655/56 гг. в 921 руб., в 1658/59 г. в 2949 руб., в 1660/61 г. в 1557 руб., в 1662/63 г. в 250 руб. (всего на 10 461 руб.)<sup>28</sup>. Падение ясачного сбора в начале 60-х годов объяснялось не столько выходом местного населения из российского подданства, сколько крайней малочисленностью служилых людей в Приамурье, которые практически не могли объехать всех ясачных людей. К моменту приезда в Даурскую землю нового воеводы Л. Толбузина (май 1662 г.) в Нерчинском, Иргенском и Телембинском острогах оставалось всего лишь 75 служилых людей (по другим данным — 114 человек)<sup>29</sup>. Остальные погибли в сражениях на Амуре, умерли от лишений или вернулись назад за Байкал. Малочисленность русских гарнизонов крайне встревожила начальника Сибирского приказа окольного Р. М. Стрешнева, который в 1663 г. приказал срочно направить в эти остроги из других сибирских городов «добрых охочих» служилых людей и обеспечить их так, «чтобы служилым людям в даурских городах никаких нуж не было»<sup>30</sup>. Разумеется, с такими воинскими силами удерживать власть

<sup>26</sup> В. И. Огородников, Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., Владивосток, 1927, стр. 57, 58.

<sup>27</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 530, лл. 23—27, 32—33.

<sup>28</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 132, лл. 177—181.

<sup>29</sup> Там же, лл. 154—161.

<sup>30</sup> Там же, лл. 145—151.

над Даурией было возможно только при лояльном отношении коренного населения.

Присоединению Забайкалья и Приамурья к России, как политическому акту, ознаменовавшемуся приходом отрядов служилых людей и учреждением русского административного аппарата, сопутствовал параллельный процесс стихийного переселения русского мирного населения, подобно тому, как это наблюдалось и в большинстве других районов Сибири. Трудно даже сказать, какое из этих явлений в данном случае имело наибольшее влияние на процесс присоединения. Хорошо известно, что деятельность промышленников в Сибири была первым этапом в установлении экономических связей между русским и местным населением. Значительные партии русских промышленников находились в Забайкалье с середины XVII в. Присоединялись они и к отрядам служилых людей.

Поход в Приамурье Е. Хабарова, действовавшего по официальному наказу якутского воеводы Д. Францбекова, способствовал массовому переселению на Амур русского населения из Енисейского, Красноярского, Илимского и Якутского уездов, которое приняло систематический характер. П. А. Словцов на основании не сохранившихся до нас сведений считал, что на протяжении 50-х годов на Амур ушло по меньшей мере полторы тысячи человек<sup>31</sup>. Немало «вольных охочих людей» приняло участие уже в самом походе Е. Хабарова. О массовом характере переселенческого движения свидетельствуют данные 1655 г., когда после народного восстания в Прибайкалье на Амур ушло более 300 промышленных и гулящих людей, крестьян и служилых людей. Илимский воевода Б. Оладьин, сообщая об уходе в Дауры «многих воровских русских людей», утверждал о намерении весной 1656 г. многих других бежать туда же. Якутский воевода М. Ладыженский сообщал в начале 1656 г. в Москву, что в результате этих бурных событий с 1653 по 1655 г. из Илимского и Верхоленского острогов служилые люди и крестьяне «мало не все ушли в Дауры»<sup>32</sup>. В Приамурье в начале 50-х годов уходили многие промышленники и из Якутии<sup>33</sup>.

Эти переселения хронологически совпадали с прибытием на Амур облеченного воеводской властью Д. Зиновьева (1653 г.). Об интенсивности переселенческого движения на

<sup>31</sup> П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, стр. 55.

<sup>32</sup> В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., М., 1964, стр. 99; его же, Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., — «Исторические записки», т. 59, 1957, стр. 274.

<sup>33</sup> И. С. Гурвич, Этническая история северо-востока Сибири, М., 1965, стр. 56.

восток в последующие годы свидетельствует история формирования в Енисейске отряда служилых людей, с которыми в 1656 г. ушел назначенный в Приамурье воеводой А. Пашков. Из 460 человек, входивших в этот отряд, 160 человек были набраны в Енисейске и Братском остроге из скопившихся там и согласившихся идти в Приамурье гулящих людей<sup>34</sup>.

Народные переселения и движения отрядов Е. Хабарова и Д. Зиновьева осуществлялись с севера через Тугирский волок, который в это время представлял основной путь для проникновения в Приамурье<sup>35</sup>. Главная роль в освоении этого пути, выведшего на Амур в район будущего Албазина, принадлежала русским промышленникам, изучившим восточные и юго-восточные районы Якутии по мере освоения пушных таежных угодий. Этим же путем предполагал идти в Приамурье и А. Пашков, который изменил направление своего похода и двинулся через Байкал на р. Селенгу, будучи уже в устье р. Илима<sup>36</sup>. Масштабы народного движения на Амур были настолько велики, что сибирская администрация стала опасаться обезлюдения районов, откуда уходили переселенцы, и в 1656 г. устроила в устье р. Олекмы заставу<sup>37</sup>.

Русское переселенческое движение в 50-х годах в Приамурье, возможно, было задержано, но отнюдь не остановлено вторжением на Амур маньчжурских войск. Продолжавшееся переселение в Даурию в начале 60-х годов было настолько значительно, что енисейские власти, например, во избежание неприятностей в отчетах за 1664 г. и последующие годы сообщали в Москву завышенную численность местного крестьянского населения, оставшегося там после побегов<sup>38</sup>. Крупное народное восстание, вспыхнувшее в 1665 г. в Илимском уезде против феодального гнета, еще более способствовало уходу русского населения далее на восток. Восставшие, руководимые Никифором Черниговским, убили илимского воеводу Л. Обухова и северным путем ушли на Амур, а оставшееся население готовилось вслед за ними к «даурскому побегу»<sup>39</sup>. Около 1670 г. служилые люди Красноярска также готовились к массовому побегу в Даурию; одна из групп выступила в поход, предполагая соединиться с беглецами из Верхоленского острога, но была задержана в 1671 г.

<sup>34</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 132, лл. 177—181.

<sup>35</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, М., 1955, стр. 130—131.

<sup>36</sup> В. К. Андриевич, Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г., СПб., 1887, стр. 37.

<sup>37</sup> ДАИ, т. IV, СПб., 1851, № 33.

<sup>38</sup> В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 100.

<sup>39</sup> В. А. Александров, Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 275, 276.

на Ангарской заставе<sup>40</sup>. В 60—70-х годах в связи с оскудением якутских пушных промыслов многие русские промышленники стали покидать Ленский край<sup>41</sup>. Какая-то часть, по всей вероятности, направилась и в Приамурье, где в это время осваивались соболиные промыслы.

К 70-м годам северные пути в Приамурье стали терять свое значение в связи с установлением более удобных южных путей по территории Забайкалья. По описанию «Чертежа всей Сибири» (1667 г.) Тугирский волок преодолевать было крайне затруднительно: «По тому волоку болота и озера и реки, и путь нужен, потому, что через те реки и озера и болота пройдут пеши»<sup>42</sup>. Тем не менее связи бассейна Лены и Охотского острога с Приамурьем по-прежнему осуществлялись и по старым, ранее известным путям. Так, в тобольской редакции «Книги Большому чертежу», составленной в 1673 г., наряду со всеми сибирскими путями упомянут и путь на Амур с Лены по Олекме через Тугирский волок<sup>43</sup>. В 1674 г. на нем вновь устанавливалась застава, чтобы задерживать уходящих в Даурию русских переселенцев<sup>44</sup>. Основания к беспокойству у сибирских властей безусловно были. В начале 80-х годов пашенные крестьяне шести волостей Илимского уезда (Нижне- и Верхнеилимской, Киренской, Яндинской, Идинской, Банзарской) жаловались на многих своих односельчан, бежавших от феодальных повинностей в даурские остроги<sup>45</sup>. Тогда же из Енисейска с отрядом служилых людей, направлявшимся в Дауры, бежала группа из крестьян, зависимых людей, «тюремных сидельцев»<sup>46</sup>.

Эти передвижения отражали миграции вторичного порядка, когда основную массу переселенцев составляло русское население, первоначально уже осевшее в Сибири, и, что весьма существенно, свидетельствовали о систематическом характере русского заселения Забайкалья и Приамурья.

Народы Забайкалья и Приамурья после присоединения к России попадали в систему управления, государственного централизованного позднефеодального государства. Феодальные повинности коренного местного населения определялись ясачным режимом, основу которого составляла рента, уплачиваемая государству за пользование различными угодьями.

<sup>40</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 г., стр. 61.

<sup>41</sup> И. С. Гурвич, Этническая история северо-востока Сибири, стр. 59; ДАИ, т. VI, СПб., 1857, стр. 402.

<sup>42</sup> А. Титов, Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 33.

<sup>43</sup> «Книга Большому чертежу», стр. 188.

<sup>44</sup> ДАИ, т. VI, № 103.

<sup>45</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 355, ч. II, лл. 557—558.

<sup>46</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355 ч. II, лл. 270, 271; Нерчинская приказная изба, д. 19, лл. 46—47.

Царское правительство, возлагая общий надзор над ясачным населением на воеводское управление, не только не посягало на власть родо-племенной верхушки над улусными людьми, но и способствовало ее укреплению. Таким образом, вся тяжесть ясачного режима падала на широкие слои местного населения. Родо-племенная верхушка, убедившись в том, что за ней остаются многие ее привилегии, быстро оценила выгоды своего положения. Кроме того, оживление экономической жизни в Забайкалье и Приамурье после появления там русского населения расширяло возможности обогащения местных «князцов» и «лучших людей». Русское правительство строжайше запрещало местной администрации и служилым людям наносить ясачным людям «хотя бы малую обиду». Это требование далеко не всегда выполнялось воеводами, и их «насильства» и другие злоупотребления были обычным явлением. Однако родо-племенная верхушка быстро научилась ладить с местными воеводами, а далеко не легкие последствия административного произвола испытывали на себе рядовые ясачные люди. Из-за низкого уровня производительных сил ясак сплошь и рядом становился тяжелой повинностью для местного населения, усугублявшейся злоупотреблениями при его сборе. Несмотря на это, ясачные люди видели в русском подданстве определенные положительные стороны и в массе своей не желали его лишаться. Царское правительство в своих фискальных интересах пресекало междоусобные столкновения, наносившие тяжелый урон местному населению, запрещало русским «холопить» ясачных людей, довольно осторожно проводило их христианизацию и неукоснительно стремилось оградить их от иноземных вторжений. Поэтому местное население, успевшее к середине XVII в. испытать на себе военные набеги маньчжурских и монгольских войск, разорение и угон, увидело в русском подданстве единственную возможность сохранить свое существование. Дальнейшая история народов Сибири показала, что присоединение к России, несмотря на все тяготы феодального гнета, не нарушило их этнического развития.

Другим, не менее существенным фактором, способствовавшим закреплению сибирских территорий в составе России, было их заселение стихийно переселявшимся на восток русским населением. Если Цинская династия свою агрессивную политику строила исключительно на подавлении соседних народов, а систему управления в захваченных районах подчиняла задачам военно-феодалного грабежа, причем исключительно в интересах привилегированного маньчжурского меньшинства, то господство России в Сибири в своей перспективе определяло становление там более высокого уровня общественных и экономических отношений. Русские переселенцы,

прежде всего трудовое крестьянство, поселяясь бок о бок с аборигенами, прививали им новые, несравненно более прогрессивные формы хозяйственной деятельности, способствовавшие быстрому развитию местных производительных сил. Развитие пашенного земледелия, возникновение торгово-ремесленных центров — городов было прежде всего результатом деятельности русских переселенцев. Таким образом, включение Забайкалья и Приамурья в состав России влекло за собой не только политические, но и социально-экономические и культурные последствия, являвшиеся результатом хозяйственного освоения русским населением новых территорий и его многообразных контактов с аборигенами.

### **Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья. Создание русских земледельческих районов**

Интерес к Сибири, стремление осмыслить значение ее присоединения активно проявились у русских людей уже в XVII в., и описания событий в далеких «закаменных» землях (т. е. за Уральским хребтом) тогда же нашли себе место в летописях, различных повестях и путевых записках. Именно они послужили исходным материалом для отечественной историографии, внимание которой приковывалось к Сибири, быть может, более, чем к какой-либо иной окраинной территории России. Этот интерес к Сибири определялся не только тем, что она стала частью государства, но и тем, что она с момента присоединения становилась «русской землей», заселяемой и осваиваемой русским народом.

Советская историография показала мировое значение русских географических открытий, явившихся следствием практического изучения сибирских земель<sup>47</sup>. Забайкалье и Приамурье не составляли исключения в этом отношении. «Чертежи» пройденным рекам были сделаны в 40-х годах XVII в. В. Поярковым и его спутниками; «чертеж» р. Амура привез Е. Хабаров; служилые люди П. Бекетова в 1653 г. составили «чертежи» рек Иргень, Хилок, Ингода и Шилка. И. Поршенников в 1668 г. составил «чертеж» Селенги<sup>48</sup>. Несколько позднее, в начале 80-х годов, составлялись «чертежи» Амура и его северных притоков (Зеи и др.). Так, стихийное народное за-

<sup>47</sup> См.: «Книга Большому чертежу», стр. 184—188; А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 25—54; «Атлас географических открытий в Сибири и северо-западной Америке XVII—XVIII веков», М., 1964; А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, стр. 25 и сл.; Л. А. Гольденберг, Семен Ульянович Ремезов, М., 1965, стр. 89 и сл.

<sup>48</sup> М. С. Боднарский, Очерки по истории русского землеведения, т. I, 1949, стр. 46, 52; П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, стр. 53.

селение сопровождалось практическим изучением заселяемых территорий и определением возможностей хозяйственного их освоения, прежде всего земледелия, а также рыболовства, пушного промысла и т. п. Материалы этого изучения уже в 60—80-х годах использовались при составлении общесибирских историко-географических описаний и карт. Об осведомленности русских о Забайкалье и бассейне Амура свидетельствуют произведения Н. Спафария и Ю. Крижанича. В «Сказании о великой реке Амуре», принадлежавшем перу Н. Спафария, высказывалась мысль о возможности плавания из Амура в Тихий океан<sup>49</sup>.

Еще более широкий вывод о путях из Европы на восток делал Ю. Крижанич. Хорошо известно стремление западноевропейской географической мысли определить возможность плавания на восток по Северному Ледовитому океану. Эта задача, волновавшая западноевропейских исследователей на протяжении нескольких столетий, была практически решена русскими землепроходцами. Обобщая сведения, концентрировавшиеся в Тобольске, Ю. Крижанич писал в 70-х годах XVII в.: «Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном»<sup>50</sup>.

Те же мысли о возможности выхода из Амура в Тихий океан и плавания от его устья в Северный Ледовитый океан проводятся и в «Описании новых земель, сиречь Сибирского царства», составленном между 1683 и 1690 гг.<sup>51</sup>. Любопытно, что в данном произведении североморской путь указывается, так сказать, в обратном направлении, с востока на запад.

Итак, русские исследования приамурских областей в XVII в. были одним из важнейших звеньев в решении географической загадки мирового значения.

Даурия представлялась русским людям обетованной землей с богатой флорой и фауной. Якутский воевода Д. Францбеков еще в 1650 г. считал, «что та Даурская земля будет прибыльнее Лены... и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно»<sup>52</sup>. По «Описанию новых земель, сиречь Сибирского царства» прекрасно видно, насколько хорошо к 80-м годам русским людям были известны берега Амура: «Степные пахотные, добрые хлебородные земли, черностию земля в человеческий пояс. Да на тех же степных местах многие соляные самосадные озера... И та земля зело

<sup>49</sup> А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 110—111.

<sup>50</sup> Там же, стр. 214—215.

<sup>51</sup> Там же, стр. 57—101. Датировку этого произведения можно установить по упоминанию в тексте 7191 года, т. е. 1682/83 г., и по упоминанию о существовании Албазинского острога, который был покинут русскими в 1690 г. (стр. 86, 90).

<sup>52</sup> ДАИ, т. II, № 72.

добра, понеже изо всех государских Сибирских городов на той Даурской земли всякой хлеб родится: рожь и яровой из единой меры родится 50, 60 и 70 мер; а по великой реке Амуре по берегам и по островам сам собой виноград растет кроме человеческого труда; в великой реке Амуре против Албазинского острога и вниз по тому ж рыб: белуг чистых, больших калужек, осетров, стерлядей, сазанов и всякой мелкой бесчисленно много, и всякие безчисленные ягоды родятся, иные же им имени не знати. А с левой стороны великия реки Амурса с Ленского боку от камени зело великия леса и всякого зверя без числа много и по рекам рыбы такожде много»<sup>53</sup>.

Богатства Даурской земли активно использовались русскими переселенцами; имеющиеся данные показывают, что спустя 25—30 лет после появления русских в Забайкалье и Приамурье, к 70—80-м годам XVII в., там уже сложились районы многообразной русской хозяйственной культуры, втянутые в образующуюся систему сибирских рыночных отношений.

Развитие производительных сил Сибири в XVII в. прежде всего определялось важнейшей отраслью хозяйства русского населения — земледелием (оно, разумеется, не исчерпывало всех форм жизнедеятельности этого населения).

На восточном побережье Байкала с момента основания Баргузинского острога (1848 г.) в его лесных окрестностях начались настойчивые попытки основать земледельческое хозяйство. Местные природные условия оказались неблагоприятными для земледелия, но упорные «опыты» продолжались десятилетиями<sup>54</sup>. Значительно более успешно развивалось русское хозяйство юго-восточнее Байкала — по нижнему течению Селенги, от ее устья до Селенгинского острога (Кударинская степь и район Ильинской слободы)<sup>55</sup>. Заселению этого района способствовала большая дорога, связывавшая Забайкалье и Приамурье с западными районами Сибири. Административным и экономическим центром этого района русского заселения становился Удинский острог, созданный в 1666 г. и расположенный «в боровом лесном месте», на краю степи. Служилые и торговые люди в 1684 г. определенно свидетельствовали в Енисейске воеводе князю К. О. Щербатову: «Мимо Удинской острог в Даурские и из Даурских

<sup>53</sup> А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 90—91.

<sup>54</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, стр. 194—195; П. И. Кашик, Из истории заселения Иркутского уезда в XVII—начале XVIII в., — «Ученые записки Иркутского государственного пед. института», вып. XVI, Благовещенск, 1958, стр. 238.

<sup>55</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, стр. 195.

острогов с казнами великих государей и со всякими делы, и служилым и торговым и промышленным и всяким людем проезд бывает большой и в казну великих государей в том Удинском остроге пошлины собираютца; и за тем де Удинским острогам жить служилым и ясашным людем и пашенным крестьяном от приходу воинских людей впредь будет безстрашно и оберегательно»<sup>56</sup>. От устья Селенги в 70-х годах образовалась цепочка русских поселений, среди которых выделялись Ильинская слобода, Итанцинский и Кабанский острожки. Н. Спафарий насчитал в Ильинской слободе в 1675 г. 20 дворов крестьян и служилых людей, занимавшихся сельским хозяйством. Кроме того, по его данным, между устьем Селенги и Селенгинским острогом было четыре заимки и две деревни. Выдвинутый в степь на рубеже «Мугальской земли» Селенгинский острог имел стратегическое значение. Несмотря на его порубежное положение, русское население интенсивно развивало здесь свое хозяйство. Земли под Селенгинском были распаханы в 1666 г., т. е. в момент основания острога енисейскими казаками и «охочими» людьми. Н. Спафарий считал, что в Селенгинске проживало более 200 казаков и гулящих людей<sup>57</sup>. В 70-х годах под Селенгинском существовало по меньшей мере 20 крестьянских хозяйств. Некоторые служилые люди собирали со своих пашен более сотни пудов зерна и не получали казенного хлебного жалованья<sup>58</sup>. Недалеко от острога у соляного озера русское население начало выварку самосадочной соли; развивалось там и животноводство. В 1688 г. из-под Селенгинска только у одного местного приказчика И. Поршенникова было угнано неприятелем 15 голов рогатого скота, 4 верблюда и 8 лошадей<sup>59</sup>.

В 1670/71 г. в Селенгинском остроге было 116 служилых людей, к 1685 г. их число возросло до 157<sup>60</sup>. Помимо их и местных крестьян в остроге и окрестных деревнях проживало немало пришлых и, по-видимому, осевших гулящих и промышленных людей, которые или нанимались на работы к местным земледельцам, или сами основывали свои хозяйства. В конце 1681 г. там проживало такого пришлого населения «человек со сто»<sup>61</sup>. Всего в 80-х годах русское на-

<sup>56</sup> ДАИ, т. XI, СПб., 1869, № 34.

<sup>57</sup> «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году», СПб., 1882, стр. 124—127 (далее — «Путешествие через Сибирь.. Николая Спафария»).

<sup>58</sup> Там же, стр. 162; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 78, л. 35.

<sup>59</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1045, лл. 1—5.

<sup>60</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 974, ч. II, лл. 171—173; кн. 583, лл. 210—241.

<sup>61</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, лл. 54—55.

селение острога и его окрестностей насчитывало несколько сотен человек.

О численности постоянного русского населения в Баргузинском и Верхне-Ангарском острогах и в поселениях, расположенных далее на восток на пути к Нерчинску (в Удинском, Еравненском, Иргенском и Телембинском острогах и Читинском плотбище, а также в Баунтовском остроге), данных нет. Известно о существовании в Телембинском остроге постоянного населения, занимавшегося железоделательным промыслом. Кроме него в остроге в 13 дворах проживали служилые люди. Около острога была заимка, где вел хозяйство нерчинский сын боярский Бажен Никитин<sup>62</sup>.

Более крупным районом русского заселения стало Приамурье. Еще в 1654 г. П. Бекетов сделал попытку завести пашню около Шилкского острога<sup>63</sup>. В 1657 г. нерчинский воевода А. Пашков, используя имевшихся у него служилых людей, запахал на казенные нужды под яровой и озимый сев до 120 десятин. В 70-х годах под Нерчинском существовали крестьянские хозяйства, но, по мнению В. И. Шункова, развитие там государевой (десятинной) и «собинной» крестьянской пашни происходило только с начала 80-х годов<sup>64</sup>. В 1682/83 г. нерчинский воевода Ф. Воейков писал, что «до него де, Федора, и при нем заведена в Нерчинском уезде, вниз по Шилке реке и по иным местам, пашня, и на тех де пашнях хлеб родитца добр и поселены де пашенные крестьяня и иных де пашенных земель в Нерчинском и в Новоаргунском уездах много»<sup>65</sup>. Специальные «досмотры» Игнатия Милованова по рекам Шилке, Нерчи, Уюрге, около Аргунского острога, основанного в 1681 г., позволили Ф. Воейкову сделать вывод о возможности поселить в Нерчинском уезде до 500 крестьянских семей<sup>66</sup>. Имеются данные о поселении на пашню в Нерчинском уезде в начале 80-х годов ссыльных людей<sup>67</sup>. Тогда же у некоторых нерчинских служилых людей (например, у сына боярского Никифора Сенотрусова) существовали хозяйства, в которых при помощи вольнонаемного труда получали сотни пудов зерна<sup>68</sup>.

Однако вся история русского заселения Сибири в XVII в.

---

<sup>62</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 158—164; «Путешествие через Сибирь ...Николая Спафария», стр. 138.

<sup>63</sup> В. К. Андреевич, Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г., стр. 28.

<sup>64</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, стр. 195—199.

<sup>65</sup> ДАИ, т. XI, № 21/II.

<sup>66</sup> Там же.

<sup>67</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, стр. 216—217.

<sup>68</sup> ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, № 109.

показывает, что административно-полицейские меры, направленные на развитие сельского хозяйства, не достигали эффекта. Относительно медленное развитие земледелия в Нерчинском уезде следует объяснять слабым оседанием там вольных переселенцев, которых более привлекали земли по берегам Амура в районе Албазина. Поэтому Нерчинск считался «бесхлебным» городом, и его обеспечение из Прибайкалья доставляло много хлопот сибирской администрации.

Зимой торговые люди, скупавшие в Братском остроге овес, рожь, пшеницу, на лошадях доставляли эти товары в Илимск. Оттуда они направлялись в Иркутск и далее до Удинска водным путем по Ангаре, Байкалу, Селенге и Уде; потом товары перевозились на вьюках до Ингоды и от Читинского плотбища следовали на плотах к Нерчинску. Нерчинские служилые люди обязывались сами перевозить от Удинска предназначавшиеся им казенные хлебные запасы. В одной своей челобитной они ярко описали трудности, которые им приходилось испытывать при доставке этих запасов, на что уходило до трех месяцев<sup>69</sup>.

По наблюдениям Н. Спафария, в 1675 г. в Нерчинске проживало около 200 служилых людей, которым принадлежало 60 дворов. Комплектовались они в основном за счет гулящих и промышленных людей<sup>70</sup>.

В рассматриваемое время Нерчинск становился местным экономическим центром, в котором помимо служилого люда проживали приезжие торговцы и постоянно скапливались вольные гулящие и промышленные люди. В 1673/74 г. в Нерчинске было поверстано в служилые люди 20 гулящих людей, пришедших туда из сибирских городов<sup>71</sup>. В начале 1682 г. во время одного похода отряд нерчинских служилых людей поддержали 46 промышленников<sup>72</sup>. По свидетельству нерчинского сына боярского И. Милованова, в 1684 г. в Нерчинском, Еравненском, Иргенском, Телембинском и Аргунском острогах насчитывалось до 200 промышленных и гулящих людей<sup>73</sup>. Тогда же в Нерчинске длительное время проживало по каким-то своим делам 11 служилых и 8 посадских людей, приехавших туда из Енисейска<sup>74</sup>.

<sup>69</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 355, ч. II, лл. 419—421.

<sup>70</sup> «Путешествие через Сибирь ...Николая Спафария», стр. 140; Г. А. Леонтьева, К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII — начале XVIII в. Нерчинский уезд, — «Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока», вып. II, Новосибирск, 1968, стр. 47, 49, 51; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 24—31.

<sup>71</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 1, лл. 14—15.

<sup>72</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 13, л. 23.

<sup>73</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 112—140.

<sup>74</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 19, лл. 59—61.

Таким образом, в Забайкалье, включая район Нерчинска, по явно неполным данным, проживало в начале 80-х годов свыше 350 служилых людей и примерно столько же мирного населения — промышленников, гулящих людей, крестьян.

Наиболее активно складывалось русское население и развивалось его хозяйство собственно на Амуре, в наиболее восточном районе русского заселения. Об основании русского земледельческого хозяйства на Амуре думали еще в 50-х годах Е. Хабаров и Д. Зиновьев<sup>75</sup>. В то время с русскими отрядами туда приходило немало «вольных охочих людей»; кроме того, сибирские приборные служилые люди по социальному положению и трудовым навыкам были очень близки крестьянскому люду. Поэтому Д. Зиновьеву, быть может, и удалось бы положить на Амуре начало русской пашне, если бы не вторжение маньчжурских войск.

Возможно, со временем найдутся документы, свидетельствующие о создании на Амуре русских поселений в 50-х годах. В истории русского заселения и освоения Сибири случаи, когда в отдельных районах административная власть устанавливалась позже проникновения туда русских переселенцев, нельзя считать исключениями. То же самое происходило и на первом этапе освоения русскими Приамурья. Активное развитие русского земледелия на Амуре началось несколько позднее, с 60-х годов, причем, что весьма существенно, не по указанию местных властей, а по инициативе вольных русских переселенцев. За короткое время русское стихийное переселенческое движение создало там целый земледельческий район.

Центром русских поселений на Амуре был Албазинский острог, сыгравший, несмотря на свое непродолжительное существование, очень заметную роль в истории русского заселения Сибири. Еще в 1651 г. Е. Хабаров зимовал в городке даурского князя Албазы. В «Списке с чертежа сибирския земли» (1672 г.) говорится, что Албазин возник именно на месте этого городка<sup>76</sup>. Как русское поселение Албазин был основан в 1665 г. русскими людьми, которые пришли из Прибайкалья после восстания и расправы над илимским воеводой Лаврентием Обуховым. В дореволюционной русской историографии сложилась далекая от истины трактовка возникновения Албазина. П. А. Словцов, В. К. Андриевич и другие дореволюционные ученые значительно большее внима-

---

<sup>75</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, стр. 193.

<sup>76</sup> П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, стр. 47; С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 155; А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 48.

ние уделяли не собственно истории заселения берегов Амура в 1665 г., а личности Никифора Черниговского, возглавлявшего восставшее население. Разумеется, в их глазах ссыльный, не то поляк, не то украинский казак, которому в Сибири было доверено руководство Усть-Кутской государственной солеварней, мог расцениваться только как государственный преступник, коль скоро он, движимый к тому же личным оскорблением, нанесенным ему Л. Обуховым, организовал восстание<sup>77</sup>.

Эти историки считали, что в дальнейшем, обосновавшись на Амуре, Н. Черниговский старался загладить свою вину перед правительством, собирал ясак с местных жителей и в 1672 г. добился не только прощения, но и награды. Так содздалось мнение о «воровском» происхождении Албазина, основанном государственными преступниками за пределами российской территории. Фактически это мнение лишь подтверждало версию, выдвинутую богдыханским правительством Китая вскоре же после появления Н. Черниговского на Амуре.

Причины народного восстания в Прибайкалье в 1665 г. выяснены достаточно ясно. Сами восставшие говорили, что убили они Л. Обухова «за невозможное свое терпенье, что он, Лаврентей, приезжая к ним в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал»<sup>78</sup>. Восстание, за которым последовала очередная переселенческая волна на Амур, прежде всего было вызвано феодальным гнетом, который усугублялся личным произволом местного воеводы. Причины, которые привели Н. Черниговского в ссылку, неизвестны. По своему положению вряд ли он питал какие-либо симпатии к местным административным лицам. Но конечно, говорить об инициативе Н. Черниговского в организации восстания и переселения на Амур не приходится. Скорее всего, он присоединился к восстанию, воспользовавшись народным возмущением для расправы с Л. Обуховым и, возможно, в силу личных причин оказался во главе восставших<sup>79</sup>.

Русские переселенцы, переваливая через Уральский хребет, стремились прежде всего уйти от феодального гнета помещиков и царской администрации. Внутрисибирские мигра-

---

<sup>77</sup> П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, стр. 101; В. К. Андриевич, Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г., стр. 40.

<sup>78</sup> В. А. Александров, Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 275.

<sup>79</sup> Историю Н. Черниговского в искаженном виде передает также Ю. Крижанич. По его словам, жертвой Л. Обухова была не жена, а сестра Н. Черниговского. См.: А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 213.

шии русского населения в XVII в. сплошь и рядом объяснялись той же причиной. Однако как бы ни стремилось русское трудовое население избежать феодального гнета, уйти из-под опеки воеводского управления, оно не ставило перед собой задачи выйти за границы государства или отложиться от него. Наивная мысль жить «особь», т. е. вне феодальных повинностей, отчетливо проявилась в многочисленных народных восстаниях, которые поднимались русскими поселенцами в Сибири на протяжении XVII в. В этих движениях народные массы или старались освободиться из-под власти того или иного воеводы, управление которого было невыносимо, или вовсе добиться освобождения от воеводского управления; в последнем случае население или уходило на новые необжитые места, или требовало самоуправления. История русского заселения Амура в 50-х и особенно в 60-х годах ярко отражает эти специфические особенности, свойственные заселению всей Сибири. Основная масса переселенцев ушла на Амур в 60-х годах, стремясь избавиться от феодального гнета, но отнюдь не собиралась выйти за границы российской государственности, поскольку район Албазина вошел в состав владений России еще во времена похода Хабарова. После постройки Албазина переселенцы сразу же взяли на себя выполнение такой важной государственной функции, как сбор ясака с перешедшего в 50-х годах в российское подданство местного населения. От нерчинских воевод албазинские служилые люди даже требовали не смешивать собранный ими ясак с нерчинским сбором и пересылать его в Москву отдельной партией, опечатанной албазинской печатью, чтобы Сибирский приказ не обвинил их в утайке мехов<sup>80</sup>. Ясачные книги аккуратно хранились в Албазине вместе с другими официальными документами<sup>81</sup>. В то же время албазинское население старалось обезопасить себя от проявлений феодального гнета. Оно прежде всего боролось за право выбора местной приказной администрации, а также решительно выступало против наиболее тяжелой формы феодальной эксплуатации — десятинной (государевой) пашни, повсеместно вводимой в Сибири. Со своей стороны нерчинские воеводы посылали в Албазин свои «указные памяти» по различным сторонам управления и принимали собранный ясак, тем самым признавая правомочность действий Н. Черниговского, причем в пределах российской территории. Таким образом, фактические административные связи с Албазином никогда не прерывались, хотя, разумеется, ни

<sup>80</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 57.

<sup>81</sup> В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, М., 1844, стр. 138.

центральная, ни сибирская администрация не могли одобрительно относиться к «самовольству» албазинского населения и стремились его поставить в условия феодального управления и эксплуатации, общие для всей Сибири. Правительство царя Алексея Михайловича заочно приговорило Н. Черниговского и группу его соратников за убийство Л. Обухова к смертной казни. По предложению тобольских властей правительство сочло более целесообразным «утишить» народное возмущение, помиловать участников Илимского восстания 1665 г., но поставить во главе управления Албазина официально назначенного приказчика Любима Евсева (1672 г.)<sup>82</sup>. Отстаивая право выбора управления, местное население, по всей вероятности, поддерживало Н. Черниговского, и сместить его удалось далеко не сразу, несмотря на прибытие в Албазин Л. Евсева. Прибывший в Нерчинск в ноябре 1673 г. новый воевода П. Шульгин вскоре сообщил в Москву о посылке в Албазин на место Н. Черниговского нерчинского служилого человека Семена Вешняка<sup>83</sup>. Сохранился росписной список, датированный 12 февраля 1674 г., по которому сын боярский С. Вешняк принял от Н. Черниговского Албазинский острог<sup>84</sup>. Тем не менее Н. Черниговский продолжал выполнять ответственные поручения и в апреле 1674 г. возглавлял албазинских казаков, ходивших по приказу П. Шульгина вместе с нерчинскими служилыми людьми на табунотов в Еравненскую степь<sup>85</sup>.

Борьба за ликвидацию выборности местного управления находилась в прямой связи с распространением на албазинское население натуральной повинности по обработке десятинной пашни. Еще в 1667 г. нерчинский воевода Л. Толбузин попытался организовать в Албазине десятинную пашню и направил туда пять крестьян, которые, согласно заключенным поручным записям, должны были пахать десятинную пашню. Однако албазинское население убедило присланных крестьян основывать только свои, «собинные» пашни<sup>86</sup>. До начала 1674 г. пашенных крестьян больше в Албазин не присылалось и в росписном списке С. Вешняка перечислены только указанные пять пашенных крестьян. Албазинские зем-

---

<sup>82</sup> В. К. Андриевич, Краткий очерк истории Забайкалья с древнейших времен до 1762 г., стр. 234; П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, стр. 101—102; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 64—65.

<sup>83</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 1, лл. 5—9.

<sup>84</sup> В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 137—140.

<sup>85</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, Казань, 1882, стр. 22—23.

<sup>86</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, стр. 196—197.

ледельцы противились распространению десятинной пашни, в частности потому, что под нее отводились лучшие, уже освоенные ими земли. В 1674 г. для десятинной пашни таких земель даже не хватало<sup>87</sup>. Новую попытку завести в Албазин десятинную пашню сделал нерчинский воевода П. Шульгин, который на протяжении 1674—1677 гг. прислал в Албазин две партии ссыльных людей (47 и 27 человек)<sup>88</sup>. По этому поводу в 1675 г. между албазинским населением и П. Шульгиным разгорелся целый конфликт, в котором деятельное участие принял и Н. Черниговский. По требованию албазинских служилых людей он поверстал в военную службу присланных ссыльных людей, которых П. Шульгин определил в пашенные крестьяне и обязал пахать десятинную пашню. Шульгин послал в Албазин нерчинского служилого человека Надея Иванова, который донес ему, что и ранее посланные в Албазин ссыльные люди будто бы «живут вольно и государевой пашни не пашут, а поноровкой албазинских казаков пашут свои собственные земли и хлеба напахивают довольно»<sup>89</sup>. Шульгин донес в Москву о «самовольстве» албазинского населения и Н. Черниговского (дальнейшая судьба Н. Черниговского неизвестна). С 1675 г., несмотря на сопротивление албазинцев, нерчинские власти добились ликвидации выборности приказчиков в Албазине и учреждения десятинной пашни, хотя ее обрабатывали, по-видимому, только ссыльные (всего 47 человек). Тем не менее служилые албазинские люди до 80-х годов продолжали бороться за право участия в управлении. Даже «добрые» албазинские казаки, сопровождавшие в это время Н. Спафария на пути в Пекин, вполне определенно объясняли ему свою позицию: великому государю они с «великим радением служат, и впредь потому ж обещают... только меж ими и меж Павлом Шульгиным учинились ссоры для того, что они не приняли тобольского козака одного, которого он послал владеть над ними, потому что он хотел завести кабак и иные непристойные речи в остроге, а просили они, чтоб он дал им из старых даурских служилых людей начальника, и он им не дал, и оттого учинились ссоры»<sup>90</sup>. В 1676 г. албазинские казаки обвинили в ростовщичестве приказчика Т. Фролова и учинили над ним суд<sup>91</sup>. В 1682 г. они выступили против нерчинско-

<sup>87</sup> Там же, стр. 197.

<sup>88</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 57, 58.

<sup>89</sup> Там же, стр. 56, 57.

<sup>90</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», — «Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом», вып. XVII, СПб., 1906, отд. II, стр. 178.

<sup>91</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 58.

го воеводы Ф. Воейкова. Как и раньше, казаки заявили Ф. Воейкову: «Нерчинских детей боярских и козаков в Албазин на приказ не примем и не хотим де мы быть у них под началом, и вели де у них быть на приказе албазинским козакам». Ф. Воейков попытался опереться в Албазине на местных крестьян и промышленных людей, но ничего не добился и вынужден был согласиться на избрание приказчиком албазинского десятника Ивана Войлочникова, а также выдать казакам недоплаченное ранее жалованье<sup>92</sup>. На этот раз правительство иначе отнеслось к столкновению албазинского населения с нерчинскими властями и, отозвав из Нерчинска Ф. Воейкова, назначило над ним сыск, который был поручен впервые посланному в Албазин воеводе А. Толбузину.

Население Албазина — и казаки и крестьянство — сложилось из вольных переселенцев, лишь крайне незначительную часть его составляли присланные в 1674—1677 гг. ссыльные — 74 человека.

К 80-м годам Амурский район оказался наиболее заселенным по сравнению со всем Забайкальем. Более того, несмотря на порубежное положение, большая часть его русского населения состояла из невоенных людей — крестьян, промышленников и гулящих людей. Собственно албазинских казаков в 1680 г. было 222<sup>93</sup>, до начала 80-х годов власти не пополняли гарнизона Албазина служилыми людьми из других мест. О численности крестьянского населения Албазинского уезда к 80-м годам существуют разные мнения. В. И. Огородников называет цифру в 410—420 человек, П. Т. Яковлева — около 500 человек, Б. О. Долгих — 330<sup>94</sup>. Помимо крестьян там более или менее постоянно находилось несколько сот промышленников и гулящих людей, занимавшихся пушным промыслом, самостоятельно пахавших пашни или нанимавшихся работать на мельницы, на уборку урожая и т. п. Летом 1684 г. в Албазине собралось до 250 промышленников, значительная часть которых предполагала уйти осенью на промысел. Кроме них какое-то количество промышленников уже находилось на промыслах на Зее и Селемдже<sup>95</sup>. Следовательно, к началу 80-х годов в бассейне Амура от устья Аргуни до Зеи находилось, по минимальным подсчетам, до 800 человек русского населения мужского пола (крестьян, промышленников, казаков).

<sup>92</sup> ДАИ, т. XII, СПб., 1872, № 2.

<sup>93</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, л. 31.

<sup>94</sup> В. И. Огородников, Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., стр. 63; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 581; П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 62.

<sup>95</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 54—58.

Центр этого района, Албазинский острог, стоял в широкой долине Амура на высокоом береговом мысу. В 1680 г. он представлял собой четырехугольник со стенами общей протяженностью до 160 сажень, над которыми возвышались 3 башни. Острог был окружен рвом, имевшим 3 сажени в ширину и 1,5 сажени в глубину; за рвом, с двух сторон острога, в 2 яруса были вбиты в землю надолбы и в 6 рядов набит «чеснок». В остроге находились 2 церкви (Вознесения и Николая-чудотворца), приказная изба, другие служебные помещения и 4 жилых двора, в том числе и воеводский двор. Подле острога находился посад с 53 «жилицкими» дворами и сразу же начинались пашни. Албазинский казачий атаман И. Коркин насчитал в 1680 г. под самым острогом до 50 вновь поселившихся крестьян<sup>96</sup>.

На амурских берегах ниже устья Аргуни было расположено более 20 русских сельскохозяйственных селений — слобод, деревень, заимок. У самого устья Аргуни располагалась Усть-Аргунская (Усть-Стрелочная) деревня с окружающими ее заимками (в частности, заимка сына боярского Г. Лоншакова). Несколько ниже по Амуру, на Лапкаевском лугу, в трех днях водного пути от Албазина, находилось одно из самых крупных селений — Покровская слобода. Здесь была построена часовня. Население этой слободы и окрестных заимок состояло из 70—80 крестьянских семей. Основана она была в середине 70-х годов ссыльными людьми, к которым в дальнейшем подсеялись различные «прихожие люди». Слобода управлялась приказчиком — казачьим атаманом И. Коркиным, который имел в ней свое хозяйство<sup>97</sup>. Несколькими верстами ниже устья р. Амазар справа в Амур впадает р. Вяткина, на которой, по-видимому, стояла одноименная деревня. Далее, в устье р. Урки, откуда начинался путь на север к Тугирскому волоку, находилась Перелешина заимка, а еще ниже по Амуру — деревня Игнашина. Несколько выше устья р. Олдой стояла деревня Паново. По-видимому, в том же районе, в полутора днях пешего хода от Албазина, находилась целая группа селений, так называемые Ондокомские заимки<sup>98</sup>. В непосредственной близости от Албазина, в полутора верстах от него вверх по Амуру, был основан Спасский

<sup>96</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, л. 31 и сл.; стлб. 973, л. 89 (столбец с разбитой пагинацией); Нерчинская приказная изба, д. 29, лл. 15—16; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 62, 146.

<sup>97</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 34—35; стлб. 973, лл. 69, 70, 89; стлб. 974, ч. II, лл. 129г-е; стлб. 1355, ч. I, л. 159; ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 57.

<sup>98</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 14, 53, 83; В. И. Огородников, Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., стр. 59; Г. Е. Грум-Гржимайло, Описание Амурской области, СПб., 1894, стр. 65.

монастырь, при котором существовало подворье<sup>99</sup>. По другую сторону Албазина, в одной версте вниз по Амуру, монастырские старцы на урочище Брусняной Камень выстроили еще пустынь с церковью и основали свое пашенное хозяйство, привлекая к работе наемных промышленных и гулящих людей. Там жили и пашенные крестьяне<sup>100</sup>. Также несколько ниже Албазина, но на противоположном, правом берегу Амура стояла деревня Чулкова, где жили крестьяне Андрей Чулков «с товарищи»<sup>101</sup>. Еще ниже, в 10 верстах от Албазина, находилась Большая заимка, пятью верстами далее — Шингаловская заимка, а еще далее — Монастырская. Ниже Албазина на Амуре находилась и деревня Погодаева<sup>102</sup>. Наиболее отдаленной от Албазина вниз по Амуру была деревня Андриюшкина, стоявшая в 140 верстах от острога, в устье р. Буринды. Албазинский казак Константин Емельянов рассказывал в Москве в 1680 г., что албазинские пашенные крестьяне живут вниз по Амуру до устья Нижней Погромной речки<sup>103</sup>. Упоминаются еще несколько деревень, существовавших в то время на Амуре, — Озерная, Солдатова, село Ильинское<sup>104</sup>.

Таким образом, в 70-х — начале 80-х годов земледельческие селения крестьян, служилых и промышленных людей тянулись по берегам Амура, от устья Аргуни до Албазина и далее, на протяжении приблизительно 300 верст; верхний и частично средний Амур представлял собой заселенный, обжитый и энергично хозяйственно осваивавшийся район. В 1685 г. в Албазинском уезде было засеяно более 50 десятин на государевой пашне «да козацьи крестьянские пахоты и присевок всяких чинов людей всякого хлеба десятин с 1000 и больше»<sup>105</sup>. В 1686 г. в условиях военных действий албазинское население сумело засеять более 500 десятин<sup>106</sup>. Для помолы зерна строились мельницы (в Покровской слободе, на Брусняном Камне — две монастырские мельницы, мельница торгового человека Ф. Бурдуковского и др.). Ушедший из Албазина после его захвата в 1685 г. маньч-

<sup>99</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1588, ч. I, л. 72; Нерчинская приказная изба, д. 24, лл. 48—51.

<sup>100</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 34—35.

<sup>101</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, л. 160; ч. II, лл. 260—265.

<sup>102</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 3—5, 15, 19, 58, 91, 92; Нерчинская приказная изба, д. 26, лл. 84—85.

<sup>103</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 83—93.

<sup>104</sup> В. И. Огородников, Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., стр. 59; В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, стр. 202.

<sup>105</sup> ДАИ, т. XII, № 12/V.

<sup>106</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. II, лл. 296—300.

журскими войсками казак Василий Никифоров рассказывал в Якутске, что неприятель захватил у албазинского населения большое количество скота — более двух тысяч голов<sup>107</sup>.

В отличие от всего Забайкалья Албазинский уезд в 60—80-х годах XVII в. никогда не снабжался хлебом. Русское население за короткое время создало здесь хлебопроизводящее хозяйство, продукты которого не только удовлетворяли местные потребности, но и вывозились в Нерчинск. В 1681 г. нерчинский воевода Ф. Воейков закупил в Албазине для себя значительный запас хлеба и выслал за ним крупное речное судно — дощаник с наемными людьми<sup>108</sup>. Цены на продукты питания в Албазине были сравнительно с Забайкальем невысокие. В конце 1682 г. (или в начале 1683 г.) пашенные албазинские крестьяне в челобитной, описывая свои хозяйственные невзгоды, сообщали, что полтина или 20 алтын за пуд пшеницы было дорогой ценой, а 10 алтын за пуд — дешевой<sup>109</sup>. В феврале 1686 г., когда под Албазин беспрестанно подходили неприятельские отряды и разоряли селения, цены на хлеб были даже ниже: пуд ржи продавался за 2 алтына 4 деньги, пуд пшеницы — за 4 алтына, пуд гороха и конопля — за 10 алтын, а пуд ячневой крупы — за 8 алтын 2 деньги<sup>110</sup>. В «бесхлебных» же острогах Забайкалья хлебные цены колебались в зависимости от привоза очень сильно. В 1681 г. в Нерчинске цена пуда ржаной муки доходила до полутора рублей, а в наиболее благоприятный 1685 г. снизилась до четырех гривен<sup>111</sup>.

Развитие земледелия русских поселенцев на Амуре примечательно тем, что оно происходило без поддержки государственной власти. Скучная помощь оказывалась только немногочисленным ссыльнопоселенцам. В 1676 г. было отправлено из Москвы на «подмогу» даурским крестьянам 250 руб., а в 1678 г. отправлено из Енисейска в Нерчинск для албазинских крестьян 129 топоров, 100 сошников, 200 кос-горбуш и 200 серпов; в мае 1681 г. из Нерчинска в Албазин для уборки урожая с десятинной пашни было отправлено 150 кос и 150 серпов и только обещана присылка лошадей. Впрочем, по «сказке» приезжавших в Москву албазинцев, все эти посылки прибывали в Албазин не полностью. В 1683/84 г. на покупку одежды для албазинских крестьян казна выделила 86 руб. 20 алтын<sup>112</sup>. Нетрудно себе представить незначитель-

<sup>107</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 937, л. 85.

<sup>108</sup> ДАИ, т. VIII, № 101; т. IX, № 104, СПб., 1865.

<sup>109</sup> ДАИ, т. X, № 57.

<sup>110</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, л. 12.

<sup>111</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век, стр. 355.

<sup>112</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 6, лл. 59, 60, 67; д. 8, лл. 1, 11—12; Сибирский приказ, стлб. 974, ч. II, лл. 129ж-з.

ность этой помощи, предназначавшейся к тому же меньшей части крестьянства. Ссылные албазинские крестьяне писали в уже упоминавшейся челобитной: «Ссуда нам давана из твоей великого государя казны небольшая: даваны были кони старые и жеребята молодые, ни в соху, ни в борону не годились, и с нужи многие у нас перепропали; а ральники даваны нам старые и ломаные. И мы... имали кони в долги у торговых людей дорогою ценою, рублей по двенадцати и болши, а ральники рубли по три... И ныне нам, бедным, долгов стало платить нечем, многие стоим на правеже и окупиться нечем, место стало крайное, всячина дорога»<sup>113</sup>. Основная масса земледельцев вынуждена была обзаводиться всем хозяйственным инвентарем и скотом самостоятельно.

Как ни труден был для русских переселенцев процесс освоения берегов Амура, к 80-м годам успех их хозяйственной деятельности становился очевиден. Именно этот успех обусловил возможность дальнейшего сельскохозяйственного освоения северных притоков Амура, прежде всего бассейна Зеи. Перспективность освоения Зеи была выяснена в конце 70-х—начале 80-х годов. Вопреки мнению С. В. Бахрушина, русские остроги на р. Зее и ее притоке Селемдже были выстроены албазинскими казаками в 1679—1681 гг. не «на свой риск»<sup>114</sup>, а по указанию нерчинской и албазинской администрации. В июне 1679 г. (в «Петров пост») албазинский приказчик Г. Лоншаков отпустил из Албазина 50 казаков под командой Гаврилы Фролова для «проведывания» р. Зеи. Отряд Г. Фролова на трех дощаниках дошел по Амуру до устья Зеи, поднялся по ней до устья Селемджи, где разделился. Г. Фролов с 30 казаками двинулся вверх по Селемдже; к ее верховьям он добрался «к заморозу», где в устье Биси поставил Селемджинский острог и зимние избы. Несколько выше острога поставила промысловое зимовье партия зверопромышленников в 30 человек, пришедших туда вслед за Г. Фроловым на двух дощаниках. Поход для отряда Г. Фролова оказался тяжелым; казаки «немного все не померли» с голоду. Ровно через год они вернулись в Албазин и привезли 10 сороков соболей, полученных с обьясаченного населения, а вместо них туда ушел с 30 казаками Иван Кудря.

Другая часть отряда Г. Фролова под начальством Федора Евсеева и Ефрема Григорьева двинулась к верховьям Зеи и за семь недель добралась до Верхозейского острога, основанного в 1677 г. С местных тунгусов поступал довольно большой ясак, и в остроге, ежегодно меняясь, находилось по

<sup>113</sup> ДАИ, т. X, № 57.

<sup>114</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 155.

20—30 албазинских казаков. После возвращения участники похода сообщили в Албазине, что по берегам Зеи множество пашенных мест и покосов, а по Селемдже идут черные леса, места лесные, болотистые, каменистые и пашни завести нельзя<sup>115</sup>. По-видимому, именно после этого сообщения в Албазине было решено приступить к расширению амурской пашни. Уже летом 1680 г. в низовье Зеи ушел отряд албазинских служилых людей в 20 человек во главе с Григорием Самойловым. Самойлов построил на Зее, несколько ниже устья Селемджи, в устье р. Долонец (Долонка), острог, посеял озимый «хлебный опыт» и летом 1681 г. вернулся в Албазин, где сообщил, что земля там добрая и на ней можно поселить до тысячи крестьянских семей<sup>116</sup>. Помимо «хлебного опыта», проводимого около Долонского острожка по воеводскому наказу, там сразу же осели «охочие» пашенные промышленные люди, пришедшие с Самойловым по своей инициативе<sup>117</sup>.

Инициатива нерчинских и албазинских властей была поддержана Сибирским приказом. В то время когда Самойлов зимовал на Зее, нерчинский воевода Ф. Воейков получил в феврале 1681 г. из Москвы грамоту, согласно которой ему вменялось в обязанность провести детальное описание бассейнов Зеи и Селемджи и поставить острог на Селемдже. Выполнение этой задачи было возложено в апреле 1681 г. на нерчинского сына боярского Игнатия Милованова. На р. Зее выше Долонского острога и ниже устья р. Бирясы (Брянты) против Бабак-озера он поставил новое ясачное Зейское зимовье и в феврале 1682 г. прислал в Нерчинск «чертеж» и описание зейских острогов, ясачных зимовий и пахотных угодий по Зее и Амуру, которые были тотчас направлены в Москву. Данные этого «досмотра» совпадали с наблюдениями Г. Фролова и Г. Самойлова. О Зее, ее низовьях и землях, тянувшихся от Албазина вниз по Амуру, И. Милованов писал: «А по Зие в среднем и в верхнем улусах пашнишка были небольшие неуютны... а от Зии и от Амура за лугами ниже Тома реки ялани сильныя большия, нисповедимыя, сильно добрыя хлебородныя места, подобны сибирским яланям, мочно завести большия пашни, населитца пашенных крестьян тысяча и болши; а ялани преж сего напахиваны и для мельнишного строения речки в яланях есть...»<sup>118</sup>.

<sup>115</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 36, 37, 69—72, 83—93; П. А. С л о в ц о в, Историческое обозрение Сибири, стр. 122.

<sup>116</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 83—93; Нерчинская приказная изба, д. 8, лл. 33—34.

<sup>117</sup> ДАИ, т. XII, № 2.

<sup>118</sup> ДАИ, т. VII, СПб., 1859, № 74/XXIII; т. IX, № 104; «Вестник Русского географического общества», ч. 7, СПб., 1853, II, стр. 37—41.

Использовать результаты этих изысканий в зейско-буренской низменности не позволило вторжение маньчжурских войск на Амур в 1683 г.

К этому времени в Забайкалье и Приамурье, по ориентировочным подсчетам, русское мужское население насчитывало более полутора тысяч человек (в Селенгинском, Телембинском острогах, Нерчинске и Албазине — не менее 600 служилых людей; какое-то количество их было в Удинском, Баргузинском, Верхне-Ангарском, Баунтовском, Еравненском, Иргенском острогах. В низовьях Селенги, около Селенгинского острога, жило до 50 крестьянских семей, в районе Албазина — более 300; небольшое число крестьян обитало также под Удинском и Нерчинском. Кроме того, в Забайкалье и на Амуре было свыше 500 промышленных и гулящих людей). Большую часть их составляли мирные переселенцы. Известно, что у русских поселенцев даже на Амуре были семьи; в районе Албазина насчитывалось несколько сот женщин и детей.

### **Промысловая деятельность русского населения. Начало горнорудных разработок. Торговые связи**

Земледельческая деятельность не исчерпывала всех форм хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья. Для развития местных производительных сил важное значение имела его промысловая и торговая деятельность, а также первые опыты по разработке полезных ископаемых.

Пушной промысел помимо районов, прилегающих к восточному побережью Байкала, был развит по Шилке (соболь, рысь, лисы, белка, россомахи, волки), около Еравненского острога, в верховьях Витима (соболь, рысь, изюбры) и вниз по Амuru, на Зее и ее притоках<sup>119</sup>. Из Якутии промышленники приходили на Бурею и Амгунь, осваивая районы, прилегавшие к низовью Амuru и побережью Охотского моря. По всей вероятности, наибольшее количество зверопромышленников концентрировалось в Приамурье, где к 80-м годам XVII в. крупное русское купечество организовывало свои ватаги. Его заинтересованность в эксплуатации пушных промыслов свидетельствует о значительной степени развития промыслового дела в Приамурье, так как крупные предприниматели вкладывали капитал только там, где промыслы сулили крупную прибыль. Развитие земледелия и, следовательно, достаточное количество продовольствия в Албазине стимулировали приток зверопромышленников на Амур.

<sup>119</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 15—43.

Поиски рудных ископаемых велись в XVII в. по всей Сибири и уже тогда положили начало сибирской горнорудной промышленности. В указы, выдаваемые Сибирским приказом воеводам, отправлявшимся из Москвы, обязательно включалось указание на необходимость поисков полезных ископаемых. Русское правительство особенно интересовалось золотом, серебром, драгоценными камнями, «различным узорочьем», а также железными, медными, свинцовыми месторождениями, разработка которых освободила бы Сибирь от необходимости привозить металлические изделия из европейской части страны. Большую помощь русским рудознателям оказывали местные ясачные люди; в ряде мест на основе их примитивных разработок развивались крупные для того времени металлургические центры.

Первые сведения о возможности находок серебряных месторождений в Прибайкалье стали известны в Енисейске еще в 20-х годах XVII в. Сибирский приказ сразу же обратил на них внимание и отправил на поиски серебра из Енисейска по Ангаре в «Братскую землю» экспедицию Я. И. Хрипунова, которая окончилась, однако, в 1631 г. полной неудачей. С тех пор каждый начальник служилых людей, отправлявшийся на восток, обязывался собирать сведения о рудных месторождениях. В Забайкалье такие поиски велись с 40-х годов. В 1640 г. Максим Перфильев, будучи в верховьях Витима, узнавал о разработке серебряных, железных и свинцовых руд даурскими племенами на Шилке. В. Поярков проводил о разных рудах в Приамурье. В 1647 г. Василий Колесников занимался сбором таких же данных среди монгольских «князцов»; он же послал какой-то «золотые и серебряные руды опыт» в Москву. В 1653 г. Петр Бекетов также искал на оз. Иргень и р. Шилке серебряную руду<sup>120</sup>. Руководствуясь полученными сведениями о рудных богатствах Забайкалья, правительство систематически и настойчиво требовало от местных властей проведения новых поисков и начала разработок. Особенно активно, «с великим домогательством», такие поиски в Забайкалье стали проводиться с начала 80-х годов.

В 1682 г. воевода Енисейска А. Салтыков, ссылаясь на полученную из Москвы грамоту, подтверждал нерчинским и селенгинским властям важность поисков различных руд, выяснения возможности их промышленной разработки, необходимость срочной присылки в Москву опытных плавков и предписывал проводить и описывать рудные месторожде-

<sup>120</sup> В. Н. Скалон, Русские землепроходцы XVII века в Сибири, М., 1951, стр. 48—49.

ния тайно, чтобы от «воинских людей было бесстрашно». В случае необходимости А. Салтыков обещал присылку мастеров и «всяких припасов», нужных для опытных плавов<sup>121</sup>. В начале 1684 г. новый енисейский воевода К. О. Щербатов об этом же писал иркутскому воеводе Л. Кислянскому<sup>122</sup>.

После нескольких разведок в 70-х годах нерчинские власти положили начало опытной эксплуатации свинцовых и серебряных месторождений, на основе которых в дальнейшем возникли знаменитые Нерчинские заводы. В 1681 г. на берегу р. Аргуни, в 10 верстах от серебряных месторождений, заброшенных местными мастерами и обследованных русскими рудознателями, был возведен Аргунский острог. В 1684 г. на «старорудных местах», на речке Серебрянке, под руководством нерчинского сына боярского Г. Лоншакова 30 казаков и 10 тунгусов, вероятно знакомых с этими месторождениями, а может быть, и с примитивной техникой туземной плавки, осмотрели до 70 старых плавилен, расчистили старые копи, взяли на опыт из ранее разрабатывавшихся «тонких жил» 3 пуда руды, а затем заложили новую «яму», откуда добыли до 70 пудов руды. Вся эта руда была доставлена в Нерчинск и передана бронному мастеру К. Новгородову, серебрянику К. Ульянову и кузнецу Л. Семенову. Полученная ими опытная плавка свинца с оловом (11 фунтов) и более 30 пудов руды, взятой из новой «ямы» и старых жил, были посланы с нерчинским сыном боярским Игнатием Миловановым в Москву<sup>123</sup>. Этот «опыт» получил благоприятный отзыв в Енисейске и Москве. Спустя два года, в июле 1687 г., через Иркутск проследовал в Москву «серебряный опыт»<sup>124</sup>. По всей вероятности, и он был в Москве оценен весьма положительно. Русское правительство придавало настолько большое значение этим находкам, что решение об основании сереброплавильного завода последовало в июле 1688 г. в разгар борьбы с Китаем. Правительство, договорившись с гостем Е. Филатьевым, срочно предписало иркутским властям взять у находившихся в Иркутске его приказчиков или у других торговых людей 500 руб. и переслать их в Нерчинск для устройства сереброплавильного завода<sup>125</sup>. Одновременно из Москвы выехал в Нерчинск рудоплавильный мастер Яков Галкин, которому поручалось это сложное дело. Ему было передано 1500 руб., 100 пудов железа, 50 пудов уклада, кожи

<sup>121</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, лл. 6—9.

<sup>122</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 67, лл. 74—75.

<sup>123</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1081, лл. 1—15, 46 и др.; стлб. 1355, ч. 1, лл. 98—99; ч. 2, лл. 224—225; Нерчинская приказная изба, д. 15, лл. 17—18; ДАИ, т. X, № 77/IV, V.

<sup>124</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 96, лл. 51—52.

<sup>125</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 135, л. 126.

для мехов и различные химикаты, необходимые для плавки (сулема, селитра, мышьяк, нашатырь, квасцы, винный камень, бура). В январе 1689 г. Я. Галкин с пятью другими рудоплавными мастерами уже достиг Забайкалья<sup>126</sup>.

Открытие завода задержалось до начала XVIII в., но опытные исследования серебряных месторождений около Аргунского острога продолжались на протяжении 90-х годов XVII в.

Помимо исследований серебряных и свинцовых месторождений в районе Аргунского острога во второй половине XVII в. в Забайкалье основывались железоделательные предприятия, производились слюдяные и соляные разработки<sup>127</sup>.

Первое железоделательное производство в Забайкалье возникло в Телембинском остроге, по-видимому в 70-х годах. Поселившиеся там русские рудоплавщики основали по собственной инициативе промысел и плавил «самый добрый» уклад. В 1686 г. они получили до 200 пудов кричного железа. Крупное производство там не развивалось, но местные крестьяне даже в конце XIX в. переплавляли руду для своих нужд<sup>128</sup>. В 1681 г. железная руда была обнаружена на Амуре в Белых горах, между устьями Зеи и Селемджи<sup>129</sup>.

В те же годы началась разработка в Забайкалье слюдяных месторождений. На восточном побережье Байкала в это время существовало два промысла. Один из них, на р. Катюган, в 1682 г. был открыт ясачным тунгусом Издядой и отдан на оброк иркутскому квасному откупщику А. Самойлову. В 1683 г. на этом промысле было получено 250 пудов слюды; в том же году промысел перешел в руки посадского человека И. Штинникова, который к 1684 г. добыл там 207 пудов. Другой промысел принадлежал И. Семенову. На этом промысле слюда разных сортов добывалась в трех «ямах» (глубиной от 2 до 10 м) в горе на разных ее уровнях. Владелец промысла, по-видимому, закладывал «ямы», следуя направлению богатой «жилы», в которой слюда «светилась гнездами»<sup>130</sup>. Поиски слюды проводились также по Витиму и в районе Тункинского острога.

<sup>126</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 30, лл. 11—14.

<sup>127</sup> В Прибайкалье железоделательное производство возникло еще в 50—60-х годах (И. И. Комогорцев, Из истории черной металлургии Восточной Сибири, — «Материалы по истории Сибири периода феодализма», вып. I, Новосибирск, 1962, стр. 100—104; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 33, л. 10; д. 100, л. 24).

<sup>128</sup> И. И. Комогорцев, Из истории черной металлургии Восточной Сибири, стр. 104; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 15—30; стлб. 973, лл. 54—59.

<sup>129</sup> ДАИ, т. VII, № 74/XXIII (стр. 369).

<sup>130</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 33, л. 147; д. 38, лл. 60, 65; д. 43, лл. 155—158; д. 50, лл. 23—28; д. 151, лл. 171—172; ДАИ, т. X, № 77/1.

В 1682 г. в Москву из Кучидского и Баунтовского острогов была отправлена найденная на Витиме, на речках Селиндре и Бойбуйке, какая-то синяя и голубая краска. Зимой 1684 г. группа нерчинских служилых людей направилась из Еравненского острога в район этих речек и там, «где берут иноземцы», взяла «на опыт» 6 пудов лазоревой краски. Весной 1684 г. из Иркутска за той же краской и на поиски месторождений золота, слюды и серебра были посланы на Витим через Баргузинский и Кучидский остроги казак Я. Турченинов и верхотурец иконник В. Коротов. Летом того же года они привезли «на опыт» эту краску, но ничего другого «не обыскивали»<sup>131</sup>. Неудачей окончились в 1684 г. и поиски слюды на р. Уре<sup>132</sup>. Только в 1689/90 г. якутские служилые люди с помощью тунгусов нашли на Витиме слюдяное месторождение<sup>133</sup>.

В 1684 г. приказчик Селенгинского острога сын боярский И. Поршенников прислал в Иркутск образцы каких-то красок, желтой и черной, и квасцов<sup>134</sup>.

Результаты большинства этих поисков, а также поисков слюды, нефти, жемчуга в Прибайкалье были обобщены иркутским воеводой Л. Кислянским в специальных отчетах Сибирскому приказу в 1684 г.<sup>135</sup>.

В 1688 г. из Баргузинского острога была прислана в Москву «селитренная земля»; «опыт» дал положительные результаты, и из Сибирского приказа тобольским властям последовал указ о посылке в Иркутск для продолжения работ «зеленого и селитренного» мастера<sup>136</sup>. Поиски в Баргузинском и других забайкальских острогах продолжались и в 90-х годах<sup>137</sup>.

Повседневные потребности населения в соли удовлетворялись путем привоза из прибайкальских солеварен — казенной Усть-Кутской и Ангарской, принадлежавшей Ушаковым. Однако транспортировка соли в Забайкалье, особенно в далекие Нерчинск и Албазин, была настолько трудна, а стоимость ее так высока, что начались поиски местной соли, увенчавшиеся

<sup>131</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 38, лл. 32—34; д. 43, лл. 155—158; д. 62а, лл. 10, 11, 67; ДАИ, т. X, № 77/1, III/2, VI, IX/2.

<sup>132</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 38, л. 37; д. 62а, лл. 57—58.

<sup>133</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1044, лл. 265—267.

<sup>134</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. II, лл. 217—223; ДАИ, т. X, № 77/IX/2.

<sup>135</sup> ДАИ, т. X, № 77/III; «Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв.», № 150. О разведках в Прибайкалье красок, соли, железной руды см.: ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1589, л. 145; Иркутская приказная изба, д. 68, лл. 47—48; д. 69, л. 37. О поисках жемчуга см.: ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 62а, лл. 56, 70, 75—77; д. 63, л. 260.

<sup>136</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 952, л. 181.

<sup>137</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 219, лл. 38—40.

успехом. В 70-х годах началось использование самосадочной соли с озер под Селенгинском. Тогда же были обнаружены озера с самосадочной солью вверх по р. Онону и его притоку Борзе, в четырех днях езды от Нерчинска. Ежегодно служилые и промышленные люди запасали там соль для своего обихода и на продажу и выюками на лошадях и быках вывозили ее в Нерчинск и Албазин. Такие соляные караваны были весьма многочисленны. Казенные доставки соли из Прибайкалья на жалованье служилым людям Нерчинска и Албазина были прекращены. От успеха добычи и транспортировки этой соли во многом зависело благосостояние русского населения. Стоимость ее в Нерчинске подсакивала до 1 рубля за пуд, если по каким-либо причинам доставка срывалась<sup>138</sup>.

По мере развития местного хозяйства Забайкалье неуклонно втягивалось в сферу торговых взаимосвязей.

Систематические данные забайкальских таможен не сохранились. Тем не менее имеющиеся материалы создают отчетливое впечатление о том, что во всяком случае в 70—80-х годах в Забайкалье сложились местные торговые центры, которые были связаны не только с другими сибирскими районами, но и с европейской частью страны. Активное участие в развитии рыночных связей в Забайкалье принимало крупное российское и нарождавшееся сибирское купечество, представители которого постоянно посещали даже наиболее отдаленные приамурские центры — Нерчинск и Албазин. Торговые операции крупного купечества в Забайкалье — факт весьма примечательный, свидетельствующий о степени развития местных рыночных отношений.

Торговые люди доставляли в Забайкалье из европейской части страны ремесленные изделия, из Прибайкалья — хлеб, из Прибайкалья и Западного Забайкалья (Верхоленска, Удинска, Селенгинска) — скот. На месте же, особенно в Приамурье, они организовывали артели зверопромышленников, скупали меха, главным образом соболиные, и одновременно внимательно следили за возможностями установления внешнеторговых связей с Китаем.

К концу XVII в. в Забайкалье начали поступать предметы производства уже сибирского ремесла. В 1683 г. иркутский посадский человек И. Штинников основал мыловаренный «завод», продукция которого начала доходить до Нерчинска и Албазина<sup>139</sup>. По данным 90-х годов, приезжие и местные торговые люди вывозили из Енисейска в Нерчинск

<sup>138</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 15—20; стлб. 974, ч. II, лл. 179—181.

<sup>139</sup> П. И. К а ш и к, Торговля в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII в., — «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 189.

кроме «русского товара» сибирский хмель и изделия енисейского железоделательного производства<sup>140</sup>.

В 1682/83 г. в Албазине количество соболиных шкурок, полученных русскими промышленниками на промыслах и поступивших на местный рынок, явно превышало количество шкурок, внесенных ясачными людьми: ясачный сбор исчислялся в 10 сороков 25 соболей, а десятинная пошлина (10%-ный налог с промысла и 10%-ный налог с перекупных операций) дала 3 сорока 20 соболей<sup>141</sup>. Таким образом, русские промышленники зарегистрировали более 17 сороков соболей. То же самое было и в 1684/85 г. Причем десятинная пошлина возросла до 9 сороков 41 соболя, в том числе с торговых и промышленных людей — 7 сороков 35 соболей<sup>142</sup>.

Служилые люди, приезжавшие из Приамурья в Москву в 80-х годах, отмечали роль торговых людей в хлебной торговле на нерчинском рынке<sup>143</sup>. Ведущее место в снабжении Забайкалья прибайкальским хлебом с этого времени занимали крупнейшие сибирские торговцы-оптовики братья Иван и Андрей Ушаковы, только за полтора года, с ноября 1680 по апрель 1682 г., отправившие через Байкал 3200 пудов муки и 570 пудов соли<sup>144</sup>. Помимо доставки хлеба торговые люди сами организовывали производство и обработку зерна на месте. В начале 80-х годов около Албазина торговые люди Норицыны-Мусатовы «пашню пашут большую и хлеб всякой сеют»<sup>145</sup>, а торговый человек Федор Бурдуковский имел в Албазине мельницу, на которой работали нанимавшиеся гулящие или промышленные люди, пришедшие туда в поисках заработка<sup>146</sup>.

Поездки торговых людей или их агентов (приказчиков, «людей») в далекое Забайкалье не были эпизодическими операциями. Многие из них целые годы проводили в Нерчинске, Албазине и других острогах, хорошо были знакомы с местными торговыми возможностями, рыночной конъюнктурой и имели связи с местным населением (порой ростовщического характера).

Целая группа торговых людей (Исай Посельский, Иван Лобашков, Афанасий Барахматов, Яков Лузин, Петр Норицын, Давыд Ушаков, Марк Дементьев, Афанасий Васильев, енисейский посадский человек Василий Кожевников) находи-

<sup>140</sup> В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 293.

<sup>141</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. II, лл. 213, 216.

<sup>142</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 1—8, 128—131.

<sup>143</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 41, 42.

<sup>144</sup> В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 261.

<sup>145</sup> ДАИ, т. IX, № 104.

<sup>146</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 96, 97.

лась, например, в Албазине, по крайней мере с мая 1682 по май — июнь 1684 г.<sup>147</sup>. Систематически пребывали «в Даурах» приказчики таких крупных торговцев, какими были гости Андрей и Семен Лузины, Евстафий Филатьев, Гавриил Никитин, а также Ушаковы. В 1679 г. из Енисейска отбыли в даурские остроги, и в частности в Албазин, «люди» Лузиных (Я. Яковлев, И. Максимов) и Е. Филатьева с партиями товаров, содержащих изделия русских ремесленников<sup>148</sup>. Приказчик Г. Никитина Борис Пикалев в 1680/81 г. находился в Нерчинске, в 1686 г. был на Селенге, а к 1687 г. вернулся в Нерчинск, где его до 1691 г. удерживали торговые дела; только в 1686 г. Г. Никитин имел в Нерчинске почти на 638 руб. товаров и кабальных записей на местных жителей<sup>149</sup>. По-видимому, в начале 1684 г. приказчик Е. Филатьева Афанасий Якимов уехал из Нерчинска в Енисейск, а в феврале 1685 г. ему на смену появился приказчик Аф. Губарев<sup>150</sup>.

Торговые люди часто оказывали финансовую помощь администрации. Так, в 1682 г. они ссудили в Албазине нерчинскому воеводе Ф. Воейкову 300 руб., необходимые ему для выплаты жалованья служилым людям, а в 1684 г. помогли албазинскому воеводе А. Толбузину закупить в Нерчинске боеприпасы<sup>151</sup>. Приказчики гостя Г. Никитина по просьбе албазинского гарнизона выполнили такой деликатный для того времени заказ, как доставка церковной утвари для церкви Вознесения в Албазине<sup>152</sup>.

Сохранившиеся «сказки» нерчинских таможенных властей с лета 1684 по лето 1686 г. дают подробные данные о составе торговцев, посещавших Нерчинск, и их операциях.

В июне 1684 г. лавочный сиделец гостя Е. Филатьева Василий Давыдов увез из Нерчинска в Енисейск крупную партию мехов (более 10 сороков соболей — 423 шкурки, 30 росомах). Часть этих мехов, оцененных в 571 руб. 16 алтын 4 деньги, была скуплена в Нерчинске, другая часть — лавочным сидельцем Игнатием Титовым в Албазине и, наконец, третья часть — добыта промышленниками Филатьева. Тогда же в Енисейск отбыли со скупленной и добытой на своих промыслах пушниной торговый человек Осип Попов (2 сорока 24 соболя на 140 руб. 16 алтын 4 деньги), приказчик куп-

<sup>147</sup> ДАИ, т. XII, № 2.

<sup>148</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 6, лл. 39, 47.

<sup>149</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 230, 239, 240, 250.

<sup>150</sup> ДАИ, т. XI, № 55; ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 15, лл. 17—18.

<sup>151</sup> ДАИ, т. XI, № 55; т. XII, № 2.

<sup>152</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 244.

ца гостиной сотни И. Ушакова Тимофей Калистратов (3 соболя на 162 руб.), лавочный сиделец торгового человека Саввы Бушковского Дмитрий Воробьев (4 сорока 6 соболей на 215 руб. 20 алтын)<sup>153</sup>. Несмотря на напряженную военную обстановку на Амуре, в сентябре того же года из Нерчинска отбыл в Албазин торговый человек Исая Остафьевич Посельский с 27 головами рогатого скота (на 81 руб.), скупленного им в Аргунском остроге у ясачного монгольского населения, а в декабре с небольшой партией промышленных товаров ушел из Нерчинска в Албазин И. Титов, лавочный сиделец Е. Филатьева<sup>154</sup>.

На протяжении 1685 г. из Нерчинска в Енисейск вывозили меха Филипп Петров, Михаил Аввакумов и Федор Саватиев, лавочные сидельцы гостя С. Лузина (на 979 руб. 6 алтын 4 деньги), В. Давыдов, лавочный сиделец Е. Филатьева (на 210 руб.), а также приказчик Ушаковых Т. Калистратов, торговые люди Корнил Макеев, И. Тимофеев, Прокопий Запольский, Ив. Григорьев, Петр Норицын, служилый человек из Селенгинска Андрей Штинников, промышленный человек Г. Васильев (с более мелкими партиями пушного товара, всего на 310 руб. 8 алтын 2 деньги)<sup>155</sup>. По другим данным, известно также, что в 1684 или 1685 г. лавочный сиделец Лузиных Григорий Мокеев проследовал через Нерчинск в Албазин с партией промышленных товаров, привезенных «с Руси»<sup>156</sup>.

В мае и июне 1686 г. из Нерчинска в Енисейск вновь вывозили меха сидельцы С. Лузина—Ф. Саватиев (на 115 руб.), Е. Филатьева — Михаил Васильев (на 236 руб. 8 алтын 2 деньги), Г. Никитина — Максим Ляпунов (на 227 руб. 5 алтын и денег 124 руб. 10 алтын), торговые люди Мартын Шагин (на 27 руб. 25 алтын), И. Степанов (на 50 руб.), И. Саватиев (на 50 руб. 26 алтын 4 деньги). Тогда же из Албазина увез партию мехов на 75 руб. 8 алтын 2 деньги лавочный сиделец Е. Филатьева Никита Мартемьянов<sup>157</sup>. В августе 1686 г. в Нерчинск была пригнана людьми гостя Г. Никитина партия скота в 108 голов<sup>158</sup>. Проезжие памяти, выданные в Иркутске, хорошо показывают ассортимент товаров, отправлявшихся оттуда торговыми людьми в забайкальские остроги. В январе 1687 г. Я. Яковлев, приказчик С. Лузина, провез значительную партию «русского товара»

<sup>153</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 16, лл. 1—3, 7, 9.

<sup>154</sup> Там же, лл. 10, 13.

<sup>155</sup> Там же, лл. 15—16.

<sup>156</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 18, л. 24.

<sup>157</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 16, лл. 17—19.

<sup>158</sup> П. И. Кашник, Торговля в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII в., стр. 189.

на 267 руб. (1600 аршин грубого холста, 150 аршин сермяжного сукна, а также медные изделия, овчины, рукавицы, выделанные кожи, топоры, уклад, хмель, мед и др.)<sup>159</sup>. В феврале 1688 г. И. Белозеров, лавочный сиделец С. Лузина, угнал из Верхотенского острога в Нерчинск 25 быков, а в апреле его работник И. Прокопьев из Иркутска — еще 15 голов (всего на 74 руб. 16 алтын 4 деньги)<sup>160</sup>. В ноябре 1688 г. из Нерчинска после продажи пригнанного скота возвращались в Иркутск лавочные сидельцы гостя А. Филатьева — Михаил Савин, Ивана Шангина — Игнат Титов и торговый человек Иван Забузин<sup>161</sup>. В сентябре 1688 г. из Иркутска с огромной партией товара на 617 руб. 29 алтын 2 деньги отправился в Удинск и далее в Нерчинск В. Давыдов, лавочный сиделец А. Филатьева (он вез 8733 аршина грубого холста, 400 аршин сермяжного сукна, а также сафьян, крашенину, сукно-шип-тугу, кумачи, миткаль лощеную, кушаки, вязаные чулки, попоны, зеркала ярославские, уклад, воск, ладан, мед, винные ягоды, кремни и др.)<sup>162</sup>. В январе 1689 г. также из Иркутска в Забайкалье Степан Губин, лавочный сиделец торгового человека Василия Бушкова, увез 2050 аршин холста, 160 аршин сермяжного сукна, 19 юфтей кож красных, 20 пудов хмеля, а также бараньи кафтаны, топоры, скипидар, рукавицы, писчую бумагу и пр. (на 189 руб. 23 алтына 2 деньги). Значительная часть этого товара была им продана в Удинске, а остальная часть увезена дальше, в Нерчинск. Вслед за ним с партией «русских товаров» (на 186 руб. 28 алтын 2 деньги) ушел из Иркутска за Байкал сам В. Бушков<sup>163</sup>. Кроме него, в 1689 г. провезли через Иркутск в Забайкалье «русские товары» приказчик А. Филатьева А. Едомский и его лавочные сидельцы Степан Запольский и Василий Максимов<sup>164</sup>. В 1689 г., как только маньчжурские войска сняли осаду Албазина, русские торговцы и промышленники начали восстанавливать там свои торговые связи и пушные промыслы. В марте 1689 г. из Албазина ушли в Нерчинск промышленный человек И. Федоров с добытыми им самим 54 соболиными шкурками и приказчик С. Лузина В. Зиновьев со скупленными там 2 сороками 9 соболями. В. Зиновьев продолжал скупку мехов в Нерчинске и в августе уехал на запад с большой партией соболиных шкурок (13 сороков 30 со-

<sup>159</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 113, лл. 2—7.

<sup>160</sup> Там же, лл. 8—10.

<sup>161</sup> Там же, лл. 30—32.

<sup>162</sup> Там же, лл. 13—15.

<sup>163</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 113, лл. 16—17; д. 141, лл. 1—3.

<sup>164</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 113, лл. 11—12; д. 141, лл. 4—7.

болей и 45 соболей своего промысла). В июле 1689 г. из Нерчинска уехал «на Русь» другой приказчик С. Лузина, И. Старцев, с купленными 2 сороками 20 соболями и 12 соболями своего промысла<sup>165</sup>.

Важнейшим перевалочным пунктом, через который проходила торговля с Забайкальем, был Иркутск, ставший к 80-м годам значительным торговым центром. В 1681 г. приезжавшие в Иркутск приказчики Е. Филатьева (А. Якимов, Вас. Давыдов), С. Лузина (И. Кудрявцев, В. Старцев), И. Ушакова (Никита Максимов) и торговцы разных русских городов (Евсей Шангин, Павел Барсуковский и др.) настойчиво просили, чтобы местные власти расширили торговые помещения на иркутском гостином дворе и построили лавки, погреба, а также избы для жилья<sup>166</sup>.

Все эти данные показывают, что в 80-х годах Забайкалье не только вошло в налаженную систему внутрисибирского товарооборота, но и втягивалось в складывавшийся всероссийский рынок.

Разработка полезных ископаемых, пушные промыслы, обеспечение перевозок товаров, не говоря уже о земледелии, требовали значительного количества рабочих рук. Развитие всех этих форм хозяйственной и экономической деятельности русского населения свидетельствовало об интенсивности и перспективности освоения Забайкалья и Приамурья и о постоянном притоке туда мирного русского населения. Именно на основе его многообразной деятельности утверждались неразрывные связи с аборигенами. Оборона сибирской земли от иноземных вторжений находилась в прямой зависимости от интенсивности русского заселения и развития хозяйства поселенцев.

---

<sup>165</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 113, лл. 20—22, 31—37.

<sup>166</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 92, лл. 44—45.

## Дипломатические и торговые сношения с Китаем, Северной Монголией и Джунгарией в 1660—1670 гг.

---

### Дипломатические отношения с Китаем, северомонгольскими и джунгарскими ханами

В 1660—1670 гг. дипломатические отношения России с ее соседями по восточносибирским рубежам стали приобретать систематический характер. Именно в это время определилось значение России во внешнеполитической жизни Центральной Азии. Правда, русская дипломатия еще не вполне учитывала политическую обстановку в этом районе во всей ее совокупности. Активная роль России здесь возрастала по мере ее территориального сближения с народами, населявшими Центральную Азию.

Внешнеполитическая ситуация на сибирских рубежах России определялась не только взаимоотношениями с Китаем, северомонгольскими и джунгарскими феодалами. В значительной степени она зависела и от отношений между центральноазиатскими соседями России. До настоящего времени в отечественной историографии не предпринималось попыток осветить все эти взаимоотношения во всей их сложности. Долгое время наиболее полной работой, содержащей материалы по истории дипломатических сношений России с Китаем, являлась старинная книга Н. Бантыш-Каменского. Позднейшие труды Х. Трусевича и Б. Г. Курца по истории русско-китайских сношений не отличались глубиной исследования и широтой обобщения. Не многим лучше была исследована внешнеполитическая история Северной Монголии и Джунгарии. Лишь в последние десятилетия, благодаря исследованиям Н. П. Шатиной, И. Я. Златкина, Е. М. Залкинда и других советских ученых, а также в результате выпуска в свет обобщающей «Истории Монгольской Народной Республики», определились основные аспекты русско-монгольских и русско-джунгарских отношений и тем самым создавалась возможность для исследования еще неясных вопросов и обобщающего освещения дипломатической истории рассматриваемых государств в XVII в.

После присоединения Западной Сибири к России имели место первые эпизодические сношения с монгольским госу-

дарством Алтын-ханов (1608 г.), с Китаем (путешествие И. Петлина в 1618 г.), с западномонгольскими племенами — дэрбетами и торгоутами (1607 г.) и племенем чорос (1620 г.). В дальнейшем, до середины XVII в., в отдельные периоды наиболее активные связи устанавливались с Алтын-ханами (1616—1621, 1631—1645) и основателем Джунгарского ханства Эрдени Батур-хунтайджи (1635—1653).

Занятая с середины XVII в. борьбой с Польшей, а затем с Турцией за сохранение в своем составе присоединившейся Украины, Россия на своих сибирских рубежах стремилась следовать мирной политике, не поступаясь, однако, ни своими владениями, ни интересами. Она воздерживалась от какого-либо участия в постоянной борьбе монгольских ханств между собой. Стремясь обезопасить свои сибирские владения от набегов монгольских феодалов. Россия прежде всего была заинтересована в упрочении своих дипломатических и торговых связей с ними. В то же время она была не прочь, чтобы отдельные монгольские ханы признали русское подданство, и дипломатическим путем не раз ставила перед ними этот вопрос<sup>1</sup>.

К 60-м годам XVII в., после присоединения почти всей Восточной Сибири к России, перед правительством царя Алексея Михайловича стал возникать ряд внешнеполитических проблем. Враждебная реакция на появление русских на Амуре маньчжурской династии Цин и ее агрессивные намерения в отношении Монголии и Сибири создавали напряженную ситуацию на Дальнем Востоке. Сложные внешнеполитические отношения складывались на рубежах с Джунгарским и северомонгольскими (халхскими) ханствами. Джунгарское ханство, разгромившее в 60-х годах государство Алтын-ханов, консолидировалось к этому времени в сильное государство кочевников-скотоводов, включавшее земли между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби. В состав его входили также восточноказахские земли, Кашгария и западная часть Южной Монголии. В Северной Монголии процесс усиления ханской власти и выделения наиболее сильных феодалов был уже заметен в конце XVI в. После захвата маньчжурами в 30-х годах XVII в. Южной (Внутренней) Монголии северомонгольские ханы в свою очередь стали испытывать сильней-

---

<sup>1</sup> См.: Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, М., 1958, гл. I; И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, М., 1964, гл. 2 (§ 2) и 3; Г. И. Слесарчук, Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в., — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России», М., 1961; Ш. Чимитдоржиев, Русско-ойратские (западномонгольские) связи в XVII в., — «Вестник Ленинградского университета», № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, Л., 1958.

шее давление со стороны Цинов, но продолжали представлять серьезную силу.

Джунгарские и северомонгольские ханы, хотя и были заинтересованы в экономических взаимосвязях с Россией и получении продуктов русского ремесла, упорно отстаивали право феодального грабежа сибирских племен, вошедших в состав России. Так как официальные границы не были четко установлены, некоторые из этих племен оказывались в положении двоеданства. В XVII в. отдельные группы сибирского населения нередко выплачивали дань то одной, то другой стороне, что приводило к политическим трениям и пограничным столкновениям. Русское правительство смотрело на принятие подданства как на акт, не подлежащий пересмотру, и не поступалось этим принципом, когда отдельные группы сибирского населения под давлением военной силы, вынуждены были откочевывать на территорию соседних государств. В 60-х годах особенно остро эта проблема касалась коренного приалтайского населения Томского и Кузнецкого уездов и населения верховий Енисея (Красноярский уезд), на сбор дани с которого претендовали феодалы енисейских киргизов и Джунгарии, а также населения Забайкалья, страдавшего от набегов северомонгольских ханов и тайшей.

Общая внешнеполитическая обстановка в собственно Центральной Азии и на дальневосточных русских рубежах в огромной степени зависела от взаимоотношений монгольских владетелей с Россией, с Китаем, а также между собой.

Однако прежде всего политическая обстановка на Дальнем Востоке зависела от отношений, складывавшихся между двумя наиболее сильными государствами — Россией и Китаем. После событий на Амуре в 50-х годах XVII в., неудачи официального посольства Ф. Байкова в Пекин (1654—1658) и поездок в Китай И. Перфильева и С. Аблина (1658—1662) в конце 60-х годов началась активизация государственных сношений между этими странами. Основным моментом в русско-китайских сношениях в рассматриваемый период следует считать посольство Н. Спафария в Пекин (1675—1676 гг.), во время которого фактически впервые велись официальные переговоры между представителями обоих государств.

В русской исторической литературе относительно причин и целей этого посольства высказывались не вполне согласные мнения. В конце XVIII в. Н. Бантыш-Каменский считал, что русское правительство готовило это посольство «не столько по коммерческим видам, сколько для обстоятельнейшего описания стран, к России прикосновенных»<sup>2</sup>. П. А. Словцов

---

<sup>2</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 23.

давал значительно более широкую трактовку задач посольства: «Цель миссии состояла частью в испытании выгод китайского торга, частью в отмене китайского настояния о возвращении Гантимура с улусниками, в освобождении русских пленных, хотя бы и с выкупом и главнейше в склонении к удержанию Албазина во власти русской»<sup>3</sup>. В. К. Андриевич писал, что «к этой поре сношения русских из Забайкалья с китайцами развивались настолько, что встретилась надобность установить торговые сношения путем формального договора»<sup>4</sup>. Такого же мнения придерживался и Б. Г. Курц: «Его поездка преследовала не столько дипломатические цели, сколько разведочные, потому что московское правительство в то время сильно нуждалось в описании новых сибирских земель и путей в Китай... Важнейшей целью посланничества Спафария было стремление утвердить торговлю, а не смягчить остроту современных пограничных споров»<sup>5</sup>. Наконец, в новейшей работе по истории русско-китайских отношений П. Т. Яковлева расценивала посольство Н. Спафария как стремление русского правительства «официальным договором оформить нормальные дипломатические отношения и условия торговли с Китаем»<sup>6</sup>.

Каждое из этих мнений лишь в той или иной степени отражало намерения русского правительства. Богатство разных сведений о Китае, а отчасти и о сопредельных с ним народах, содержавшееся в трудах Н. Спафария, неизмеримо больше привлекало исследовательскую мысль, нежели само посольство, которое внешне окончилось безрезультатно. Поэтому, несмотря на то, что возникла обширная литература о самом Н. Спафарии, его путешествии в Китай и его трудах, явившихся результатом этого путешествия, дипломатическая деятельность посольства исследована была слабо, несмотря на наличие таких интересных материалов, как статейный список Н. Спафария, опубликованный Ю. В. Арсеньевым в 1906 г., и официальные маньчжурские доклады о приеме посольства, опубликованные в переводах в 1823 г. Г. Спаским и в 1888 г. А. Ивановским. Русские исследователи, как дореволюционные, так и советские, прошли мимо некоторых важных деталей, без освещения которых нельзя понять подлинного дипломатического значения посольства. Даже С. М. Соловьев, широко использовавший статейный спи-

<sup>3</sup> П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, стр. 112.

<sup>4</sup> В. К. Андриевич, Краткий очерк истории Забайкалья с древнейших времен до 1762 г., стр. 43—44.

<sup>5</sup> Б. Г. Курц, Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, Харьков, 1929, стр. 40, 42.

<sup>6</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 106.

сок Н. Спафария, довольно бегло рассматривал дипломатические расчеты России и Китая в ходе переговоров<sup>7</sup>. В отечественной историографии сложилось традиционное мнение о том, что на протяжении 50—80-х годов XVII в. русское правительство не только стремилось к установлению дипломатических и торговых отношений с Китаем, но и для достижения этой цели по своей инициативе систематически организовывало посольства и поездки своих торговых представителей в Китай. Особенно отчетливо последняя мысль прослеживается в монографии П. Т. Яковлевой, которая стремилась доказать взаимотяготение России и Китая во второй половине XVII в. и представить имевшиеся противоречия чуть ли не результатом печального недоразумения.

На самом деле характер сношений и противоречия между Россией и маньчжурской династией, правившей Китаем, были значительно сложнее. Наиболее определенно они выявились в конце 60-х — начале 70-х годов. Российские границы на юге Сибири устанавливались по мере присоединения южносибирского населения к России. Так же складывались они и на Амуре. Неизбежно возникала проблема государственного пограничного размежевания между Россией и Китаем, имевшая столь же важное значение и для нормализации русско-джунгарских и русско-монгольских отношений. Между тем позиция маньчжурской династии относительно взаимоотношений с Россией оставалась с 50-х годов XVII в. в принципе неизменной. Цинское правительство, стремившееся окружить Китай зоной малонаселенных вассальных территорий и предполагавшее в дальнейшем активизировать политику внешних военных захватов, в частности на севере и северо-востоке, не хотело даже в перспективе установления общих границ с Россией и по-прежнему опасалось за свои вотчинно-династические интересы в Маньчжурии, откуда к тому же оно было вынуждено вывести свою опору — восьмизнаменные войска на территорию завоеванного Китая. С течением времени эти общие соображения дополнялись в Пекине также иными расчетами. По мере русского освоения Приамурья аборигенное население занимало позицию все более и более не в пользу маньчжурской стороны. Тот же процесс наблюдался в Забайкалье и в других районах Южной Сибири. Маньчжурское правительство, чьи вооруженные силы вторглись в 50-х годах XVII в. на Амур и угнали оттуда значительную часть местного оседлого населения, уже в конце 60-х годов убедились в непрочности своей власти над угнанным населением амурского бассейна. Примером могут служить события, связанные с эвенкийским князем Гантимуром.

<sup>7</sup> С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. VI, М., 1961, стр. 599—603.

В русское подданство Гантимур вступил сразу же, как только в Приамурье появились русские правительственные отряды, и начал платить ясак с 1651 г.<sup>8</sup> По его собственному утверждению, до этого он владел помимо своего рода и улуса «многими даурскими пашенными людьми» по р. Шилке и никому ясака не платил<sup>9</sup>. Подвластное Гантимуру тунгусское население принадлежало к довольно многочисленному племени нелюдов (нелюли), обитавшему не только по Амуру, но и в бассейне Селенги. Нелюды вместе с племенем намятов составляли все тунгусское население Нерчинского уезда<sup>10</sup>. По словам хорошо осведомленного даурского сына боярского Игнатия Милованова, Гантимур принял русское подданство вполне добровольно, ни «в каком упорстве и шатости» замечен не был и с самого начала настолько пользовался доверием русской администрации, что с него даже не требовали аманатов (заложников). К 80-м годам в его улусе насчитывалось до 500 воинов<sup>11</sup>. На 1689 г. тунгусов-нелюдов насчитывалось до 5600 человек, из них 1133 плательщика ясака. Тунгусов-намятов было значительно меньше (соответственно 2450 и 488)<sup>12</sup>. В 50-х годах маньчжурские войска, по словам Гантимура, пользуясь численным превосходством, угнали его людей. Вслед за ними откочевал в маньчжурские пределы в район Науна и он сам. Возможно, его откочевка была вызвана также боязнью попасть в район военных действий между вторгнувшимися на Амур маньчжурскими войсками и русскими отрядами. Маньчжурские власти попытались использовать Гантимура для упрочения своего влияния над угнанным населением, пожаловали его ежегодным денежным жалованьем и в какой-то степени сохранили за ним владельческие права; в русских документах указывалось, что он служил «богдойскому царю четвертным боярином»<sup>13</sup> (т. е. обладал в служилой маньчжурской иерархии четвертым чином). Однако эта политика не принесла маньчжурам успеха.

На известия об активизации русского заселения берегов Амура в 60-х годах и основании Албазина правительство им-

<sup>8</sup> А. Н. Копылов, В. С. Мясников, Рецензия на книгу П. Т. Яковлевой «Первый русско-китайский договор 1689 г.», — «История СССР», 1959, № 4, стр. 179.

<sup>9</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 59—62.

<sup>10</sup> Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 349.

<sup>11</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 112—140; стлб. 720, л. 22.

<sup>12</sup> Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 351.

<sup>13</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 14—15.

ператора Кан-си реагировало враждебно. Как и в 50-х годах при принятии амурским населением русского подданства, оно решило действовать военным путем, причем прежде всего использовать силы местного населения. Оно приказало Гантимуру начать военные действия на Амуре против русских. Однако Гантимур уклонился от выполнения этого приказа и при первом же удобном случае, в 1667 г., со всем своим родом вернулся в русские пределы<sup>14</sup>. Таким образом, возвращение Гантимура сразу же сорвало планы Кан-си. Оно было очень серьезно воспринято в Пекине, где в нем не без основания увидели прецедент, крайне опасный для всей маньчжурской политики по отношению к подвластным и сопредельным народам. По свидетельству Ю. Крижанича, население, проживавшее в порубежных областях, в конце 60-х годов само отказывалось платить дань маньчжурам и вносило ее русским властям, по поводу чего тогда же по указу богдыхана Кан-си последовал протест нерчинскому воеводе<sup>15</sup>. Кроме того, маньчжурские власти потребовали выдачи Гантимура.

Внешне вся история с Гантимуром мало чем отличалась от других таких же ситуаций, связанных с двоеданством, возникавших на южных границах Сибири. Однако жесткость позиции правительства Кан-си в отношении Гантимура придала его истории особую политическую значимость, и возникший, казалось бы, частный спор о его подданстве выявил глубокие противоречия.

Историки по-разному объясняли неуклонное стремление маньчжуров добиться от русского правительства выдачи Гантимура. Н. Бантыш-Каменский считал, что маньчжурское правительство стало опасаться военного выступления против них Гантимура вместе с русскими. Б. Г. Курц придерживался в целом того же взгляда. П. Т. Яковлева полагает, «что в Пекине признавали за Гантимуром большие права на амурские земли и опасались его влияния на угнанное в Маньчжурию амурское население. Поэтому цинские власти требовали у русских выдачи Гантимура...»<sup>16</sup>. Однако никаких данных даже о допущении русскими властями возможности выступления против маньчжуров нет. Поэтому мнение Н. Бантыш-Каменского и Б. Г. Курца принять нельзя. Кан-си мог опасаться влияния и авторитета Гантимура как племенного вож-

---

<sup>14</sup> Там же, стр. 15.

<sup>15</sup> А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 211; см. также Акты Исторические, т. IV, СПб., 1842, № 210 (далее — АИ).

<sup>16</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 15; Б. Г. Курц, Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, стр. 37; П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 36.

дя, но главные расчеты маньчжурских политиков заключались не в этом. Совершенно ясно о них говорили Спафарию иезуиты в Пекине в 1676 г. Представители иезуитов в Китае, по-видимому, далеко не сразу добились у Кан-си той доверительности, какой они пользовались при его отце и при Минах, и по каким-то соображениям были довольно откровенны со Спафарием<sup>17</sup>. В своем «Статейном списке» Н. Спафарий записал, что иезуит Ф. Вербиест несколько раз возобновлял разговор о Гантимуре и говорил: «Гантимур никогда у них (маньчжур. — В. А.) в подданстве не был, кроме того, что приезжал к ним на время и опять возвратился в Нерчинской... И не так им нужно Гантимура взять, как видеть намерение царского величества какое, и они люди лукавые и знают, что те крепости (в Сибири. — В. А.) строены для ясачных мужиков, и буде царское величество отдаст Гантимура, которой начальник всех иноземцев, тогда и прочие иноземцы или за ним пойдут, или порознь разбегутца, и так царскому величеству не по что будет проториться и держать служилых людей как не будет при рубеже их ясачные»<sup>18</sup>. Эти сообщения не оставляют сомнений относительно основного замысла Кан-си и его приближенных. Кан-си упорно готовился к осуществлению обширных завоевательных планов. Для достижения своей цели в Приамурье пекинские политики хотели добиться выхода местного населения из русского подданства и надеялись, что после этого русские или сами уйдут, или их позиции там будут крайне ослаблены.

Одновременно в Пекине не оставляли мысли и о вторжении в русские пределы. Об этом Н. Спафарию признавался в Пекине приставленный к посольству маньчжурский вельможа асханьи амбань (член совета министерства). По его словам, вскоре после ухода Гантимура в Нерчинск в конце 60-х годов Кан-си приказал ему и другому своему приближенному, Нагай-Тимуру, с шеститысячным войском двинуться из Науна к Нерчинску. Войско остановилось от него на расстоянии двухдневного перехода, на р. Унде. Маньчжуры послали лазутчика («даурского мужика») к Гантимуру, чтобы проведать, «к каким людям» он ушел, и, если те люди поселились там самовольно, открыть против них военные действия. Гантимур тотчас препроводил лазутчика к нерчинскому воеводе Д. Аршинскому, который отпустил его назад, заявив, что Нерчинск — владение «белого царя», люди в нем живут по его указу, а сам он «желает жить в дружбе и любви з бугдыхановым величеством, и чтоб торг меж обоими

---

<sup>17</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 269, 304—305.

<sup>18</sup> Там же, стр. 284, 304.

государствы учинился». Удостоверившись в том, что в Нерчинске русские живут «не самовольно», асхань амбань в своем докладе богдыхану посоветовал жить с «белым царем» в дружбе; богдыхан согласился и решил послать «к царскому величеству лист не токмо для Гантимура, а наипаче для проведывания подлинно, какие люди живут и которого государя»<sup>19</sup>. Этот рассказ при всей своей нарочитой наивности представляет очень большой интерес. О намерении маньчжур начать боевые операции также и под Албазином имеется показание людей, вернувшихся с Амура в Якутск. В этом русском документе говорится, что около 1670 г. «богдойские войска» подступали под Албазин и будто бы даже поставили свой острог под Тугирским волоком, откуда предполагали «перейти на Олекму реку и тою рекою итти под... великого государя городы»<sup>20</sup>. Маньчжуры в тот момент не были готовы к длительным военным действиям на Амуре. Они прекрасно помнили, какое сопротивление было им оказано в 50-х годах, и, по-видимому, убедившись в невозможности поднять восстание приамурского населения против русских властей, решили предварительно путем дипломатического зондажа уточнить позицию России. Летом 1669 г. во время приема в Пекине главы русского торгового каравана С. Аблина цинские чиновники передали ему просьбу русскому правительству вернуть Гантимура<sup>21</sup>; вскоре, в декабре 1669 г. и апреле 1670 г., под предлогом торговых дел Нерчинск посетил маньчжурский представитель Шарандай, который передал грамоту богдыхана с пожеланием начать предварительные переговоры с русскими представителями в Пекине<sup>22</sup>. В апреле 1670 г. Д. Аршинский послал в Пекин в сопровождении группы казаков Игнатия Милованова, который был встречен при маньчжурском дворе крайне предупредительно<sup>23</sup>. В августе 1670 г. И. Милованов вернулся в Нерчинск в сопровождении наунского воеводы Монгутея, его свиты и торговцев. Монгутей передал Д. Аршинскому «лист» богдыхана, адресованный царю Алексею Михайловичу, в котором Кан-си извещал о своем желании «жить в миру и в радости» с русским государем при условии выдачи ему Гантимура и соблюдении

<sup>19</sup> Там же, стр. 235.

<sup>20</sup> ДАИ, т. VI, № 22.

<sup>21</sup> А. М. Филиппов, Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина, — «Советское востоковедение», 1957, № 2, стр. 141.

<sup>22</sup> Б. Г. Курц, Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, стр. 37—38; С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. VI, стр. 599; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г., стр. 17, 18; ДАИ, т. VI, № 6/1—IV.

<sup>23</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г., стр. 18—19.

русской стороной мира на границах<sup>24</sup>. Некоторые исследователи не придали значения этому факту официального дипломатического обращения богдыхана. П. Т. Яковлева даже писала: «В Москве решили Гантимура не выдавать и не посылать никакого ответа в Китай»<sup>25</sup>.

Русское правительство всегда крайне щепетильно относилось к охране «чести государевой», т. е. государственного престижа в различных дипломатических сношениях. Поэтому после неудачи посольства Ф. Байкова русская дипломатия вела по отношению к Китаю крайне осмотрительную политику. Н. Спафарий говорил маньчжурским представителям в Пекине, что после возвращения Ф. Байкова царь Алексей Михайлович, видя, что «посольство его бугдыханово величество принимает нелюбовью, впредь посылать не изволил... А царское величество и ныне не для ради какие нужды послал к бугдыхану, только для славы имяни своего, и есть ли бы не послали вы лист, а царское величество отнюдь бы не послал посольство»<sup>26</sup>. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что посольство Н. Спафария было направлено в Китай в ответ на выдвинутое Пекином приглашение начать переговоры. Тем самым по дипломатическому этикету посольство Н. Спафария принципиально отличалось от посольства Ф. Байкова (1654 г.), посланного по инициативе русского правительства. В неоднократных спорах с маньчжурскими представителями, возникавших обычно по поводу посольского церемониала, Н. Спафарий неизменно подчеркивал именно эту особенность своего посольства. Еще на пути из Науна в Пекин Н. Спафарий говорил сопровождавшему его асханьи амбаню, что царь Алексей Михайлович, когда получил «лист» от богдыхана, «почитая богдыханово величество, послал меня, холопа своего, к нему известить всякую дружбу и любовь, и надеелся великий государь, что и от богдыханова величества с великою честью восприят буду»<sup>27</sup>. В другом случае Н. Спафарий говорил о своем посольстве еще более определенно: «А про Байкова и вспоминать нелзе, потому что то посольство от нынешняго рознитца, для того что тогда начиналось от великого государя, а ныне начиналось от богдыхана посольство, и как великий государь бугдыхана во всем почитает и всякую дружбу и любовь к нему объявляет, так чаю, что и богдыхан против того ни в чем печальствовать будет великому государю, а во всем объявить дружбу и

<sup>24</sup> Там же, стр. 18—21; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 133—137.

<sup>25</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 109.

<sup>26</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 228, 239.

<sup>27</sup> Там же, стр. 184.

любовь, и как все великие государи принимают послов, наипаче от соседей и друзей своих, так чаю, что и богдыханово величество потому ж учнет принимать, и то дело взаим же будет, как и от него будут к великому государю послы»<sup>28</sup>. Маньчжурский представитель со своей стороны также подтвердил, что «то дело (т. е. посольские переговоры. — В. А.) от них началось»<sup>29</sup>.

При всей искренности стремления установить дипломатические отношения с Китаем Посольский приказ проявлял большую дипломатическую осмотрительность, которую нетрудно заметить в наказе, выданном Н. Спафарию, как главе посольства. Отправляя Н. Спафария в Пекин, русское правительство прежде всего хотело выяснить намерения Кан-си, «будет впредь у царского величества с китайским богдыханом дружба и любовь и ссылка»<sup>30</sup>. Официально Н. Спафарию в целях «дружбы и любви» вменялось в обязанность обусловить порядок взаимного дипломатического представительства и определить наиболее удобные пути следования в Китай, добиться ответного посольства в Москву, установления систематических государственных и частных торговых сношений с правом купцов обоих государств свободно проезжать «на обе стороны», выкупить всех русских пленных, находившихся в Китае<sup>31</sup>. Бросается в глаза полное отсутствие в наказе статей, согласно которым Спафарию вменялось бы в обязанность разрешить споры территориального характера. Русское правительство считало, что принятие русского подданства приамурским населением само собой исключало возможность обсуждения таких вопросов. В Посольском приказе, руководимом крупным государственным деятелем боярином А. С. Матвеевым, конечно, предполагали, что вопросы такого свойства будут поставлены перед Н. Спафарием маньчжурским двором. Русским послам во время переговоров с иностранными дворами вообще строжайше запрещалось выходить за рамки выданных им наказов. Не было сделано исключения в этом отношении и для Н. Спафария, но, по видимому, ему было разрешено в порядке дипломатического зондажа выяснить маньчжурские территориальные претензии, их характер и масштабы. Об этом писал осведомленный о текущих событиях в Сибири Ю. Крижанич. Он указывал, что Н. Спафарий был послан «с полномочием войти в соглашение относительно границ с Китаем и будущей с ним торговли»<sup>32</sup>.

<sup>28</sup> Там же, стр. 187.

<sup>29</sup> Там же, стр. 229.

<sup>30</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 151.

<sup>31</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 25—46.

<sup>32</sup> А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 212.

Быть может, русское правительство готово было обсудить вопрос об официальном определении границ районов Приамурья, вошедших в состав России и примыкавших к маньчжурским землям, которые Кан-си считал «внешними» территориями. Это предположение можно сделать, так как в анонимном «Описании Сибирского царства» и в «Сказании о великой реке Амуре», составленном Н. Спафарием, проводилась мысль о том, что Амур разграничивал районы, заселенные и освоенные русскими в XVII в., с маньчжурскими землями<sup>33</sup>. С организацией посольства русское правительство не торопилось.

После длительной подготовки, изучения материалов предыдущих поездок в Китай (Ф. Байкова, С. Аблина и др.), а также определения наиболее удобного маршрута Н. Спафарий в конце февраля 1675 г. получил государев наказ, а в начале марта выехал из Москвы в Тобольск. В первых числах мая посольство двинулось из Тобольска, к сентябрю добралось до Иркутска, откуда, не теряя времени, через два дня отправилось за Байкал. Многочисленное и пышное посольство, с конвоем сибирских служилых людей, производило сильное впечатление. «Мы с караваном ехали строем с береженьем, и издали по степи караван зело велик виделся и издали не ведающим кажется человек с тысячу и больше»<sup>34</sup>, — писал Н. Спафарий. Первоначально предполагалось из Забайкалья ехать в Китай через Монголию, но сведения нерчинского воеводы П. Шульгина о враждебности некоторых монгольских тайшей заставили Н. Спафария изменить планы и направиться в Нерчинск, куда он прибыл 4 декабря 1675 г.<sup>35</sup>. С извещением о прибытии русского посольства из Нерчинска через Албазин в Китай срочно выехал еще 19 ноября сын боярский Игнатий Милованов<sup>36</sup>. Сам Н. Спафарий выехал из Нерчинска 19 декабря; 30 декабря посольство перенеслось через р. Аргунь и медленно двинулось далее навстречу ожидаемым маньчжурским представителям; 13 января 1676 г. на р. Улучи члены посольства, «едучи по вершине ея к хребту (Хингану. — В. А.), где предел меж Сибирского государства и Китайского учинится, встретились с нашими посланными людьми, а с ними китайские ж люди были»<sup>37</sup>.

Русское посольство прибыло в Китай в крайне невыгодный для маньчжурского двора момент. В 1673—1674 гг. не прекращались перекочевки тунгусского населения из Мань-

<sup>33</sup> Там же, стр. 90—91, 105.

<sup>34</sup> «Путешествие через Сибирь ... Николая Спафария», стр. 145.

<sup>35</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. II, лл. 284—289; АИ, т. IV, № 251.

<sup>36</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 202.

<sup>37</sup> «Путешествие через Сибирь ... Николая Спафария», стр. 150; «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 171.

чжурни в пределы Нерчинского уезда. В отписке из Енисейска 18 июля 1675 г. Н. Спафарий сообщал в Москву дошедший до него слух о желании и оседлого приаргунского населения освободиться от маньчжурского ига, об обращении его в Албазин и о походе в Приаргунье албазинских казаков<sup>38</sup>. В своем «Статейном списке» Н. Спафарий упоминает про поход албазинских казаков по Амуру, совершенный в связи с присланной от какого-то местного сотника челобитной на имя великого государя о вечном подданстве. Скорее всего, в данном случае речь шла об угнанном маньчжурами в 50-х годах оседлом приамурском населении, так как маньчжурские представители не только не собирались жаловаться на казаков прибывшему Н. Спафарию, но даже не хотели, чтобы он знал об этом факте<sup>39</sup>. Енисейский воевода М. Приклонский также сообщал в 1675 г. в Москву о походе по Амуру албазинских казаков<sup>40</sup>. В описании своего путешествия Н. Спафарий ничего не говорит об оседлом населении за р. Аргунию, но упоминает про обитавших там тунгусов барбутского рода, которые ранее платили ясак<sup>41</sup>.

Непрочно было положение и самого Кан-си в Китае. Еще в Енисейске только что вернувшиеся из Пекина участники русского торгового каравана сообщали Н. Спафарию, что «ныне богдыхан в великом безсильи и от казаков имеет великий страх и в великом смущении от Никанской войны»<sup>42</sup>. В дальнейшем иезуиты передавали Н. Спафарию в Пекине о непопулярности Кан-си не только среди народа, но и среди «бояр», об обнищании китайцев (никанцев) и их борьбе против маньчжурского ига: «Иногда и служилым нечим платить, потому что лутчие были страны Китайские и богатые, те изменили недавно, чуть не половина царства, и безпрестанно службы бывают, только бог ведает на чем скончится то дело, а и они опасаютца, чтоб не выгнаны были опять от китайцов и для того ис Пежина города выгнали никанцов вон, чтоб не учинили какой бунт и измену и живут за городом»<sup>43</sup>. Антиманьчжурская борьба китайского народа, возглавленная У Сань-гуем, ставила под вопрос существование самой Цинской династии. В этих трудных для себя условиях Кан-си во что бы то ни стало хотел выяснить позицию России. После обращения Кан-си к царю Алексею Михайловичу в 1670 г.

<sup>38</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 172.

<sup>39</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 178.

<sup>40</sup> ДАИ, т. VI, № 133.

<sup>41</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 148, 149.

<sup>42</sup> Там же, стр. 170.

<sup>43</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 269—270.

и до приезда Н. Спафария маньчжурские представители грижды обращались в Нерчинск с запросом об ответе на посланный в Москву «лист»<sup>44</sup>. Поэтому посольство Н. Спафария первоначально было встречено в Китае учтиво.

Переговоры с Н. Спафарием маньчжурские представители начали еще в Науне. Продолжались они там до начала марта 1676 г. Ссылаясь на существующие правила приема всех посольств в Китае, маньчжуры сразу же стали настаивать на ознакомлении их с содержанием «государева листа» богдыхану и потребовали, прежде чем начать переговоры, выдачи Гантимура. Перед Н. Спафарием возникла трудная задача добиться переговоров без обсуждения выдвинутого маньчжурской стороной предварительного условия. Русское правительство не собиралось не только выдавать Гантимура, понимая все вытекавшие из этого последствия, на которые рассчитывал маньчжурский двор, но и обсуждать этот вопрос. После долгих споров о соблюдении дипломатического этикета Н. Спафарий лишь пересказал общий смысл государевой грамоты о «взаимном согласии»<sup>45</sup>, после чего началась борьба за порядок ведения переговоров. Маньчжурские представители прежде всего выдвинули вопрос о Гантимуре. Тогда Н. Спафарий изложил общий взгляд на подданство. В своем «Статейном списке» он писал: «Во всем свете права всех народов так гласят, что который государь владеет ту землю и отечество, в котором человек и родитель его родятся, тот государь владеет и человека того и племя его, а Гантимур и родители его родились на Нерче реке, где ты, великий государь, издавна обладаешь, и для того доведется ему, Гантимуру быть в холопстве у тебя великого государя, а не у богдыхана»<sup>46</sup>. Н. Спафарий указал, что Гантимур — лишь один из многих сибирских подданных царя, который и слушать не захочет о выдаче своих подданных. Стремясь представить вопрос о Гантимуре сугубо второстепенным, Н. Спафарий прибег к дипломатической уловке и сослался на непонимание присланного в Москву «листа» — «никакими мерами выразуметь не могли»<sup>47</sup>. Уловки маньчжурских представителей, в свою очередь старавшихся доказать Н. Спафарию непостоянство и вероломство Гантимура, успеха, разумеется, не имели.

Ссылаясь на свою мнимую неосведомленность, маньчжурские представители не менее остро поставили перед

<sup>44</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 167.

<sup>45</sup> «Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария», — «Сибирский вестник», СПб., 1823, т. 3, стр. 86.

<sup>46</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 177.

<sup>47</sup> Там же, стр. 185, 186.

Н. Спафарием вопрос об отношении правительства Алексея Михайловича к русскому заселению Приамурья и Забайкалья: «Какие люди живут в Албазинском, и в Нерчинском, и в Селенгинском и во иных острогах, великого государя люди или нет»<sup>48</sup>. После твердого ответа Н. Спафария цинские представители признали, что Кан-си готов с этим считаться, но начали ссылаться на вторжение албазинских казаков в маньчжурские пределы, что, по их мнению, исключало возможность искреннего стремления России к «дружбе»<sup>49</sup>. Н. Спафарий постарался избежать обсуждения пограничных столкновений и поставил вопрос об их урегулировании и порубежном статуте в зависимости от главной задачи посольства — установления «дружбы и любви» между обоими государствами<sup>50</sup>.

Маньчжурские представители добросовестно сообщили в Пекин 19 марта 1676 г. содержание заявления Н. Спафария о причинах прибытия посольства и его общих целях, направленных к достижению «дружбы» и установлению систематических торговых сношений, но усомнились относительно непонимания в Москве их запроса о Гантимуре<sup>51</sup>. Тем не менее дипломатическая уловка Н. Спафария удалась. В Пекине члены совета (цзюнь цзи чу), созданного для обсуждения военных дел, весьма подозрительно отнеслись к стремлению России установить дружественные отношения, но все же решили, что «вследствие того, что в русском государстве не понимают наших грамот, нельзя предугадать сомнений в их душах»<sup>52</sup>. По их докладу 7 апреля последовал указ богдыхана о пропуске посольства Н. Спафария в Пекин, куда оно прибыло 15 мая.

Целый месяц русскому посланнику пришлось бороться против унижительных правил процедуры приема у богдыхана; он ссылался на дипломатические прецеденты, когда цари и монархи «многие старые обычаи переменяют для ради дружбы иных монархов»<sup>53</sup>, указывал на причину неудачи посольства Ф. Байкова, также отказавшегося следовать церемониалу, оскорбляющему достоинство Русского государства и т. д. Мы не будем подробно останавливаться на этом во-

<sup>48</sup> Там же, стр. 187.

<sup>49</sup> Там же, стр. 189, 197.

<sup>50</sup> Там же, стр. 189—191.

<sup>51</sup> И. Ивановский, Посольство Спафария, — «Записки восточного отделения Русского археологического общества», т. II, СПб., 1888, стр. 203—207; «Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария», стр. 41—43.

<sup>52</sup> И. Ивановский, Посольство Спафария, стр. 207; «Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария», стр. 44—45.

<sup>53</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 231.

просе, поскольку он уже подробно освещался в литературе; заметим лишь, что дипломатические церемонии при пекинском дворе во время приема иноземных послов, когда от них требовали исполнения унижительных и несовместимых с их достоинством обрядов, объяснялись не только неукоснительно сохраняемой архаической китайской традицией. Китайская дипломатия издавна имела обыкновение рассматривать иноземных послов как представителей «вассальных государств», доставивших дань богдыхану. В числе таких «вассалов» считалась и Россия. Маньчжуры не собирались отказываться от китаеццентристского взгляда на мир именно потому, что принятый церемониал подчеркивал приоритет, конечно мифический, богдыханской власти над другими государствами и был крайне удобен для обоснования власти маньчжурской династии над китайским народом и ее экспансионистских устремлений.

По всей вероятности, при маньчжурском дворе шла борьба мнений о том, какую линию проводить в ходе ведения переговоров. Иезуит Вербиест говорил Н. Спафарию о намерении самого Кан-си лично принять грамоту Алексея Михайловича и упорном сопротивлении этому его «ближних людей», опасавшихся нарушить древние обычаи, «для того, что окрестные государи станут говорить, что боясь великаго государя то учинили»<sup>54</sup>. О боязни «худой славы» от изменения обычаев говорил Спафарию и асханьи амбань<sup>55</sup>. Во время переговоров он вновь подтвердил неизменность маньчжурского условия об «отповеди» о Гантимуре как необходимом условии начала переговоров<sup>56</sup>. Только к 13 июня Н. Спафарий добился приема царской грамоты и подарков, которые были переданы богдыхану его ближайшими родственниками. Вскоре состоялись приемы богдыханом русского посланника, имевшие чисто церемониальный характер<sup>57</sup>, после которых участникам посольства было разрешено провести торговые операции. По словам Вербиеста, маньчжурский двор рассчитывал, что сам факт прибытия русского посольства поможет Кан-си укрепить свое неустойчивое положение в Китае: «Как услышат неприятели их, никанцы, что от такого славного государя пришло посольство с великою дружбою и будут опасны о том, чтоб великий государь не дал помочи богдойским»<sup>58</sup>.

После, быть может, некоторых колебаний Кан-си и его советники решили не изменять своим внешнеполитическим на-

<sup>54</sup> Там же, стр. 237.

<sup>55</sup> Там же, стр. 237—238.

<sup>56</sup> Там же, стр. 241.

<sup>57</sup> Описание приемов см.: С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. VI, стр. 601—602.

<sup>58</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 270.

мерениям и заняли весьма жесткую позицию. На протяжении всех переговоров в Пекине членов упомянутого выше совета, готовивших рекомендации богдыхану, интересовал фактически только вопрос о Гантимуре, т. е. территориальный вопрос<sup>59</sup>. Вербиест конфиденциально говорил Н. Спафарию в августе 1676 г., что маньчжурский двор своей неуступчивостью старался, во-первых, показать китайскому населению, боровшемуся против маньчжурского ига, «чтоб они видели, что хотя с ними война, однакожде такого славного великого государя не боятца и обычая своего не переменяют»<sup>60</sup>. Во-вторых, Кан-си полагал, «буде царское величество не дает мужика того Гантимура, а он станет сыскать его войною, так же хочет воевать порубежные крепости Албазинской и Нерчинской, потому что ныне от царского величества зело опасны»<sup>61</sup>.

Когда маньчжуры окончательно убедились в неуклонном стремлении России охранять свои владения и своих сибирских подданных, то в отказе выдать Гантимура они увидели необходимый им повод к войне, «будто правдою воюют». Выиграть ее они рассчитывали, используя численное превосходство и надеясь на трудности, стоявшие перед русским правительством в доставке на Дальний Восток большого войска<sup>62</sup>. Поэтому маньчжурские представители отказались дать официальный ответ на пункты наказа, согласно которым предлагал вести переговоры Н. Спафарий, и 29—30 августа заявили о возможности дипломатических и торговых сношений только после принятия Россией следующих условий: «Чтобы Гантимура послал сюды с послом своим... чтоб тот посол был самый разумной и чтоб он делал все, что прикажем по нашему обычаю и в ничем не противился... чтоб все порубежные места, где живут вашего великого государя порубежные люди, жили всегда смирно»<sup>63</sup>. Одновременно маньчжурский двор подтвердил незыблемость своей дипломатической практики, согласно которой любой посол, «приходящий к нам в Китай, должен говорить такие речи, что пришел он от нижнего и смиренного места, и восходит к высокому престолу или месту», а «бугдыханово величество пишет отповедь ко всякому государю таким же обычаем, что от

<sup>59</sup> И. Ивановский, Посольство Спафари, стр. 212—213; «Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария», стр. 53 и сл.

<sup>60</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 324.

<sup>61</sup> Там же, стр. 304.

<sup>62</sup> Там же, стр. 326.

<sup>63</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 315; И. Ивановский, Посольство Спафария, стр. 215—220; «Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария», стр. 98, 99.

превысокого престола пишет к нижнему месту»<sup>64</sup>. Вежливость, проявленная к Спафарию при первоначальных переговорах, на заключительном их этапе сменилась грубостью и бестактностью. После возвращения из Китая один из участников посольства, Константин Иванов, докладывал начальнику Сибирского приказа боярину Р. М. Стрешневу, что маньчжурские представители во время заключительного приема попытались дискредитировать Николая Спафария в глазах русского правительства. Они потребовали от Константина Иванова, чтобы он «известил великому государю, впредь бы де великий государь такова глубца и несмысленника к их богдохану не присылал, государевых дел не знает, и посольские дела ему, Николаю не за обычай; их де богдохана, и государство их обезчестил»<sup>65</sup>. В первых числах сентября 1676 г. Спафарий выехал из Пекина в Россию.

Посольство Спафария заняло видное место в истории русской дипломатии XVII в. Своей последовательной борьбой он показал в Пекине, что Россия намерена неуклонно отстаивать свои интересы на Дальнем Востоке; и уже одно это не могло не произвести впечатления на маньчжурский двор. Рассматривая историю его посольства именно с этой точки зрения, ни в коем случае нельзя согласиться с утверждением Х. Трусевича, Б. Г. Курца и П. Т. Яковлевой о неудаче посольства. Х. Трусевич считал, что посольство не принесло ничего хорошего, а Б. Г. Курц писал: «Пребывание Спафария в Китае было сплошным рядом ссор, пререканий и ни к чему не привело»<sup>66</sup>. П. Т. Яковлева причину неудачи посольства увидела даже в начале «военных действий цинского правительства на Амуре»<sup>67</sup>. До открытого конфликта было еще далеко, и именно твердая позиция России заставила маньчжурский двор по крайней мере еще пять-шесть лет задумываться, прежде чем решиться на вооруженное выступление. Сам Н. Спафарий допускал его возможность. Во избежание каких-либо пограничных осложнений, которые могли бы помешать посольству, он указной памятью запретил албазинским властям без государева указа посылать ясачных сборщиков на обычные годовые службы вниз по Амуру и на Зею до тех пор, пока длятся переговоры, и дважды из Науна, следуя в Пекин, и, вернувшись в Нерчинск, на-

<sup>64</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 321, 322.

<sup>65</sup> Д. Зубарев, О посольстве в Китай Николая Спафария с дворянами, подьячными, гречанами и иноземцами, — «Вестник Европы», 1827, декабрь, стр. 164.

<sup>66</sup> Х. Трусевич, Посольские и торговые сношения России с Китаем, М., 1882, стр. 27; Б. Г. Курц, Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, стр. 42.

<sup>67</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 111.

казывал, чтобы в Албазине жили «от богдойских людей с великим бережением и опасою денно и ночью с караулы и на остроге снаряд пороха и свинец велел запасать»<sup>68</sup>. В последующие годы в процессе хозяйственного освоения берегов Амура и Зеи Сибирский приказ строжайше наказывал нерчинским властям ставить новые остроги в «пристойных местах», но так, чтобы «с Китайским государством и с иными немирными ныне и впредь ссоры не чаять»<sup>69</sup>.



В отношении Джунгарии и Северной Монголии в русской политике наблюдалась известная общность.

И. Я. Златкин, автор новейшей большой монографии по истории Джунгарского ханства, и другие современные исследователи русско-джунгарских отношений (Г. И. Слесарчук и Ш. Чимитдоржиев) считают воцарение Батур-хунтайджи в 1635 г. началом установления активных дипломатических сношений между Россией и Джунгарией. По мнению И. Я. Златкина, Батур-хунтайджи искал «надежные пути к укреплению феодальных порядков в Монголии и к обеспечению ее политической самостоятельности»<sup>70</sup>. Поэтому он в своей внешней политике стремился к ликвидации противоречий с северомонгольскими (халхскими) князьями, решительно избегал каких бы то ни было сношений с усиливавшимися маньчжурами и пытался, систематически налаживая посольские связи, использовать мощь и влияние России «в интересах укрепления своей власти внутри ханства, а также усиления позиции ханства в отношении соседей и в первую очередь владетельных князей Халхи»<sup>71</sup>. В то же время Батур-хунтайджи не собирался отказываться от экстремистских устремлений на север и предлагал России формально закрепить в пограничной полосе систему двоеданства в отношении аборигенов Западной Сибири, которая там фактически существовала в XVII в.<sup>72</sup> Можно согласиться с общим выводом И. Я. Златкина о позиции самой России в отношении Джунгарского ханства. На протяжении 30—40-х годов, пишет он, Россия «ставила своей главной целью обеспечение неприкосновенности русских рубежей и прерогатив русских властей в зоне, смежной с владениями Джунгарского ханства»<sup>73</sup>.

<sup>68</sup> Д. Зубарев, О посольстве в Китай Николая Спафария с дворянами, подьячими, гречанами и иноземцами, стр. 180; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 143—145.

<sup>69</sup> ДАИ, т. VII, № 74/XXIII (стр. 368).

<sup>70</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, М., 1964, стр. 177.

<sup>71</sup> Там же, стр. 175, 177, 183.

<sup>72</sup> Там же, стр. 187.

<sup>73</sup> Там же, стр. 183.

Таким образом, основой противоречий с джунгарскими князьями было отношение к населению пограничной зоны; Россия не собиралась поступаться своими подданными и своими правами на их феодальную эксплуатацию, а джунгарские князья — отказываться от систематических набегов и поддержки постоянных врагов России — потомков сибирского хана Кучума и «князцов» енисейских киргизов. На протяжении 30—60-х годов столкновения с вторгавшимися отрядами джунгар, кучумовичей и енисейских киргизов приносили много горя местному населению, коренному и русскому, Верхотурского, Тюменского, Туринского, Тарского, Кузнецкого, Томского, Красноярского уездов и доставляли частые хлопоты русской администрации<sup>74</sup>. Поэтому в русской политике проявлялась осмотрительная настороженность; Россия предпочитала занимать нейтральную позицию по отношению к событиям внутри- и внешнеполитической жизни Джунгарии. Этой политике Россия следовала и после смерти Батур-хунтайджи в 1653 г., когда в Джунгарии шла борьба за власть между его сыновьями и поддерживавшими их отдельными группами феодалов<sup>75</sup>.

Русско-джунгарские отношения особенно усложнились, когда в середине 60-х годов победу в междоусобной борьбе одержал сын Батура Сенге. По его инициативе дипломатические отношения с Россией были возобновлены, но в основном для того, чтобы поставить вопрос о населении приграничной полосы, которое Сенге хотел видеть уже исключительно в положении своих кыштымов (данников). «С этого времени, — пишет И. Я. Златкин, — и до самого конца правления Сенге вопрос о кыштымах стоял в центре русско-ойратских отношений, приобретая временами исключительно острый характер»<sup>76</sup>. На протяжении 1665—1667 гг. Россия и Джунгария обменялись несколькими посольствами, но усилия русских дипломатов В. Бубенного, В. Литосова и П. Кульвинского, направленные на урегулирование спора, не привели к желаемым результатам.

На протяжении 50—60-х годов русское правительство систематически обменивалось также посольствами с крупным монгольским владетелем на северо-западе Северной Монголии Алтын-ханом и его сыном Лоджаном (Лубсан-тайджи). Заинтересованное в установлении прочного мира в верховьях

---

<sup>74</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1683, ч. 2, лл. 459, 472—473, 614, 615, 622; Верхотурская приказная изба, стлб. 20, л. 31; стлб. 47, лл. 16—23; стлб. 55, лл. 32—33, 48; Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. II, М.—Л., 1941, гл. 9; В. А. Александров, Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 44—52.

<sup>75</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 214.

<sup>76</sup> Там же, стр. 215.

Енисея и в ликвидации существовавшей там системы двое-и даже троеданства, правительство Алексея Михайловича настойчиво предлагало Алтын-хану признать русский сюзеренитет. Оно никогда, даже в периоды его вторжений в русские пределы, не применяло вооруженной силы, старалось дипломатическим путем предотвратить столкновение и избегало какого-либо участия в не раз возникавших военных конфликтах между монгольскими владетелями<sup>77</sup>. В 1667 г. Лоджан, упорно стремившийся, как и его отец, поставить енисейских киргизских «князцов» в положение своих кыштымов, в очередной раз вторгся в их кочевья, но встретил противодействие джунгар.

Если Батур-хунтайджи, закладывая основы панмонгольской политики, пытался добиться своего преобладания в Монголии мирным путем, то Сенге в 1667 г. перешел к активным действиям и разгромил государство Алтын-ханов. Внешним поводом к войне между Джунгарией и Алтын-ханами послужило соперничество из-за енисейских киргизов, на грабеж которых претендовали обе враждующие стороны<sup>78</sup>. Россия и на этот раз не дала себя втянуть в вооруженную борьбу между монгольскими «державцами». После разгрома государства Алтын-ханов Джунгарское ханство становилось преобладающей силой в западных областях Северной Монголии. Однако Сенге не планировал дальнейшей активизации своей политики в монгольских землях. С середины 50-х годов особенно усилился политический нажим маньчжурского двора на Северную Монголию. Не упрочив еще своего положения в собственно Китае, маньчжурская династия воздерживалась от вторжения в Северную Монголию, рассчитывая овладеть страной «мирным путем»<sup>79</sup>. К концу 60-х годов пекинское правительство установило свой контроль над халхскими феодалами<sup>80</sup>. Сенге, по-прежнему избегавший каких-либо сношений с маньчжурами, основное внимание сконцентрировал на укреплении своих позиций в верховьях Енисея.

Верным его союзником там стал злейший враг России киргизский «князец» Ереняк Ишеев. Он начал активную борьбу с русскими в 1666 г. В 1667 г. поддержанный джунгарскими войсками, Ереняк дважды, в мае и сентябре, осаждал Красноярск и нанес крупные потери как местному, так и русско-

<sup>77</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, гл. III.

<sup>78</sup> Там же, стр. 97—99; И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 216, 217.

<sup>79</sup> «История Монгольской Народной Республики», М., 1954, стр. 146; И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 225—226.

<sup>80</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 224.

му населению<sup>81</sup>. Одновременно, во время уборки урожая, когда местное население находилось на полях, были совершены набеги в пределы Западной Сибири, в частности на земли по р. Тоболу и под Тару<sup>82</sup>. Отдельные набеги джунгар в Сибирь имели место и в 1670 г.

Борьба с Ереняком и Сенге усложняла обстановку в бассейне верхнего Енисея и на западносибирских границах, а усиление маньчжурского влияния в Северной Монголии и территориальные притязания Кан-си — в районе Забайкалья и Приамурья. Противоречия во всей их совокупности между Россией, Маньчжурской династией, северомонгольскими феодалами, Джунгарией и поддерживавшими ее далай-ламами на протяжении 70-х годов все более углублялись и привели в 80-х годах к кровопролитным столкновениям. В Северной Монголии, находившейся между империей маньчжуров, царской Россией и владениями Джунгарии, эти противоречия сказывались весьма остро. В то же время отдельные северомонгольские феодалы, несмотря на раздиравшую их феодальную рознь, продолжали претендовать на грабеж соседних с ними сибирских племен. По мере усиления Джунгарского ханства и маньчжурского давления одни из них начинали ориентироваться на Россию, а другие признавать сюзеренитет пекинского двора. Авторы «Истории Монгольской Народной Республики» считают, что «если маньчжурские завоеватели были заинтересованы в усилении феодальной раздробленности Монголии, что должно было облегчить им завоевание страны, то Русское государство, наоборот, было заинтересовано в укреплении центральной монгольской власти, способной воспрепятствовать вооруженным набегам в русские пределы, время от времени предпринимаемым отдельными местными князьками, а также способной оказать сопротивление маньчжурской агрессии»<sup>83</sup>.

Н. П. Шастина, автор специального исследования о русско-монгольских посольских отношениях в XVII в., рассматривает 60—80-е годы как особый период истории этих отношений, на протяжении которого Россия после присоединения Забайкалья приложила немало сил к установлению систематических добрососедских отношений с Северной Монголией и тем объективно задерживала готовившуюся агрессию маньчжуров<sup>84</sup>. Хозяйственное освоение Забайкалья русскими пе-

<sup>81</sup> В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 52—55; И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 218—220, 224.

<sup>82</sup> ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, стлб. 27, лл. 70—72, 107—109; ДАИ, т. VI, № 9.

<sup>83</sup> «История Монгольской Народной Республики», стр. 150.

<sup>84</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 104.

реселенцами во второй половине XVII в. способствовало упрощению русско-монгольских связей, так как скотоводческое хозяйство кочевников-монголов остро нуждалось в сельскохозяйственных продуктах и предметах ремесла. Помимо Алтын-ханов, неоднократно пытавшихся, особенно в трудные для себя моменты, использовать влияние России, к политическим и торговым сношениям с ней стремились и другие монгольские феодалы. После разгрома джунгарами государства Алтын-ханов русско-монгольские связи постепенно концентрировались на границах с Северной Монголией (Халхой). Однако приблизительно с конца 60-х годов интриги Цинской династии стали оказывать существенное влияние на позицию халхских феодалов. «Маньчжурская династия с большой тревогой следила за развитием русско-монгольских отношений, видя в них серьезную угрозу своим агрессивным планам. Она усиливала нажим на халхских феодалов, интригуя среди них, провоцируя конфликты между ними, натравливая их против русских и поощряя их нападения на русские селения и города»<sup>85</sup>. Отсутствие точного пограничного размежевания между Забайкальем и монгольскими землями приводило к столкновениям, которые сторонники Цинской династии использовали в своей враждебной деятельности в отношении России.

В 1664 г. постоянные сношения с русскими завязал монгольский феодал Даши-хунтайджи, упоминавшийся в русских источниках под именем Кукан-хан. Даши-хунтайджи был родственником крупнейшего северомонгольского феодала Чихунь Доржи (Тушету-хан; в русских источниках — Очирой Саин-хан), правившего с 1655 г. По первой просьбе русских Кукан-хан отпустил назад в пределы России откочевавших ранее из Прибайкалья около 300 бурят; затем по призыву селенгинского приказчика Г. Ловцова отправил в Москву своих посланников для переговоров о принятии русского сюзеренитета. По невыясненным причинам это посольство вернулось назад из Иркутска, но через год Кукан-хан снова отправил в Москву своего посланника Рюкт-зайсана<sup>86</sup>. Во время переговоров в Москве Рюкт-зайсан обещал следовать «государевой воле» в принятии русского сюзеренитета, но при этом намекнул о необходимости помощи в борьбе с сыном Алтын-хана Лубсаном и передал жалобу своего хана на

<sup>85</sup> «История Монгольской Народной Республики», стр. 151.

<sup>86</sup> Е. М. Залкинд датирует обе эти посылки 1665/66 г. и 1666/67 г. (Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 50—51); Н. П. Шастина — 1667 и 1668 гг. (Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 107). Ю. Арсеньев считает, что монгольское посольство в 1667 г. в Москве было от Цецен-хана («Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 192).

постройку Селенгинска, тем самым давая понять о его претензиях на восточнобурятский район, где был сооружен острог<sup>87</sup>.

В 1670 г. отношения с северомонгольскими ханами стали существенно усложняться. Под давлением цинской дипломатии Очирой Саин-хан, сыгравший весьма печальную роль в истории Северной Монголии, начал склоняться к маньчжурской ориентации. В то же время более реалистическую позицию по отношению к России занимал его брат Лубсан-Дамба-Джалцан, известный в русских источниках под именем Ундур-Гегена. Он был главой ламаистской церкви в Северной Монголии, очень влиятельной фигурой, тесно связанной с Лхассой.

Камнем преткновения на пути установления добрососедских отношений с Россией для Очирой Саин-хана и поддерживавших его тайшей был вопрос о восточнобурятском и тунгусском населении, на которое они стали распространять свои претензии спустя 20 лет после присоединения Забайкалья к России. Эта часть монгольских феодалов не хотела расстаться с мыслью о возможности грабежа забайкальского населения и решительно противодействовала тем группам населения, которые, оказавшись под властью тайшей, стремились уйти на свои «породные земли», вошедшие в состав России. Если в устах Рюкт-зайсана вопрос о Селенгинске звучал в форме жалобы, то постепенно он приобретал категорическую форму. Со своей стороны русское правительство продолжало считать угнанное население своими подданными и охотно принимало всех сумевших вернуться назад. В результате таких передвижений и пограничных столкновений, участившихся в 70-х годах, создавалась неустойчивая обстановка на границах между русскими и монгольскими владениями. Местное население, даже в тех случаях, когда оно протестовало против установленного русскими властями ясачного режима и пыталось его избежать, быстро сопоставив возможности существования в условиях монгольского и русского подданства, предпочло последнее и стало активно бороться за свою безопасность, опираясь на русских служилых людей. Еще в 1663 г. баргузинские тунгусы обратились за помощью к местным служилым людям и с их помощью отбили монгольские набеги<sup>88</sup>. Несмотря на вооруженное противодействие монголов, начали возвращаться на свои «породные земли» и буряты. «Первые группы бурятских улусных людей начинают возвращаться из Монголии на свои „пород-

<sup>87</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 51—52; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 107—108.

<sup>88</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 56.

ные земли“ уже в 1660 г. Через семь лет начинается массовое бегство бурят, доведенных до отчаяния и полного разгрома жестокой феодальной эксплуатацией монгольскими князьями, «из мунгалов» в свои родовые кочевья в Россию»<sup>89</sup>.

С этого времени проблема таких «выходцев», «число которых все возрастает, становится центральной для Забайкалья»<sup>90</sup>. В 1668 и 1669 гг. Очирой Саин-хан расширил свои претензии и предложил русским властям в Иркутске «урегулировать» с ним отношения при условии совместного сбора ясака даже с верхоленских (западных) бурят<sup>91</sup>. Как бы в подтверждение этих требований тайша Сейгун в 1668 г. напал на прибайкальские районы Балаганского, Верхоленского и Илимского острогов<sup>92</sup>. Тогда же монгольские и табунутские тайши предполагали выступить в поход на Селенгинск, но опытный в монгольских делах селенгинский приказчик И. Поршенников сумел их «разговорить»<sup>93</sup>. Не менее опасная обстановка складывалась в Нерчинском уезде, откуда монгольские тайши в 1669 г. угоняли тунгусское население. Спустя два года, в 1671 г., туда же вторгся пятнадцатитысячный отряд монголов, угнавший местных бурят<sup>94</sup>. Это вторжение сильно обеспокоило русские власти и на протяжении последующих лет гарнизон и артиллерия в Нерчинске были несколько усилены<sup>95</sup>.

К 70-м годам позиция местного населения Забайкалья и Приамурья становилась все более твердой и «подговоры» монгольских феодалов не достигали цели. Кроме того, с 1671 г. в Джунгарии произошли изменения, в дальнейшем оказавшиеся выгодными для России. В конце 1670 г. в результате дворцового переворота погиб хан Сенге, и во главе Джунгарии оказался его младший брат Галдан<sup>96</sup>. Еще в 1668 г., в момент наихудших отношений между Россией и Джунгарией, Галдан уверял прибывшего к Сенге русского посла В. Былина в своем стремлении к мирным отношениям<sup>97</sup>. Ставши ханом, Галдан вернулся к идее своего отца о

<sup>89</sup> «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 160.

<sup>90</sup> Е. М. Залкин, Присоединение Бурятии к России, стр. 57.

<sup>91</sup> Там же, стр. 59.

<sup>92</sup> Ф. А. Кудрявцев, История бурят-монгольского народа, М.—Л., 1940, стр. 50.

<sup>93</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1008, лл. 114—116; стлб. 1045, лл. 1—5.

<sup>94</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 115—116; Ф. А. Кудрявцев, История бурят-монгольского народа, стр. 50.

<sup>95</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 1, лл. 14—15; д. 4, лл. 15—16.

<sup>96</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 229—230.

<sup>97</sup> Там же, стр. 220.

«узаконении» системы двоеданства населения приграничной полосы и попытался прийти к соглашению с Россией по этому вопросу. На всем протяжении 70-х годов Галдан добивался укрепления посольских сношений непосредственно с Посольским приказом и за эти годы направил в пределы России не менее шести посольств<sup>98</sup>. По мнению И. Я. Златкина, «энергично отстаивая вначале права ойратских феодалов на их бывшие кыштымы и на сбор с них ясака, подкрепляя иногда свои требования угрозой применить оружие, Галдан постепенно смягчал свою позицию по спорным вопросам, добиваясь чем дальше, тем более настойчиво налаживания добрососедских отношений с Русским государством... Эта задача с течением времени все явственнее приобрела характер главной в его внешней политике на северных рубежах Джунгарского ханства»<sup>99</sup>. Мнение И. Я. Златкина требует некоторого уточнения. При всей своей посольской активности Галдан вплоть до 80-х годов, т. е. на протяжении 10 лет, не изменял своей политики, направленной на упрочение двоеданства на русских рубежах.

В 1673 г. в ходе переговоров с посланцами Галдана в Москве русское правительство решительно отвергло его притязания на своих подданных и проводило гибкую и осмотрительную политику. Оно ни в коей степени не хотело вооруженного столкновения, поддерживало посольские сношения, но не собиралось делать уступок ни Галдану, ни, тем более, Ереняку. Поэтому, когда в 1673 г. оно приняло решение начать активные действия против киргизских «князцов», перед сибирскими воеводами в мае 1674 г. была поставлена деликатная задача: наступление начать внезапно, но только тогда, когда в «киргизских землях» не будет джунгар<sup>100</sup>. Быстро решить эту задачу не представлялось возможным, так как Галдан в 1675 г. стоял в непосредственной близости от киргизских земель, хотя и заверял о своем нежелании начинать военные действия против России<sup>101</sup>.

Определенное влияние на позицию северомонгольских феодалов оказали, по-видимому, и предварительные переговоры, начавшиеся в 1669—1670 гг., между маньчжурскими представителями и нерчинскими властями. В 1672 г. Очирой Саинхан совместно с братом Шидишири Багатур-хунтайджи послал посольство в Москву. Во время переговоров в Посольском приказе монгольские представители предложили «жить в совете и мире», обусловить порядок взаимных сношений и проезда русских представителей и торговцев в Китай и вновь,

<sup>98</sup> Там же, стр. 240—248.

<sup>99</sup> Там же, стр. 248—249.

<sup>100</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 709, ч. II, лл. 411, 413, 433—446.

<sup>101</sup> Там же, лл. 416, 417.

причем более определенно, высказали свои претензии на район Селенги. Они настаивали на том, что Селенгинск построен на «мунгальской земле», и, правда довольно осторожно, высказали мысль о переводе его жителей «на иное место»<sup>102</sup>. Обращает на себя внимание сходство формулировок в дипломатических представлениях монгольских посланников в Москве и маньчжурских представителей во время их переговоров в Нерчинске и в дальнейшем с Н. Спафарием в Китае. Выдвигая на обсуждение территориальные вопросы, те и другие прежде всего хотели «верить» в то, что русские пограничные остроги (Селенгинск, Нерчинск и др.) были поставлены не по царскому указу, а «своевольными людьми», и тем самым «подсказывали» русскому правительству путь к «отступлению». Показательным также было уведомление монгольских послов о том, что «с китайским царем хан их в дружбе и в ссылке»<sup>103</sup>. Русское правительство ответило посланникам Очирой Саин-хана вполне примирительно, но относительно Селенгинска весьма твердо. В том же духе была составлена и государева грамота, посланная хану с русским представителем Иваном Перфильевым. Исследовавшая материалы этих переговоров Н. П. Шастина считает, что «монгольский посол не очень настаивал на возвращении селенгинских земель, он скорее стремился договориться о мирных отношениях и предупредить дальнейшее продвижение русских на юг по долине р. Селенги»<sup>104</sup>. Однако, по ее же словам, переговоры И. Перфильева с самим Очирой Саин-ханом, состоявшиеся в начале 1675 г. в ханской ставке, показали «воинственные настроения монгольских феодалов»<sup>105</sup>.

Пока в Москве проходили эти переговоры и готовилось посольство Н. Спафария, русские власти в Забайкалье показали готовность защищать ясачных людей и пресекать набеги на них. После постройки Селенгинского и Удинского острогов путь для набегов к восточным берегам Байкала был закрыт. В 70-х годах русские власти предприняли шаги для обеспечения безопасности Еравненской степи. В конце 1673 г. тунгусское население, обитавшее на своих «породных землях» по р. Хилок, Куда, Уда и около оз. Еравны, просило нерчинские власти об обороне его от племенной группировки табунутских тайшей, в улусах которых насчитывалось от двух до трех тысяч человек. Эти тайши систематически опустоша-

---

<sup>102</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 71—72; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 108—111.

<sup>103</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 110.

<sup>104</sup> Там же.

<sup>105</sup> Там же, стр. 111.

ли их урочища, уничтожали и угоняли местных жителей. Из Нерчинска П. Шульгин попытался обратиться с жалобой к Очирой Саин-хану, но табунутские тайши Кетайжчи и Иркема не пропустили его посланца и в феврале 1674 г. сообщили, что Очирой Саин-хану они не подвластны, а еравненские земли считают своими и откочевывать не собираются. Тогда в мае 1674 г. из Нерчинска было послано против них 400 нерчинских и албазинских казаков под командой сына боярского Григория Лоншакова и Никифора Черниговского. Столкновение произошло в полутора днях пути от Еравненского озера на притоке р. Уды, получившей затем название Погромной речки. Отряд Г. Лоншакова «сбил» табунутов с Еравненской степи, откуда они ушли в монгольские пределы к р. Онону<sup>106</sup>. В том же году тайша Гыган вторгся в западно-бурятские земли, угрожая Иркутскому, Балаганскому, Братскому и Верхоленскому острогам. Малочисленным русским гарнизонам этих острогов тотчас оказали поддержку ангарские буряты, немало вытерпевшие от монгольских набегов. Объединенные силы русских и бурят оттеснили Гыгана назад в Монголию<sup>107</sup>.

Все эти набеги не только не остановили перекочевок бурятского населения в пределы России, но усилили их. В 1675 г. более тысячи баргузинских и ольхонских бурят во главе со своими шуленгами ушло из Монголии к Нерчинску. Они просили русские власти дать им конвой для защиты от монгольских тайшей и пропустить к Байкалу и на остров Ольхон. Енисейский воевода М. В. Приклонский приказал нерчинским властям проводить их к Байкалу до Баргузинского острога и, чтоб их не ожесточить и не отогнать», не требовать с них аманатов<sup>108</sup>. Неуклонное стремление бурятского населения избавиться от монгольских тайшей и утвердиться под властью России тем более показательно потому, что такие выходцы нередко страдали от самоуправства русских приказных чинов<sup>109</sup>. Попытки отдельных сторонников монгольских тайшей вести агитацию в их пользу в это время кончались неудачей. Тунгусы и буряты не только активно помогали русской администрации бороться с набегами, но и выдавали

<sup>106</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 1, лл. 1—4; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 22—23; «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 137; Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 63; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 314, 322.

<sup>107</sup> Ф. А. Кудрявцев, История бурят-монгольского народа, стр. 51; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 116.

<sup>108</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 4, лл. 31—34.

<sup>109</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 67—68.

ей монгольских и маньчжурских сторонников из числа своих соплеменников <sup>110</sup>.

Наиболее влиятельные монгольские ханы в 70-х годах сами не принимали участия в набегах на владения России. В 1675 г. Очирой Саин-хан и его братья Ундур-Гэгэн и Бататур-хунтайджи вновь направили посольство в Москву. Н. П. Шастина считает, что Очирой Саин-хан по-прежнему был заинтересован в установлении мирных отношений <sup>111</sup>. Трудно сказать, насколько посольство Н. Спафария в Пекин повлияло на этот дипломатический шаг монгольских феодалов. Их посольство прибыло в Москву в декабре 1675 г., т. е. выехать оно могло не ранее лета, когда Н. Спафарий находился между Тобольском и Иркутском. Вполне возможно, что проводившиеся переговоры с монгольскими ханами о пропуске русского посольства Н. Спафария в Китай через Монголию привели монгольских ханов к мысли о необходимости предпринять со своей стороны дипломатический маневр. По существу, взгляды Очирой Саин-хана, изложенные его послами в 1675 г., не отличались от взглядов, известных в Москве с 1672 г. Очирой Саин-хан предлагал с помощью полномочных представителей урегулировать в Селенгинске пограничные недоразумения и обиды, но уже весьма высокомерно требовал возвращения «братских людей». Русское правительство по-прежнему подчеркнуло стремление сохранить добрососедские отношения, согласилось послать специального посла в Монголию, передало послам богатые подарки, но, как и ранее, решительно отклонило притязания хана на бурятское население <sup>112</sup>.

Вместе с возвращавшимися послами в Монголию были посланы сын боярский Ф. Михалевский и подьячий Г. Шешуков. Помимо богатых подарков, переданных в Москве монгольским послам для ханов (в частности, собольей шубы Очирой Саин-хану), Ф. Михалевский и Г. Шешуков привезли всем трем ханам дорогие английские и немецкие сукна, «кожи красные» и дорогие зеркала. Как и при переговорах с И. Перфильевым, Очирой Саин-хан с прибывшими к нему русскими посланцами говорил более резко и категорично, нежели высказывали его взгляды в Москве монгольские послы. Ф. Михалевскому в 1676 г. он прямо угрожал войной, если русские не покинут Селенгинск. Только по «упрошению» Ундур-Гэгэна Ф. Михалевский был с честью отпущен из Монголии. О доброжелательном отношении к России Ундур-Гэ-

<sup>110</sup> Там же, стр. 66—67; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 17, лл. 22—27.

<sup>111</sup> Н. П. Ш а с т и н а, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 111.

<sup>112</sup> Там же, стр. 112—115.

гэна писал в Москву еще Спафарий в 1675 г.<sup>113</sup>. В своем ставленном списке русские посланцы указали на влияние Ундур-Гэгэна, которому Очирой Саин-хан и все тайши «попослушны» и без его согласия «учинить ничего не смеют». Он «унял» в тот момент тайшей от похода на Селенгинск<sup>114</sup>.

Однако к 80-м годам среди монгольских феодалов верх стали брать Очирой Саин-хан и его сторонники, поддавшиеся на подстрекательства маньчжуров. В 1678 г. Цецен-нойон «погромил» бурят под Тункинским острогом<sup>115</sup>. В июне 1678 г. енисейский воевода И. П. Барятинский, ссылаясь на донесения из Албазина, Нерчинска и Селенгинска, писал в Москву о подготовке к войне богдыхана и группировки Очирой Саин-хана<sup>116</sup>. В январе 1679 г. из Селенгинска в Иркутск поступило еще более серьезное сообщение. И. Поршенников через своих лазутчиков узнал о приезде представителей всех тайшей Северной Монголии к Очирой Саин-хану на совет о начале совместных военных действий против русских острогов и ясачных людей. В своей отписке И. Поршенников, хорошо разбиравшийся в монгольских делах, даже назвал Очирой Саин-хана «царем», что было в тот момент вряд ли случайно<sup>117</sup>.

В конце 1678 г. некоторую дипломатическую активность обнаружил разгромленный джунгарами в 1667 г. Лоджан, кочевавший где-то в верховьях Енисея. Русские власти не преминули воспользоваться этим и, несмотря на то что Лоджан уже не мог представлять активной силы, попытались в известной степени опереться на него. Как предполагает Н. П. Шастина, со своей стороны Лоджан попытался поправить свои дела с русской помощью за счет киргизских «князцов». Приехавшие в марте и апреле 1679 г. в Томск и Красноярск послы Лоджана передали его согласие быть в «вечном подданстве» России при условии совместной борьбы с киргизскими «князцами»<sup>118</sup>. В мае 1679 г. из Томска к Лоджану выехал с посольством С. Тупальский; ему было наказано призвать Лоджана в русское подданство и в случае его согласия передать «государево жалованье» (подарки), которое предполагалось передать еще в 1667 г. С. Тупальский через Красноярск, Канский и Удинский (Верхнеудинский) остроги

<sup>113</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 130.

<sup>114</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 952, лл. 161, 162. См. также: Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 72—73.

<sup>115</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 17, лл. 22—28.

<sup>116</sup> ДАИ, т. VIII, № 31.

<sup>117</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 3, л. 179; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 116.

<sup>118</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 709, ч. II, лл. 209, 215—221, 230—238, 300—303, 313—321.

к концу июля прибыл в ставку откочевавшего в верховья р. Оки Лоджана. Во время переговоров Лоджан сообщил, что он вышел из войны с киргизскими и джунгарскими князьями, принесшими ему разорение, и живет на «своей мунгальской земле». Он принес «шерть» (присягу) со своими «лучшими людьми» и советовал поставить в земле киргизских «князцов» русский острог с постоянным русским земледельческим населением. Опираясь на этот острог и его население, Лоджан даже собирался «подвести» под великого государя «многих людей». В начале августа С. Тупальский с представителями Лоджана двинулся в обратный путь и, удачно избежав опасности от стороживших его отрядов Ереняка, прибыл в октябре 1679 г. в Красноярск, а в январе 1680 г. в Томск. В мае 1680 г. посольство Лоджана с «листами» и подарками было отпущено в Москву, куда оно прибыло в конце октября. «Шерть» Лоджана не принесла России каких-либо выгод, ибо вскоре он покинул русские пределы и откочевал в Монголию<sup>119</sup>.

В Джунгарии к 1677 г. в результате успешной борьбы с родным дядей Чохур-убаши и крупным хошоутским феодалом Очирту-Цецен-ханом Галдан добился установления своего единовластия. Укрепившись внутри ханства, он начал активизировать свою внешнюю политику. После двухвекового перерыва сношений между Западной Монголией и Китаем он в 1677 г. послал свое посольство в Пекин, стремясь создать там представление о своем могуществе. В 1678 г. Галдан вторгся в Восточный Туркестан, овладел им и одновременно готовился к выступлению против правителей Кукунора<sup>120</sup>. В то же самое время, вопреки своим мирным заверениям, Галдан проявлял активность и на русских рубежах. Ясачные татары Барабинской и Аялынской волостей Тарского уезда жаловались на насилия дербетов и хошоутов в 1671/72, 1672/73 и 1677/78 гг.<sup>121</sup>. В марте 1678 г. в Колчеданском остроге стало известно о подходе к верховьям Ишима «салтана Кучюма Кана внука» с джунгарами и возникало опасение, что от того «де добро не будет»<sup>122</sup>. В сентябре 1678 г. тоболь-

---

<sup>119</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 709, ч. II, лл. 313—321, 361—366, 371—396 (статейный список С. Тупальского); стлб. 720, лл. 131—132; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 100—103.

<sup>120</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 248—259. Интереснейшие сведения о туркестанском походе Галдана и захвате Ташкента, Чимкента и других среднеазиатских городов содержатся в рассказе джунгарских послов, прибывших в Иркутск в 1691 г. (ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, лл. 209 и сл.).

<sup>121</sup> ДАИ, т. VIII, № 44/IV.

<sup>122</sup> Там же, № 15/III.

ский воевода П. В. Шереметев был извещен о намерении Галдана отправить правнука Кучума, Дядябака, на его «старинные кочевья» по Ишиму<sup>123</sup>. В октябре 1678 г. воеводе Тюмени М. Квашнину стало известно о переправе джунгарских отрядов через Тобол ниже Ялуторовской слободы<sup>124</sup>. Наконец, в декабре 1678 г. в ясачных «землицах» Красноярского уезда появился представитель Галдана зайсан Келей-Дуран; угрожая войной, Келей-Дуран известил воеводу Д. Загрязского о своем намерении собирать дань с ясачных людей. Его посланнику воевода «впредь с таким делом приезжать не велел»; тогда в марте 1679 г. Келей-Дуран подтвердил свое требование и принудил местные племена нарушить «шерть». Одновременно Келей-Дуран, имевший в своем распоряжении двухтысячный отряд, частично вооруженный огнестрельным оружием, потребовал дань с ясачных людей Кузнецкого и Томского уездов<sup>125</sup>. В это же время активизировались и киргизские «князцы». В июле и сентябре 1679 г. Ереняк, правда только с собственными силами, вновь осаждал Красноярск и беспощадно разорял местное население. В начале сентября того же года киргизский «князец» Шанда с сыном и зятем Ереняка подошел под Томск, но в неудачном для себя бою около Верхотомского острога был разбит и погиб. Тем не менее киргизским «князцам» удалось в середине сентября захватить и уничтожить Ачинский острог<sup>126</sup>. Эти события русское правительство не без основания ассоциировало с нападением войск Сенге и Ереняка на Красноярск в 1667 г., и тобольскому воеводе было указано прислать в Москву подробные материалы о происшедших событиях<sup>127</sup>.

Поддержка враждебных России кучумовичей и киргизских «князцов» не помешала Галдану сохранить посольские связи с Москвой. В конце ноября 1678 г. из Тобольска в Москву был отпущен с «листами» и товарами посол Галдана Себедихожа; в январе 1680 г. прибыли в Москву новые послы от Галдана и его племянника Цэван-Рабдана — Баянбек, Аюка и др., которые пробыли в Москве до июня 1681 г. В своем «листе» Галдан просил разрешить его людям торговать с русскими у Ямыш-озера, пропускать, как обычно, послов в Москву и провести розыск о каких-то обидах, учи-

<sup>123</sup> Там же, № 15/VI.

<sup>124</sup> Там же, № 15/VII.

<sup>125</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 709, ч. II, лл. 245—249; стлб. 720, л. 101; ДАИ, т. VIII, № 15/XII, 44/VII.

<sup>126</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 709, ч. II, лл. 358—360; ДАИ, г. VIII, № 15/XIII—XIV, XVII; В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 55, 56.

<sup>127</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 709, ч. II, лл. 346—352; ДАИ, т. VIII, № 15/XVI.

ненных его улусным людям. Послы Галдана отозвались полным «неведением» о вторжении Желей-Дурана и осаде Красноярска Ереняком<sup>128</sup>. Складывается впечатление, что в это время Галдана интересовало в России главным образом огнестрельное оружие и боезапасы, которые его послы, вопреки запрещению русского правительства, неофициально закупами и вывозили, используя право провоза посольских товаров без таможенного осмотра. Русское правительство подчеркнуто вежливо приняло два последних джунгарских посольства и даже послало Галдану богатые подарки. Джунгарским послам было только передано, чтобы Галдан не чинил обидящих людям и не собирал с них дань, и подтверждено строжайшее запрещение вывозить из России оружие. Сибирским воеводам было предписано с большой осторожностью принимать «выезжавших» в русское подданство джунгар, а верхотурским таможенным властям — осматривать обозы возвращавшихся из России джунгарских посланников<sup>129</sup>.

Итак, на протяжении 60—70-х годов по мере усиления посольских связей с Китаем, Северной Монголией и Джунгарией все более выявлялась сложность складывавшихся отношений и становились очевидны территориальные притязания к России богдыхана Кан-си и некоторых монгольских феодалов. Эта сложность усугублялась для России двойственной политикой Джунгарии. К этому времени русская дипломатия начала связывать свои отношения с отдельными центральноазиатскими соседями в единую систему внешней политики в этом районе.

### **Развитие внешнеторговых связей с Джунгарией, Северной Монголией и Китаем**

В процессе присоединения Сибири к России интенсивность развития русских внешнеторговых связей с центральноазиатскими и дальневосточными соседями определялась не только географическими и политическими факторами (т. е. территориальным сближением и состоянием дипломатических сношений), но и результатами хозяйственной деятельности русских переселенцев в отдельных областях Сибири и экономической заинтересованностью иноземного купечества в русских рынках. По мере освоения русским населением сибирской земли складывались предпосылки для развития русского экспорта через новые восточные рубежи. В то же время местные сибирские рынки, постепенно включавшиеся в систему скла-

<sup>128</sup> ДАИ, т. VIII, № 15/VIII, XV, XVIII; т. IX, № 80.

<sup>129</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 709, ч. II, лл. 313—323, 329—330; ДАИ, т. VIII, № 15/XV.

дывавшегося всероссийского рынка, все более привлекали иноземных торговцев.

Устанавливавшиеся внешнеторговые пути изменяли свое направление в зависимости от успеха хозяйственного освоения отдельных областей Сибири.

До 40-х годов XVII в., т. е. до присоединения и освоения Забайкалья и Приамурья, торговля России с Центральной Азией на основе сложившихся рынков Западной Сибири (прежде всего Тобольска) велась через Среднюю Азию и Джунгарию, главным образом через бухарских торговцев<sup>130</sup>. Однако посредническая торговля, осуществлявшаяся бухарцами по тысячеверстным азиатским караванным путям, не могла активно стимулировать развитие торговых связей. Лишь с середины XVII в., и особенно с 70-х годов, после того как русские купцы, используя заинтересованность монголов и джунгар в русских ремесленных товарах, стали самостоятельно осваивать новые пути, внешняя торговля России с Джунгарией, а также с Северной Монголией и Китаем начала приобретать систематический характер.

Во второй половине XVII в., по словам И. Я. Златкина, ойратское население Джунгарии и его хозяйство «уже не могли существовать и развиваться без торгового обмена с Русским государством. Каждый случай более или менее длительного перерыва торговли между русскими и ойратскими людьми болезненно отражался на положении... обитателей Джунгарского ханства, создавая условия для всякого рода политических осложнений»<sup>131</sup>. Не менее определенно по этому поводу пишет Ш. Чимитдоржиев: «Во второй половине XVII в. русско-ойратские торговые связи приняли широкие размеры»<sup>132</sup>. К упрочению связей с русскими рынками на протяжении десятилетий стремились и джунгарский хан Батур-хунтайджи, и его сын Галдан. Н. П. Шастина также считает, что во второй половине XVII в. близкие отношения между русскими и населением Внешней (или Северной) Монголии «возникли на почве взаимной экономической заинтересованности... В обмен на лошадей и скот монголы пытались получить жизненно необходимые им предметы домашнего и хозяйственного обихода, производить которые они не могли в условиях кочевого хозяйства, а также русское огнестрельное оружие, которое они очень ценили. Россия тоже была заинтересована в торговом обмене с Монголией, поскольку в связи с развитием в Сибири „государевой пашни“ ощущался

<sup>130</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., — «История СССР», 1958, № 1, стр. 110, 111.

<sup>131</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 222—223.

<sup>132</sup> Ш. Чимитдоржиев, Русско-ойратские (западномонгольские) связи в XVII в., стр. 137.

острый недостаток тягловой силы, крупного и мелкого рогатого скота в недавно заселенных русскими областях»<sup>133</sup>. Алтын-хан еще в 1618 г., отправляя свое посольство в Москву, пытался наладить торговый обмен с Сибирью; в 1645 г. он также пытался договориться с русскими послами об организации торговли в Томске, куда бы он мог посылать не только многие свои товары, но и китайские<sup>134</sup>. В 1647 г. джунгарское посольство даже угрожало войной, если русские власти в Тюмени не позволят его каравану вести в городе торговлю<sup>135</sup>. В 1652 г. посол Кушучиней в Москве от имени калмыцкой княгини Гунджи давал согласие пропустить через ее владения русских торговцев, «проводить до Китайского государства с великим береженьем, и корм и подводы и провожатых велит давать, сколько надобно... и опять назад... примет и до Тобольска велит проводить»<sup>136</sup>. В 1662 г. добивался развития торговых отношений такой крупный монгольский феодал, как Лубсан-тайджи<sup>137</sup>.

Значительно сложнее обстоял вопрос с установлением экономических связей между Россией и Китаем. Торговые отношения с Китаем, государством многовековой культуры, с развитым и специализированным ремеслом представляли для России наибольший интерес. Западноевропейские государства (Англия, Голландия) в XVII в. в свою очередь стремились освоить наиболее удобные пути в Китай и не раз безуспешно пытались использовать для этой цели русскую территорию. Хорошо известна история иезуитов Авриля и Барнабе, приехавших в 1687 г. в Москву и пытавшихся там получить разрешение на проезд в Китай, но незамедлительно высланных через западную русскую границу<sup>138</sup>.

Богдыханское правительство стремилось изолировать Китай от внешних связей. Поэтому русское правительство в виде исключения в одностороннем порядке разрешало поездки русских купцов в пределы Китая, но строжайше запрещало самовольные выезды. По указу 7181 г. (1672/73 г.) сибирским властям запрещалось пропускать в Китай «всяких чинов» людей без официальных грамот, а в случае самовольного проезда при возвращении торговцев власти должны были кон-

---

<sup>133</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII в., стр. 12.

<sup>134</sup> Там же, стр. 29, 53—54.

<sup>135</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 192.

<sup>136</sup> Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, Первые русские дипломаты в Китае, М., 1966, стр. 87, 88.

<sup>137</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII в., стр. 87.

<sup>138</sup> П. Пирлинг, Исторические статьи и заметки, СПб., 1913, стр. 125 и сл.; Б. Г. Журц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, стр. 12—15.

фисковывать у них  $\frac{9}{10}$  китайских товаров. Этот указ был подтвержден 2 мая 1678 г.<sup>139</sup>

В дореволюционных работах русских ученых, а также еще относительно недавно в советской литературе о русских экономических связях с Китаем в XVII в. судили только по результатам торговых операций правительственных миссий, эпизодичных, малоудачных и весьма скромных по своим масштабам. Так, Ф. Байков привез в 1658 г. в Тобольск китайских товаров на 1669 руб., И. Перфильев и С. Аблин в 1662 г. на 1057 руб., и только в 1672 г. С. Аблин вывез китайских тканей, шелка-сырца, драгоценных камней и бадьяна на довольно значительную сумму — 18 751 руб.<sup>140</sup> Этим, по существу, и ограничивалась торговая деятельность русской казны. Б. Г. Курц только предположительно отмечал: «Видимо, частная торговля продолжала расширять свои пути»<sup>141</sup>. Крайне мало данных о русско-китайской торговле содержится и в книге П. Т. Яковлевой, изданной в 1958 г.<sup>142</sup>

Однако уже исследования О. Н. Вилкова, И. Я. Златкина, Н. П. Шастиной и некоторых других ученых позволили иначе судить о динамике развития экономических сношений России с восточносибирскими соседями. Отсутствие официального соглашения о двусторонней торговле между двумя государствами — Россией и Китаем, — конечно, серьезно задерживало развитие непосредственных экономических связей. Тем не менее по мере становления сибирских и, в частности, забайкальских рынков эти связи устанавливались вопреки сложностям дипломатических отношений. Необходимые предпосылки к их установлению были созданы к 70-м годам усилиями русского купечества. Оно использовало заинтересованность монголов и джунгар в русских товарах и не без их содействия все чаще и дальше проникало за восточные русские рубежи на караванные пути, выводившие, в частности, и к китайским рынкам. Это настойчивое стремление дает основания полагать, что предпосылки непосредственных торговых связей создавались на основе взаимной заинтересованности русского и китайского купечества.

Этим объясняется и появление в XVII в. описаний Китая и различных «дорожников», обязанных своим созданием не

---

<sup>139</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 9, лл. 12—24; Нерчинская приказная изба, д. 6, лл. 85—86; Сибирский приказ, стлб. 354, д. 32, лл. 82, 83; стлб. 935, лл. 42, 50, 51.

<sup>140</sup> Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, стр. 33; его же, Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII столетии, — «Новый Восток», кн. 23—24, М., 1928, стр. 333—336.

<sup>141</sup> Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, стр. 39.

<sup>142</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 г., стр. 112—114.

только членам официальных русских посольств в Китае, но также торговцам, промышленникам и служилым людям; их практические знания и наблюдения использовались, например, при составлении карты Сибири тобольским воеводой П. Годуновым, черпавшим сведения о Китае «от знающих людей»<sup>143</sup>. В «Ведомости о Китайской земле и глубокой Индеи», сочинении, составленном не позже 1669 г. в Тобольске по инициативе того же П. Годунова, после описания путей, китайских рынков и денежной системы, ремесленных изделий, бытовых черт следует вполне определенная фраза: «Знатцами засвидетельствовано, что русские знают все»<sup>144</sup>. Можно полагать, что дополнения тобольской редакции к «Книге Большому чертежу», составленные в 1673 г., основывались на материалах далеко не одних русских представительств. Важно подчеркнуть, что в этом дополнении описаны все те пути в Китай, которыми пользовались много позже. Прежде всего очень подробно описан путь по Иртышу, мимо Ямыш-озера и далее через Джунгарию; отмечен также путь через степи Северной Монголии и, наконец, через Нерчинск<sup>145</sup>.

\* \* \*

Внешняя торговля России с Джунгарией, Северной Монголией и Китаем с середины XVII в. осуществлялась в различных формах. Существенную роль сохраняла посредническая караванная торговля «торговых бухарцев» между русскими и иноземными рынками. Однако в караванной торговле стало принимать систематическое участие и русское купечество. Все большее значение приобретала торговля в порубежных пунктах, куда приходили и расторгывались караваны среднеазиатских купцов, джунгар и монголов и съезжались русские торговцы. Некоторое значение для упрочения торговых связей имели поездки различных посольств (русских, джунгарских, монгольских). В этих случаях торговые операции проводили и члены посольств, и сопровождавшая их охрана; часто к посольствам присоединялись торговые люди.

В первой половине XVII в. главным торговым центром Сибири, непосредственно притягивавшим иноземные восточные караваны, был Тобольск. По данным О. И. Вилкова, до 1658 г. они шли туда непосредственно через Среднюю Азию

---

<sup>143</sup> А. Н. Насонов, Неизвестные летописные памятники, — «Проблемы источниковедения», сб. IV, М., 1955, стр. 280.

<sup>144</sup> С. О. Долгов, Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи, — «Памятники древней письменности и искусства», СХХХIII, 1899, стр. 14—35.

<sup>145</sup> «Книга Большому чертежу», стр. 187—188.

(Бухару, Ташкент) по Туркестанской дороге<sup>146</sup>. Вся внешняя торговля находилась в руках среднеазиатского купечества, которое доставляло в Сибирь из Монголии скот и продукцию местного животноводства, из Китая — хлопчатобумажные ткани, чай, ремень и другие товары<sup>147</sup>.

В дальнейшем основное торговое значение приобрел путь по Иртышу, связывавший Западную Сибирь с Джунгарским ханством (через Ямыш-озеро, урочище Семи Палат и далее в Зайсанскую котловину)<sup>148</sup>. Этим путем бухарские караваны приходили в Тобольск до 1674 г. В те же годы все большее значение приобретала ярмарка у Ямыш-озера на пограничном рубеже, сыгравшая важную роль в развитии российской зарубежной торговли того времени.

О возможностях торгового обмена с бухарцами на Иртыше русские узнали еще во времена Ермака<sup>149</sup>. Выгодно расположенное около такой важнейшей водной магистрали, какой является Иртыш, Ямыш-озеро привлекало западносибирское население своей самосадочной солью. С начала XVII в. тобольские власти часто организовывали за ней целые экспедиции, состоявшие из десятков речных судов и сотен людей. В их числе были и русские торговцы, охраняемые служилыми людьми. Уже в 20-х годах там «по вся годы» сложился торг, на который приезжали бухарцы и джунгары с мехами, овчинами и особенно со скотом<sup>150</sup>. По данным 40—50-х и 70—80-х годов, русские торговцы везли туда главным образом выделанные кожи, а также сукна и металлические изделия. Бухарцы закупали у русских прежде всего кожи и дорогие меха, которые они затем везли в Китай и Среднюю Азию. Русские же купцы вывозили с ярмарки в Тобольск главным образом ткани, преимущественно китайские, а также

---

<sup>146</sup> Этими путями в 1639—1642 гг. с торговым караваном торгоутского тайши Дайчина в Китай прошел тарский конный казак Емельян Вершинин, успешно торговавший в городе Синине. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, О датировке грамот императоров Минской династии царю Михаилу Федоровичу, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 7.

<sup>147</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 110, 111.

<sup>148</sup> Описание этих путей см.: О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 111—112; его же, Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в., — «Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока», вып. II, стр. 5 и сл.; Г. Н. Потанин, О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII в., — «ЧОИДР», 1868, № 2, разд. V, стр. 38.

<sup>149</sup> Г. Н. Потанин, О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII в., стр. 35.

<sup>150</sup> Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, стр. 10; С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 270.

среднеазиатские (турфанские, яркендские, бухарские)<sup>151</sup>. Ямышевская ярмарка начиналась 15 августа, после окончания соледобычи, и продолжалась до сентября.

Вопреки мнению Б. Г. Курца о чисто случайном характере посреднической торговли бухарских купцов, якобы незначительной по своим масштабам, О. Н. Вилков на материалах тобольской таможни убедительно показал ее систематичность. По его данным, на протяжении 1650—1674 гг. по Иртышу в Тобольск прибыл 31 бухарский караван. Нередко в Тобольск приходило по 3—4 каравана ежегодно. Они привозили среднеазиатские (бухарские), джунгарские, китайские и арабские товары — ткани и одежду, пушнину, кожи, пряности. Прибывали они преимущественно в осенние месяцы (сентябрь—ноябрь), когда в Тобольск съезжались торговцы из Азиатской и Европейской России; расторговавшись в течение зимы, весной, обычно в марте, они уходили назад с закупленными русскими товарами<sup>152</sup>.

Постепенно, к 70-м годам, по данным О. Н. Вилкова, вследствие уменьшения спроса тобольского рынка, бухарцы сокращали ассортимент джунгарских и среднеазиатских товаров, а с 1658 г. по мере развития сибирского животноводства прекратили пригон туда джунгарского скота<sup>153</sup>.

Китайские товары продолжали поступать на тобольский рынок в значительном количестве, причем русское правительство объявило в 1652 г., что оно оставляет за собой право их преимущественной закупки в течение двух недель после прибытия каравана (так, в 1653 г. оно скупило китайских тканей и ревеня на 1177 руб.)<sup>154</sup>.

Китайские товары были хорошо известны в это время и на другом крупном сибирском рынке — в Енисейске. Сохранился составленный там список «товарных ценовых росписей» за 1648/49 г., в котором среди многочисленных иноземных товаров западного и восточного происхождения (кызылбашских, бухарских, персидских, немецких тканей, западноевропейских изделий ремесла, заморских бакалейных товаров — перца, гвоздики, имбиря и т. д.) китайские ткани (бархат и атлас гладкие, различные камки, китайки) занимали значительное место<sup>155</sup>. Однако отсутствие данных пока

<sup>151</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 107—109; его же, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, М., 1967, стр. 194—199.

<sup>152</sup> Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, стр. 11, 14; О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 107; его же, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 172.

<sup>153</sup> О. Н. Вилков, Ремесло и торговля Западной Сибири, стр. 173.

<sup>154</sup> Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, Первые русские дипломаты в Китае, стр. 88, 89.

<sup>155</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 254, лл. 43 об. — 45.

не позволяет определить, каким путем китайские товары попадали в это время в Енисейск.

Помимо Тобольска бухарские караваны со среднеазиатскими, китайскими и джунгарскими товарами прибывали на Тару, в Томск и Тюмень. Туда поступали джунгарский скот (лошади, овцы, рогатый скот), черные и белые мерлушки, дешевые меха (лисьи), войлоки из овечьей шерсти. С 60-х годов особенно усилился пригон джунгарских лошадей<sup>156</sup>. По-видимому, весьма оживленный торг в середине XVII в. происходил в Томске. Известно, что в 1652 г. в Томск джунгарские товары поступали пять раз — в январе, марте, мае, июне и декабре<sup>157</sup>. Приходили купеческие караваны в Томск и в 60—80-х годах. Так, в 1687 г. шесть бухарских купцов привели в Томск огромный караван, товары которого были оценены местной таможенной в 10 215 руб., а взятая с них пошлина составила львиную долю всего годового таможенного сбора. Эти товары скупались местными мелкими перекупщиками и продавались затем в розницу «на полках». Такие большие караваны приходили, конечно, не ежегодно. В 1688 г. бухарский караван был оценен всего лишь в 297 руб.<sup>158</sup>.

Русское население было очень заинтересовано в джунгарских товарах. Об этом красноречиво свидетельствует эпизод с караваном, пришедшим из Джунгарии со скотом к Тюмени в 1647 г. Когда воевода И. Тургенев, ссылаясь на распоряжение Сибирского приказа, не разрешил прибывшим торговцам начинать торговлю и предложил им следовать в Тобольск, все тюменское население — служилые и посадские люди и крестьяне — решительно поддержало прибывших и потребовало открыть «калмыцкий торг», «чтоб от безлошадства б им не погинуть вконец и твоей бы царской им службы, а пашенным крестьянам пашни не отбыть»<sup>159</sup>. Ссылаясь на этот эпизод, И. Я. Златкин справедливо пишет: «При наличии взаимной заинтересованности в налаженном обмене исчезает и экономическая основа для вооруженных конфликтов между кочевниками и оседлыми земледельческими обществами»<sup>160</sup>.

Вплоть до 70-х годов XVII в. преобладание во внешнеторговых операциях на западносибирских рынках принадлежало среднеазиатским купцам. Они издавна прочно держали в

<sup>156</sup> Ш. Чимитдоржиев, Русско-ойратские (западномонгольские) связи в XVII в., стр. 135—138.

<sup>157</sup> Там же, стр. 135.

<sup>158</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1052, лл. 176, 177; стлб. 709, л. 416; И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 214.

<sup>159</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 192, 193; Г. И. Слесарчук, Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в., стр. 261.

<sup>160</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 193.

своих руках караванную торговлю в Центральной и Средней Азии шелком и другими дорогими товарами (знаменитый «шелковый путь» в его различных вариантах, пролежавший с Дальнего до Переднего Востока, известен со II в. до н. э.) и монопольно снабжали Европу изделиями ремесла далекого Китая. Слабая экономика кочевого хозяйства Джунгарии и других монгольских феодальных образований в XVII в. целиком находилась под контролем «бухарцев». Проникновению их на рынки Сибири отчасти содействовала покровительственная таможенная политика русского правительства. Примерно с 1622 г. русские таможенники в Сибири взимали пошлину с приезжих бухарских купцов в половинном размере как с ввозимых товаров, так и с купленных ими русских товаров (5% вместо обычных 10). В некоторых случаях, когда нужно было привлечь иноземных купцов и им «повадно было ходить впредь», эта основная пошлина не бралась с них вовсе<sup>161</sup>. В 1646 г. Сибирский приказ разрешил караванам из Джунгарии приходить и осуществлять торг не только в Тобольске, но и в других сибирских городах<sup>162</sup>.

«Торговые бухарцы» отлично понимали свою экономическую силу. В сибирских городах они поддерживали связи с местными воеводами и чувствовали себя весьма уверенно. Появлялись они и в Москве, куда иногда привозили очень крупные партии товаров. В начале 1684 г., например, «юртовские» и приезжие бухарцы привезли в Москву китайских и сибирских товаров на 24 866 руб.<sup>163</sup>. Даже митрополит сибирский и тобольский Павел не смог нарушить установившихся торговых традиций. Так, в 1685 г. правительство оставило без внимания его требование изолировать бухарцев от русского населения в связи с их «дерзким» поведением по отношению к православному культу и прельщением православных в свою веру<sup>164</sup>. Только по таможенным статьям 1693 г. бухарские купцы были лишены своей привилегии, и лишь для впервые пришедшие с товаром в российские пределы допускалось исключение и пошлина взималась по-прежнему в половинном размере<sup>165</sup>.

<sup>161</sup> О. Н. Вилков, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в., стр. 171.

<sup>162</sup> Ш. Чимитдоржиев, Русско-ойратские (западномонгольские) связи в XVII в., стр. 135.

<sup>163</sup> ДАИ, т. XI, № 67.

<sup>164</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 354, д. 25.

<sup>165</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 106—107; В. А. Александров, Е. В. Чистякова, К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.), — «Вопросы истории», 1959, № 2, стр. 137, 138. Покровительственная политика по отношению к бухарскому купечеству, возможно, объяснялась также стремлением русского правительства упрочить отношения с государствами Средней Азии, че-

Лишь с 70-х годов стали намечаться изменения во внешней торговле России с порубежными с Сибирью государствами. Это объяснялось прежде всего возросшей активностью русского купечества, вовлекавшего сибирские рынки в орбиту образующегося всероссийского рынка, и усилением экономических связей внутри самой Сибири. Русское купечество не только стало вытеснять бухарское купечество с сибирских рынков, но и самостоятельно проникать на внешние торговые пути. В результате в Западной Сибири внешнеторговые операции стали перемещаться из русских городов на Ямышевскую ярмарку, т. е. на границу России.

После 1674 г. бухарские и джунгарские караваны перестали приходить в Тобольск, а расторговывались на этой ярмарке. «Ведомость» о подходе к Ямыш-озеру богатых караванов достигала Тобольска задолго до начала ярмарки; после получения известий о «богатстве» ожидаемого торга усиливался и отъезд туда русских торговцев<sup>166</sup>. На Ямышевскую ярмарку собирались торговцы из различных областей и городов России, но особенной активностью там отличались жители Тобольска; появлялись там и агенты московских гостей (в том числе Е. Филатьева). Поэтому основная масса восточных товаров ввозилась с нее в Россию уже русскими купцами. Так, по подсчетам О. Н. Вилкова, с 1675/76 г. на долю русских торговцев приходилось от 90 до 100% ввозимых в Тобольск китайских товаров<sup>167</sup>.

В оживленном торге на ярмарке принимала участие и казна. На выделанную кожу, меха, моржовую кость, пред-

---

рез которую оно пыталось во второй половине XVII в. установить дипломатические и торговые отношения с государством Великих Моголов. Из Средней Азии в Сибирь в то время поступали также и индийские товары. См.: У. А. Рустамов, К истории изучения экономических, политических и культурных связей между народами Индии и Средней Азии; Н. Б. Байкова, К вопросу о русско-индийских торговых отношениях в XVI—XVII вв., — «Труды Института востоковедения АН УзССР», вып. IV, Ташкент, 1956.

<sup>166</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 73—75.

<sup>167</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 114—121; его же, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 214. О наличии китайских товаров в довольно широком ассортименте на русских рынках этого времени свидетельствуют сообщения западноевропейских путешественников, посещавших Россию. Помимо различных китайских тканей в быту московской знати к 1680 г. были распространены драгоценные камни (топазы, рубины и др.), дорогие китайские безделушки, украшения, посуда, чай (Н. А. Бакланова, Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в., — «Очерки по истории торговли в 17 и в начале 18 столетия», М., 1928, стр. 80, 97, 99; Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 113, 152, 153; М. П. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I, ч. II, Иркутск, 1936).

меты русского ремесла бухарцы и джунгары меняли среднеазиатские и китайские ткани, а также высокого качества селитру и ремень, который был объявлен «заповедным товаром», и его покупка частными лицами строжайше преследовалась сибирскими властями. В 1685 г. гость И. Чирьев выменял для казны на соболиные шкурки свыше 1700 пудов селитры. Выменивали у Ямыш-озера селитру и тобольские служилые люди. В 1689 г. для обмена на китайские ткани туда же было послано из Тобольска казенных товаров почти на 3 тыс. руб.<sup>168</sup>.

Однако не следует переоценивать масштабов товарооборота Ямышевской ярмарки в отношении китайских товаров. Хотя О. Н. Вилков считает, что «в продолжение значительно времени Ямышевская дорога монополизировала ввоз китайских товаров в Тобольск»<sup>169</sup>, по всей вероятности, эта монополия кончилась к 80-м годам XVII в., когда китайские товары стали поступать в города Восточной Сибири также иными путями. Стоимость поступавших на ярмарку до 80-х годов наиболее ценных китайских товаров<sup>170</sup> не шла ни в какое сравнение с теми оборотами, которые стали совершать русские купцы, когда они в 90-х годах получили возможность самостоятельно и систематически приезжать в Пекин<sup>171</sup>.

Русское купечество, закрепив за собой фактическую монополию внешней торговли на тобольском рынке, начало активную борьбу за проникновение на международные пути караванной азиатской торговли, за установление непосредственных торговых связей с Китаем.

О поездках русских торговцев в Китай в 70—80-х годах можно судить только на основании отрывочных данных. Стремясь обойти правительственное запрещение ездить в Китай, русские торговцы чаще всего старались попасть туда по Иртышу от Ямыш-озера и далее через Джунгарию, хотя этот путь был весьма опасен из-за постоянных нападений кочевников и часто становился совершенно недоступным, когда между отдельными феодальными владетелями начинались войны. Этим путем ходили в Китай официальные русские караваны Ф. Байкова, И. Перфильева, С. Аблина. В октябре 1668 г. из Китая мимо Ямыш-озера вернулись в Тобольск

<sup>168</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 354, л. 27; стлб. 720, лл. 153—159; стлб. 1066, лл. 44, 45.

<sup>169</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 114.

<sup>170</sup> На протяжении 60—80-х годов в Тобольск только однажды — в 1686/87 г. — было привезено китайских товаров на 23 093 руб.; в другие годы стоимость их колебалась от 229 до 3745 руб. (О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 114, 121; его же, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 206).

<sup>171</sup> См. главу 6 настоящей книги.

тобольские люди Павел и Василий Шапошниковы и «юртовский бухаретин» Мамет Салеев<sup>172</sup>.

Известно, что с С. Аблиными в 1669—1671 гг. ходило в Китай двое тобольских посадских (Иев Васильев и Дмитрий Каркомельцев) и 11 служилых людей, привезших, по нашим подсчетам, приблизительно на 1123 руб. китайских тканей и около 11 пудов чая и бадьяна. С ними же вернулись в Тобольск двое тобольских бухарцев и приехали 9 «торговых бухарцев», которые привезли китайских товаров, по приближительному подсчету, на 1803 руб. (тканей на 1355 руб., 27 пудов чая на 216 руб. и 1250 предметов фарфоровой посуды на 232 руб.)<sup>173</sup>.

Случалось, что торговцы из России, попадая в Джунгарию, по несколько лет проводили на центральноазиатских караванных путях. В 1676 г. боярский сын Игнатий Милованов докладывал Н. Спафарию, что он встретил в китайском городе Науне торгового человека из Тары, который пришел в Китай более трех лет назад<sup>174</sup>. В 1679 г. предприимчивый поляк Павел Иванов, поверставшись в Москве в ратную службу в якутский гарнизон, доехал только до Тобольска, под благовидным предлогом попал на Ямышевскую ярмарку и оттуда вплоть до 1687 г. «почал ездить для торгу своего в Китайское [царство] и в «иные орды»<sup>175</sup>. В 1682 г. вернулся из Китая торговый человек Петр Вятчанин<sup>176</sup>. Тогда же длительное путешествие в Китай совершили семеро тобольских посадских людей (Филат Иванов, Федор Васильев, Иван Филиппов, Василий Жданов и др.). Осенью 1683 г. они самовольно присоединились у Ямыш-озера к уходившему из русских пределов каравану джунгарских посланцев, к марту 1685 г. добрались до китайского города Шурги, а в октябре того же года вместе с бухарским караваном пришли в Иркутск, откуда отправились в Енисейск и, по-видимому, далее в Тобольск<sup>177</sup>.

В 1684 г. казачий голова А. Выходцов, возглавлявший очередной соляной караван к Ямыш-озеру, в нарушение правительственных правил «за посулы» дал возможность «исторговаться» на ярмарке пришедшим из Китая российским торго-

<sup>172</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 113; его же, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 204, 205.

<sup>173</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 562, лл. 84—96.

<sup>174</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай», стр. 203.

<sup>175</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 355, ч. II, лл. 409—411; стлб. 747, л. 286.

<sup>176</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 113; его же, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 205.

<sup>177</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 84, лл. 15—16, 46—52.

вым людям, среди которых было двое торговцев-греков, и отпустил их вновь в Китай, а с ними еще двух русских купцов<sup>178</sup>. Тогда же этим путем вернулись из Китая в Тобольск тарские «юртовские» бухарцы Кобыняко Кулаев «с товарищи»<sup>179</sup>.

Любопытный эпизод, прекрасно передающий атмосферу торгового предпринимательства, охватывавшего русских и, в частности, сибирских торговцев, произошел на Ямышевской ярмарке в 1685 г. На очередную «службу» туда прибыл «по соль» тобольский сын боярский Ф. Шульгин, а с ним многочисленные торговцы, среди которых был также бухаретин Сеидаш Кулмаметев. С ним для «продажи и мены» была отправлена «государева казна». Подобные казенные поручения Кулмаметев выполнял и ранее. Из Джунгарии на ярмарку, как обычно, пришли бухарские купцы, а с ними и «греченин царегородец» Дмитрий Константинов. Впервые прибыв из Москвы, он познакомился с выгодным торгом китайских товаров на Ямыш-озере в 1680 г. и с тех пор на свой страх и риск успел совершить два путешествия в Китай. В 1685 г. он привез большую партию китайских тканей — более 320 косяков<sup>180</sup> камок-лауданов и тканей других сортов, стоимость которых, по московской оценке, превышала 4 тыс. руб. Чтобы избежать конфискации привезенного товара, Д. Константинов попытался договориться с Кулмаметевым о продаже ему и в казну 230 косяков лауданов и 10 косяков атласов при условии отпуска его Ф. Шульгиным в очередное путешествие в Китай. Однако Ф. Шульгин, опасаясь попасть под сыск, задержал Д. Константинова. Напуганные бухарцы прекратили торговлю, а между Ф. Шульгиным и

---

<sup>178</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 935, л. 47.

<sup>179</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 113; его же, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 205.

<sup>180</sup> Косяк или, как он чаще назывался, постав — единица измерения большинства тканей, преимущественно шелковых. Он состоял из двух портиц и равнялся приблизительно 16—18 аршинам. Хлопчатобумажные ткани — китайки — измерялись концами. Десять концов составляли тюму. Конец, как и постав, был не вполне определенной единицей измерения. Чаще всего он равнялся 8,3 аршина (ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 325, лл. 51—57). Н. Костомаров считал постав неопределенной оптовой единицей (кусок, штука), заключавшей в себе 20—40 аршин (Н. Костомаров, Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях, СПб., 1862, стр. 289). А. И. Никитский определял постав в 37 аршин (А. И. Никитский, История экономического быта Великого Новгорода, М., 1893, стр. 160). Х. Труевич определял постав камки шести- и пятиланной в 10 аршин, семиланной — в 17—18 аршин, прочие — в 15—18 аршин; постав атласа — в 16—20 аршин, конец — в 7,5—7,8 аршина (Х. Труевич, Посольские и торговые сношения России с Китаем, стр. 169, 173, 280). О. Н. Вилков определял конец в 10 аршин (О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 18).

прибывшими с ним торговыми и служилыми людьми, не успешными «исторговаться», началась распря. Д. Константинов успел спрятать почти весь свой товар на речное судно-дощаник торгового крестьянина Данилы Исакова и, по-видимому, договорился с ним о тайной пересылке товара из Тобольска в Москву. Однако в Тобольске этот товар был обнаружен и вместе с его владельцем препровожден в Москву<sup>181</sup>. Стараниями раздосадованного С. Кулмаметева и других торговцев Ф. Шульгин все же попал под сыск. В Тобольске выяснилось, что он отпустил в Китай, Бухару и Джунгарию целый караван — 48 человек русских подданных, причем значительную часть самовольно. Среди них были разных сибирских городов служилые люди, их родственники, сибирские татары, «юртовские» бухарцы и торговые люди — «человек» крупнейшего московского гостя Е. Филатьева Г. Колмак, устюжане Филипп Минюхин и Павел Мальцев, важенин Андреян Крюков, тобольский посадский человек Семен Боков, верхотурец Василий Иванов и другие<sup>182</sup>.

Джунгарские и монгольские дипломатические представители, приезжавшие в Сибирь, также сообщали об активности русского купечества. Так, в июле 1689 г. иркутскому боеводе Л. Кислянскому стало известно о прибытии в ставку Галдана русских торговых людей. В 1691 г. при переговорах с джунгарскими послами он же узнал о русском купце Михаиле Остафьеве, который длительное время находился при Галдане, а затем с торгом отправился в Китай<sup>183</sup>.

Все эти данные свидетельствуют о том, что путь в Китай через Джунгарию был не только хорошо известен в 70—80-х годах, но и систематически использовался русскими торговцами, которые на свой страх и риск совершали эти путешествия.

С 1688 г. в связи с начавшейся джунгаро-халхо-маньчжурской борьбой путь через Ямыш-озеро и Джунгарию оказался надолго закрытым. Однако это не отразилось на русских внешнеторговых связях.

Уже с 70-х годов внешнеторговые связи с Северной Монголией и Китаем стали устанавливаться из других, располо-

---

<sup>181</sup> Об окончании этой истории в Москве см.: В. А. Александров, Е. В. Чистякова, К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка, стр. 137—138. О. Н. Вилков сообщает, что Д. Константинов в Москве, по-видимому, заручился поддержкой гостя Е. Филатьева и вскоре уже в качестве его агента продолжил свои торговые путешествия в Джунгарию через Ямыш-озеро (О. Н. Вилков, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 201).

<sup>182</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 354, д. 32, лл. 79—84; стлб. 720, лл. 153—159; стлб. 935, лл. 1—8, 17—20, 37, 38, 50, 51, 56, 57; стлб. 965, лл. 242—243.

<sup>183</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 62—80, 185—188.

женных восточнее сибирских городов — Красноярска, Енисейска, Иркутска — через Забайкалье и северомонгольские степи (Халху). Изменение направления торговых путей объяснялось прежде всего успехами русского освоения восточно-сибирских областей и созданием там новых торговых центров. Поэтому независимо от политических событий в Джунгарии роль Ямышевской ярмарки в зарубежной торговле падала.

Новые пути для русского купечества были несравненно более удобными. Проезжая через российскую территорию Забайкалья и Приамурья в Северную Монголию или непосредственно в Китай, оно избегало посредничества бухарцев и наносило существенный удар их монополии во внешней торговле. Ю. Крижанич на основе данных, полученных им в Тобольске, и в частности личных расспросов осведомленных торговых, промышленных, служилых, приказных людей, именно в это время называл Даурию среди других пограничных областей, через которые Россия могла бы развивать свою внешнюю торговлю и осуществлять роль международного торгового посредника между Западом и Востоком: «Мы можем от немцев перевозить товары к туркам, персам, черкесам, калмыкам, бухарцам, китайцам, даурцам, а товары этих народов снова отвозить к немцам, к полякам и к литовцам. Можем построить новые большие торжища, подобные Архангельску: во-первых, на Дону, во-вторых, в Астрахани, в-третьих, у калмыков<sup>184</sup>, а иные меньшие [торжища] — в Путивле, на литовском и на шведском рубежах, в Даурии, в подобных местах на Хвалынском море»<sup>185</sup>. Более того, следствием торговли с Китаем Ю. Крижанич считал установление экономических связей с Индией: «В наше время этот индийско-китайский путь уже хорошо изведен, и торговцы от туда ежегодно приходят в Сибирь»<sup>186</sup>.

В первой половине 70-х годов Ю. Крижанич развил свои мысли о торговле России с Дальним Востоком в несохранившемся «Писемце о китайском торге», которое он из Тобольска отправил в Москву с крупным торговцем Афанасием Андреевичем Осколковым для передачи, по-видимому, кому-то из крупных государственных лиц<sup>187</sup>. Встретившись в Тобольске в 1675 г. с приехавшим туда Н. Спафарием, Ю. Крижанич советовал ему ехать в Пекин именно через Забайкалье. По личным наблюдениям Н. Спафарий уже со своей стороны опреде-

---

<sup>184</sup> Речь идет о Ямышевской ярмарке.

<sup>185</sup> Ю р и й К р и ж а н и ч, Политика, М., 1965, стр. 483.

<sup>186</sup> Там же, стр. 387.

<sup>187</sup> Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, стр. 44—45.

ленно указывал на Забайкалье, и в частности на Селенгинск, откуда наиболее удобно установить постоянный торг с Китаем через Северную Монголию. «Китайское государство недалеко, — писал он, — ...а мунгалы кочуют везде кругом зело много и торгуют с козаками: продают кони и верблюды и скот, также и всякие китайские товары, а покупают у тех соболи и иные многие русские товары»<sup>188</sup>. В своем статейном списке он не менее определенно подчеркивал взаимную заинтересованность русских и монголов в этой торговле: «А в Селенгинском остроге приезжают мунгалыцы на верблюдах со многими китайскими товарами и торгуют и меняют на русские товары, также и служилые селенгинские ходят к ним беспрестанно и торгуют, и по времени мочно завести торг великой, что не по что будет ходить и в Китай»<sup>189</sup>. Чеген-хан обещал даже Н. Спафарию проводить русские караваны до китайских границ, «хоть (бы) трижды в год»<sup>190</sup>. Свое заключение Н. Спафарий мог сделать, только исходя из показаний людей, хорошо знакомых с местной обстановкой. Его прогноз относительно перспектив этого района оправдался в XVIII в., когда основным центром русско-китайской торговли стала Кяхта, стоящая неподалеку от р. Селенги.

Наблюдения Ю. Крижанича и Н. Спафария подтверждаются другими свидетельствами. В 1672 г. в енисейской таможне обратили внимание на резкое изменение направления транспортировки наиболее ценных соболиных шкурок. По подсчетам таможни, в этом году из Восточной Сибири в Китай и «в Бухары» ушло 13 тыс. шкурок (325 сороков), и воевода Енисейска К. А. Яковлев писал в Сибирский приказ о их вздорожании и падении внутрисибирской пушной торговли<sup>191</sup>. К сожалению, неизвестно общее количество соболиных шкурок, поступивших в Енисейск в 1672 г. Если исходить из известных данных за 1673/74 г., то свидетельству енисейских властей можно поверить. В 1673/74 г. в Енисейске в результате сбора таможенной десятинной пошлины было собрано 79 сороков соболей; так как с каждой соболиной шкурки, поступавшей с промысла на рынок, таможня взимала пятую часть ее стоимости (10% — промысловый налог и 10% — налог с продажи меха), то можно заключить, что в Енисейске на рынок поступило около 400 сороков соболей<sup>192</sup>, основ-

<sup>188</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 128.

<sup>189</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария», стр. 338.

<sup>190</sup> Николай Милеску Спафарий, Сибирь и Китай, Кишинев, 1960, стр. 178.

<sup>191</sup> А. И. Копылов, Русские на Енисее в XVII в., Новосибирск, 1965, стр. 243.

<sup>192</sup> В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 226.

ная часть которых, таким образом, вывозилась не на Запад, а на Восток. С другой стороны, в это же время китайские товары становились настолько обычными на рынке в Енисейске, что их поступление туда серьезно влияло на размеры местных таможенных сборов. В 1676 г. енисейский таможенный голова К. Шертомцев, оправдываясь в уменьшении этих сборов, писал: «В прошлом, во 183 году (1674/75) были ис Китайской земли в Енисейске торговые люди с китайскими товары, а во 184 году (1675/76) ис Китайской земли в приезде торговых людей против прошлого 183 году не было, для того тех пошлин и не добрано»<sup>193</sup>. Еще в 1926 г. С. В. Бахрушин ввел в научный оборот интереснейшие сведения об инициативе селенгинского приказчика И. Поршенникова и Гаврилы Романовича Никитина, приказчика гостя Евстафия Филатьева, выехавших в августе 1674 г. из Селенгинска через монгольские степи в Китай. Со свойственной ему образностью С. В. Бахрушин писал: «Это был, кажется, первый русский караван, проникший в Срединную империю и разрушивший легенду о непроходимости монгольских пустынь; в состав его входило человек 40 служилых и торговых людей»<sup>194</sup>. Как ни странно, С. В. Бахрушин, почерпнувший сведения об этом эпизоде из дел Посольского приказа, почему-то не обратил внимания на свидетельство о нем Н. Спафария. В отписке, отправленной из Енисейска 18 июля 1675 г., он писал о встрече там с Г. Никитиным, только что вернувшимся из Пекина через Селенгинск. Рассказ Г. Никитина не оставляет сомнения в том, что эта поездка была для русских торговцев отнюдь не новинкой. «Только торг их был зело некорыстен против *прежнего* (курсив автора. — В. А.), для того, что у китайцев всчалась война с Никанским царством»<sup>195</sup>, — сообщал Н. Спафарий. Поездка Г. Никитина и его спутников была, по всей вероятности, все же успешной. Китайские товары, вывезенные тогда через Селенгинск, составляли  $\frac{9}{10}$  всех таких товаров, доставленных в Тобольск<sup>196</sup>. Можно думать, что эти поступления были результатом поездки Г. Никитина.

Путь в Китай через Северную Монголию был освоен именно русскими, и поездки по нему начались, по-видимому,

<sup>193</sup> Там же, стр. 289.

<sup>194</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 228. (При караване находился переводчик — крещеный китаец, «никанец», принявший русское подданство еще в 50-х годах. См.: «Статейный список посольства Н. Спафария», стр. 194.)

<sup>195</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 170 (Никанское царство — Южный Китай, боровшийся против маньчжурской династии).

<sup>196</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 116.

в самом начале 70-х годов. Н. Спафарий его называл «новым», «ныне сысканным» (ходу восемь недель с вьюками, «как в прошлых годах ходили торговые и служилые люди») <sup>197</sup> и дал его подробное описание <sup>198</sup>.

Косвенным свидетельством частых поездок русских купцов в Китай могут служить упреки маньчжурских сановников, адресованные в Пекине Н. Спафарию: «Все, что были после Байкова с торгом здесь в Китае, Сеиткул и Тарутин и иные, и они сказали, чтоб их отпустили в царство торговать, потому что есть с ними от великого государя грамота. А после того, как пустили их в царство, и у них никаких грамот не было» <sup>199</sup>. Этот упрек относился также и к Г. Никитину и его спутникам; хотя они и говорили, что «сами от себя торгуют», в Пекине их первоначально приняли за послов и удостоили даже аудиенции у богдыхана <sup>200</sup>.

Несмотря на напряженные дипломатические отношения с Китаем, поездки русских купцов через Северную Монголию продолжались и в дальнейшем. В 1678 г. приказчик Селенгинска сын боярский Данила Строганов отпустил в Китай очередной караван, который организовали торговые люди Иван Старцов, важенин Дм. Константинов, Федор Оглоблин, Иван Новосильцев, Степан Голубин, Ларион Кириллов, пинежанин Мосей Галактионов Тнихин, вычегжанин Никифор Онофреев Кузнец и устюжанин Афанасий Константинов <sup>201</sup>.

Крупное купечество и сибирские торговцы не упустили также возможности проехать в Китай вместе с посольством Н. Спафария. В Селенгинске к посольству присоединились приказчик гостя Е. Филатьева Вас. Фомин и бывший енисейский таможенный голова лальский купец Иван Семенов Самойлов. Нерчинский воевода П. Шульгин сообщал о «многих товарах для китайского торга», провезенных в караване Н. Спафария <sup>202</sup>. В виде исключения русское посольство освободило торговцев, следовавших с Н. Спафарием, от таможенного досмотра товаров. В Нерчинске к каравану в качестве конвоя присоединилось 50 казаков, которые также провезли в Китай свои товары <sup>203</sup>. В дальнейшем прибывшие к Н. Спафарию в Пекин казаки также использовали удобный момент и вели в Китае «небольшой торг» <sup>204</sup>. Такой большой

<sup>197</sup> Николай Милеску Спафарий, Сибирь и Китай, стр. 176.

<sup>198</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 128—129.

<sup>199</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария», стр. 235.

<sup>200</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 228.

<sup>201</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 6, лл. 85, 86.

<sup>202</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1081, лл. 1—15; «Статейный список посольства Н. Спафария», стр. 202.

<sup>203</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. II, лл. 284—289.

<sup>204</sup> «Статейный список посольства Н. Спафария», стр. 201.

караван через Нерчинск проходил в Китай впервые, но приграничная торговля в Приамурье, причем непосредственно с китайскими купцами, осуществлялась и ранее.

В 1670 г. в Нерчинск с маньчжурскими посланцами дважды приезжали китайские «торговые люди»<sup>205</sup>. По сообщению Н. Спафария, непосредственные торговые связи с китайцами были установлены в верховьях Аргуни у оз. Далайнор, в пяти днях пути от Нерчинска<sup>206</sup>. В 1680/81 г. приказчик Евстафия Филатьева Борис Пикалев покупал в Нерчинске 18 концов китайки<sup>207</sup>. По всей вероятности, поступали китайские товары и в Албазин, так как китайские торговцы приходили на Зею «на торговщице» с местными жителями<sup>208</sup>.

Экономическое развитие восточносибирских городов и внешнеторговая ориентация русского купечества на международные пути через Забайкалье и Северную Монголию были замечены бухарскими торговцами. В 70—80-х годах, изменяя сложившимся и хорошо им известным маршрутам к Ямыш-озеру, они попытались вступить в конкуренцию с русским купечеством на новых путях. Они стали систематически появляться в восточносибирских городах. Известное значение в посреднической торговле приобрели Красноярск и Иркутск. Бухарские купцы с товарами, главным образом китайского происхождения, появлялись в 70—80-х годах в Красноярске довольно часто. Здесь помимо выстроенного в конце 70-х годов гостиного двора был сооружен между 1683 и 1686 гг. еще особый «бухарский двор». С. В. Бахрушин считал, что Красноярск являлся для бухарских купцов лишь местом временной стоянки на пути в другие сибирские города, в первую очередь в Енисейск<sup>209</sup>. Это наблюдение требует уточнения. Красноярским властям разрешалось отпускать бухарцев в Енисейск, но этим правом они пользовались, по-видимому, лишь тогда, когда на красноярском рынке не было торговцев из других сибирских городов. Красноярский рынок во второй половине XVII в. имел местное значение и мало привлекал приезжий торговый люд. Однако когда в Красноярск приходил крупный бухарский караван, туда немедленно съезжались из Енисейска торговцы с товарами и деньгами. Об этой практике определенно писал в 1688 г. енисейский воевода П. Новосильцев. Особенно крупный бухарский караван при-

<sup>205</sup> В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, М., 1844, ч. II, приложение № 2 (стр. 134—135); Б. Г. Курц, Русско-китайские отношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, стр. 38; «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 157.

<sup>206</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 142—143.

<sup>207</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 233—234.

<sup>208</sup> ДАИ, т. VII, СПб., 1859, № 74/XXIII; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 83—93.

<sup>209</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, IV, М., 1959, стр. 121.

шел в Красноярск в декабре 1685 г. Судя по данным местной таможни, им было продано товаров приблизительно на 1200 руб., а пошлинный сбор с них составил значительную часть всех годовых таможенных поступлений<sup>210</sup>.

В 80-х годах, используя постоянные поездки джунгарских дипломатических представителей в Иркутск, бухарские караваны зачастили и туда. В октябре 1684 г. вместе с джунгарскими дипломатическими представителями Мергень Косючем и Мергень Бааханом в русские пределы из Северной Монголии вошел большой бухарский караван; 15 октября, перевалив хребет Хамар-Дабан, он «из-за камня» подошел к Тункинскому острогу. Местный приказчик С. Могулев тотчас послал отписку иркутскому воеводе Л. Кислянскому о прибытии посольства и каравана и получил инструкцию пропустить приехавших в Иркутск и обеспечить их безопасность в пути; 8 ноября караван остановился под Иркутском, где торговые бухарцы разбили 30 юрт. Их караван насчитывал 170 верблюдов; на 90 верблюдах бухарцы привезли китайские ткани, хлопчатую бумагу, чай, табак, мерлушки. На остальных верблюдах перевозился хозяйственный скраб владельцев товара, сопровождавших их лиц и их семей (всего до 100 человек)<sup>211</sup>. По всей вероятности, в Иркутск бухарцы прибыли впервые, так как местные власти не имели точного представления о порядке таможенного обложения их товаров<sup>212</sup>. Посольство было весьма предупредительно встречено воеводой Л. Кислянским, а торговля, видимо, принесла бухарцам немало выгод, так как в эти годы в Иркутске собиралось много русских торговцев, следовавших в Якутию и в Забайкалье. Ровно через год, в октябре 1685 г., с двумя другими джунгарскими посланцами, Далай-ламой и Номонханом, тем же путем в Иркутск пришли 15 торговых бухарцев с семьями и привели новый караван на 130 верблюдах<sup>213</sup>. Через год, в конце ноября 1686 г., вместе с джунгарским представителем Быкедаганом Таулаем в Иркутск прибыл третий караван, в котором участвовали не только бухарские, но и джунгарские торговцы. Он был еще более многочислен-

<sup>210</sup> Там же, стр. 121—123; В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 289; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1067, лл. 194—207; стлб. 1017, ч. I, лл. 120, 142—143.

<sup>211</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 69, лл. 26, 27; д. 73, лл. 9—11; ДАИ, т. XI, № 87.

<sup>212</sup> Е. М. Залкинд, Бухарский торговый караван в Иркутске, — «Ученые записки Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького», вып. 8, серия историко-филологическая, Омск, 1957, стр. 95, 96; В. А. Александров, Е. В. Чистякова, К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка, стр. 138.

<sup>213</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 84, лл. 15—17.

ным. На 172 верблюдах 11 приехавших торговцев привезли на 2 тыс. руб. (по иркутской оценке) китайских и бухарских «локотных» (текстильных) товаров и 30 своих юрт<sup>214</sup>. Навстречу бухарским караванам в Иркутск в 1686—1687 г. съехалось столько всякого торгового люда, что в городе стало не хватать складских помещений. Наконец, тем же порядком в конце 1687 г. Иркутск посетил четвертый бухарский караван при джунгарском посланнике Гордачее. Вероятно, он был не менее многочисленным. На обратном пути, в первых числах мая 1688 г., этот караван за Тункинским острогом был разграблен проживавшими близ монгольского рубежа и находившимися в русском подданстве тунгусами, бурятами и сойотами. На это происшествие в Сибирском приказе обратили особое внимание, и оно доставило много хлопот находившемуся в Забайкалье Ф. А. Головину, иркутскому воеводе Л. Кислянскому, приказчику Тункинского острога С. Могулеву и начальнику русского конвоя С. Шестакову. Местные русские власти заранее знали о предполагавшемся нападении и пытались его предупредить. Дело заключалось в том, что еще на пути в Иркутск бухарцы брали у ясачных людей лошадей и соболиные шкурки и обещали расплатиться на обратном пути. По-видимому, не желая расплачиваться и надеясь на свои силы, бухарцы у Тункинского острога сознательно отказались от русского конвоя, к которому ясачные люди могли обратиться за помощью. В степи за острогом ясачные люди встретились с бухарцами. После их отказа платить долги они «учинили бой» и разграбили караван. Впоследствии они признавались в убийстве двух бухарцев и угоне 15 верблюдов без товаров<sup>215</sup>. Бухарцы со своей стороны подали русским властям обширную опись убытков<sup>216</sup>. Трудно сказать, насколько эта опись отражает действительные потери бухарцев<sup>217</sup>. Бухарцы уверяли, что они потеряли 12 человек, массу товара, 50 верблюдов и 60 лошадей. Их опись любопытна тем, что она ясно свидетельствует о преимущественных торговых интересах бухарцев: на русском рынке они закупали главным образом меха и выделанные кожи.

В дальнейшем бухарские караваны в Иркутске не появлялись, что объясняется не этим происшествием, весьма обычным для восточных караванных путей того времени, а войной, охватившей Монголию в 1688 г.

<sup>214</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 5, л. 10; д. 96, лл. 45—46.

<sup>215</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 57—61, 74—75; стлб. 1016, лл. 117—120.

<sup>216</sup> Выдержки из этой описи, хранящейся в архиве Института истории АН СССР, опубликованы Е. М. Залкиндом в указанной выше статье «Бухарский торговый караван в Иркутске», стр. 97—100.

<sup>217</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 76—79.

Попытки бухарцев перехватить инициативу на освоенных русским купечеством торговых путях объяснялись прежде всего боязнью конкуренции, для которой у бухарцев были основания. Еще Н. Спафарий из Сибири на пути в Китай писал в Москву, что его посольство «тем бухарским и татарским торговым людям зело нелюбо, для того буде даст бог устроится сей путь (т. е. через Забайкалье. — В. А.) в Китай, тогда весь торг будут промышлять русские люди, а их промысел останется». Более того, как стало тогда же известно Н. Спафарию, бухарцы настраивали маньчжурские власти против русских<sup>218</sup>.

Систематическая торговля в 70—80-х годах происходила непосредственно с Северной Монголией. При всей неурегулированности пограничных отношений с северомонгольскими ханами и тайшами, взаимная экономическая необходимость определяла перспективы русско-монгольских торговых связей. Монголы с торгом ездили в русские пределы и добирались вплоть до Баргузинского острога, русские выезжали в монгольские улусы или вели пограничный торг. Нерчинский воевода в 1677 г. даже посылал служилых людей навстречу приехавшим монгольским торговцам с приглашением везти их меха и китайские товары в Нерчинск<sup>219</sup>. Под Нерчинском на р. Борзе, около соляного озера, к ежегодному летнему приезду нерчинских жителей за солью «мунгалы» пригоняли рогатый скот и овец и меняли их на выделанные кожи, сукна, шкурки песцов и соболей и металлическую посуду<sup>220</sup>. Даурские и нерчинские казаки ежегодно ездили для «всякого торга» к оз. Далайнор<sup>221</sup>. Из Аргунского острога казаки ездили «в Мунгальскую землю для скотной покупки»<sup>222</sup>.

Постоянные торговые связи развивались между монголами и населением Иркутска и забайкальских острогов (Селенгинска и др.). В январе 1682 г. в Селенгинск «с торгом» приезжали монголы от Очирой Саин-хана<sup>223</sup>. Из Иркутска через Тункинский острог русские служилые и торговые люди постоянно ездили в Монголию для «скотинной покупки». В ноябре 1675 г. из «дальних улусов» тайши Цынбена вернулись с купленными лошадьми и верблюдами русские служилые люди<sup>224</sup>. В конце 1681 г. «к крайним мунгальским людям» выехали трое казаков и двое торговых людей (Г. Кибирев, Андрей Ушаков, Андрей Дмитриев и др.)<sup>225</sup>. В августе

<sup>218</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 172.

<sup>219</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 68—69.

<sup>220</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 20—22.

<sup>221</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 142—143.

<sup>222</sup> ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 67/II.

<sup>223</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 56.

<sup>224</sup> «Путешествие через Сибирь... Николая Спафария», стр. 135.

<sup>225</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 74.

1682 г. туда же и с той же целью ездили по крайней мере две партии казаков (среди них — снова Андрей Ушаков)<sup>226</sup>. В январе 1684 г. в улусы Очирой Саин-хана и тайши Цынбена ездили за скотом из Селенгинска служилые люди во главе с Тарасом Афанасьевым<sup>227</sup>. Конечно, таких поездок и случаев пограничного торгового обмена было значительно больше.

В 80-х годах благодаря посредничеству монголов продолжали поступать в Забайкалье и китайские товары. Енисейский воевода князь К. О. Щербатов в 1684 г. сообщал, что в Енисейск перестали поступать шкурки рысей и выдр. Русские торговцы скупали их в Иркутске, Селенгинске, Нерчинске и Албазине по цене, превышавшей даже московскую, и выменивали на китайские ткани<sup>228</sup>. Поступления китайских товаров через Северную Монголию и Селенгинск можно проследить и по тобольским таможенным книгам за 1683/84 и 1686/87 гг.<sup>229</sup>. Даже в 1687/88 г., несмотря на военные действия между русскими войсками и отрядами некоторых монгольских тайшей и ханов в Забайкалье, китайские товары поступали в Селенгинск и Удинск, а также в Нерчинск, где с них было собрано десятой пошлины соответственно 1361 и 1148 руб.<sup>230</sup>. Таким образом, в этом году общая стоимость ввезенных китайских товаров в Забайкалье и Приамурье составляла примерно 25 тыс. руб.

Из Забайкалья, Иркутска, Красноярска китайские товары попадали в Енисейск и далее в центральную часть России. Поступление их было настолько значительно, что, по данным енисейского «списка с ценовых росписей» 1687 г., цены на китайские ткани, имевшиеся на местном рынке в широком ассортименте (камки, лауданы, камки «гайка», китайки «добрые», «средние» и «малые», бархат, атлас гладкий), с 1649 по 1687 г. снизились от 25 до 62%<sup>231</sup>. Русские и иноземные купцы свозили китайские товары из «низовых сибирских городов», т. е. из Восточной Сибири, в Западную Сибирь на Ирбитскую ярмарку<sup>232</sup>.

Итак, предпосылки для развития внешней торговли России с Китаем, Джунгарией, Северной Монголией наиболее активно стали создаваться во второй половине XVII в. Не-

<sup>226</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 35, лл. 60—61; Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 60.

<sup>227</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 63, лл. 37—40; д. 84, лл. 37—38; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, ч. II, лл. 398—408; ДАИ, т. XI, № 21/1.

<sup>228</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, ч. I, лл. 130, 131.

<sup>229</sup> О. Н. Вилков, Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., стр. 116.

<sup>230</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1331, ч. I, лл. 193, 194.

<sup>231</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 254, лл. 43 об. — 45, 88, 89.

<sup>232</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1100, л. 15.

смотря на таможенные льготы для иноземных бухарских купцов, сохранявшиеся в России до начала 90-х годов, российское, и в частности нарождавшееся сибирское купечество в 70—80-х годах оттесняло с отечественных рынков торговых посредников и в процессе хозяйственного освоения Восточной Сибири и собственно Забайкалья и Приамурья уверенно осваивало пути, по которым осуществлялась международная торговля с государствами Центральной Азии и Дальнего Востока. Непосредственные торговые сношения между Россией и этими государствами стимулировались взаимной экономической заинтересованностью. Уже в этот начальный период налаживания внешней торговли в ней стали принимать участие представители крупного столичного купечества (особенно гость Евстафий Филатьев), агенты которых систематически стремились изучать эти пути в их различных вариантах. Именно в этот период сложилась система путей, по которым и в дальнейшем осуществлялась международная торговля России с Центральной Азией.

**Подготовка и начало маньчжурской агрессии (1681—1684 гг.)**

---

С начала 80-х годов XVII в. обстановка в Забайкалье и Приамурье становилась все более тревожной. Установив свое господство в Китае и подавив сопротивление китайского народа, маньчжурская династия стала готовиться к осуществлению широких захватнических планов. Убедившись в твердости русской политики, маньчжурский двор решил пойти на прямой захват Приамурья и Забайкалья, с тем чтобы лишить Россию какого-либо внешнеполитического влияния в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Согласно далеко идущим планам маньчжурского двора, захват восточносибирских, а затем монгольских областей должен был обеспечить ему господство на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. В этот период маньчжуры стремились не обострять отношений с Галданом, но внимательно следили за положением, складывавшимся в монгольских землях. К 1677 г. Галдан сконцентрировал в своих руках всю власть в Джунгарском ханстве. После захвата Восточного Туркестана (1678—1679 гг.) он стал готовиться к созданию объединенного Монгольского государства под эгидой верховного ламы Тибета. Панмонгольская политика Галдана и поддерживавших его некоторых кругов ламаистской церкви неизбежно должна была натолкнуться на противодействие крупнейших халхских феодалов и маньчжурского богдыхана, заинтересованного в свою очередь в захвате всех монгольских земель, и прежде всего Северной Монголии.

Готовясь к агрессии против России, маньчжурские власти столкнулись с большими трудностями. Наступление на Приамурье должно было вестись «по незнакомой и хозяйственно совершенно не освоенной стране, вдалеке от фактических границ империи»<sup>1</sup>. В Маньчжурии к 80-м годам имелось лишь два опорных пункта: Гирин на р. Сунгари (создан в 1674 г.) и Нингута (создана в 1636 г.) на притоке Сунгари

---

<sup>1</sup> Г. В. Мелихов, К истории проникновения маньчжуров в бассейн верхнего Амура в 80-х годах XVII в., стр. 127 (см. также стр. 113—115, 117, 119).

р. Муданьцзян. Богдыхану Кан-си понадобилось примерно два года для создания в северных и северо-восточных районах Маньчжурии тыловых опорных пунктов<sup>2</sup>, прокладки дорог, заготовки провианта и военных запасов, строительства речных судов, изучения местных условий и сбора разведывательных данных. Основной удар маньчжуры решили наносить по Албазину и затем в случае успеха развивать наступление в направлении Нерчинска. Они отлично понимали стратегическое значение Албазина на Амуре — основной водной магистрали всего края. Так, в наиболее раннем собрании китайских исторических материалов об отношениях между Китаем и Россией, «Описании северного района» («Шофан бэйчэн»), говорится: «На северо-восточной окраине у границ с Россией нет более известного места, чем крепость Якса (Албазин). Почти в тысяче ли (500 км) к западу от крепости Якса находится Нерчинск. Эта земля уже вошла в территорию лоча (русских). Более тысячи ли к северу от крепости Якса находится Внешний Хинган. На этом промежутке других крепостей с гарнизонами нет, одна крепость Якса является здесь важным ключевым местом на водных и сухопутных путях сообщения. Правда, здесь еще не учреждено присутствие чиновников и не поставлен гарнизон, но пограничные дозоры доходят сюда каждый год. Для обороны границ это место имеет большое значение, и без подробных сведений о нем обойтись нельзя»<sup>3</sup>. Очень важно отметить, что маньчжуры признавали в этом документе район Албазина русской территорией.

Началу военных действий предшествовал дипломатический нажим маньчжурского двора на русские пограничные власти. Предлогом для него послужило хозяйственное освоение русскими бассейна р. Зеи. В марте 1681 г. к Албазину на р. Войлогу прибыли маньчжурские представители и попросили у высланного им навстречу служилого человека Г. Самойлова объяснения по поводу создания на Зее в устье р. Долонца русского острога и распашки там земли. Маньчжуры утверждали, что острог поставлен на их «рубеже», препятствует их ясачным сборщикам ездить собирать ясак, и предложили прислать русских представителей на р. Наун в Чичагирское село для дальнейших переговоров. Нерчинский воевода Ф. Д. Воейков сообщил в апреле 1681 г. об этом в Москву и одновременно послал на р. Наун казачьего десят-

<sup>2</sup> Из созданных в эти годы укрепленных пунктов в дальнейшем возникли города Айхунь (1683 г.), Мергень (1690 г.), Цицикар (1691 г.) и др.

<sup>3</sup> Хэ Цю-тао, Шофан бэйчэн, т. 2, гл. 14, л. 1. Ян Бинь, автор «Записок об Ивовом Палисаде» («Любянь цзилуе», гл. 14, л. 1), говорит о том же: «Так, более 20 лет возведение крепости в Якса являлось бедствием на границе».

ника Юрия Лабу с переводчиком и конвоем. Лаба был уполномочен заявить, что на Зее в районе русского освоения пограничное размежевание не проводилось, «межа» не положена, местные жители признали русское подданство, платят ясак и поэтому у маньчжуров нет никаких оснований для претензий; если же ставить вопрос о разграничении территории, то речь должна идти о границе по берегам Амура<sup>4</sup>. Переговоры продолжались с 10 июня по 12 августа и не дали положительных результатов. Маньчжурские представители объявили район Зеи «искони» своей землей, категорически потребовали увода русского населения и грозили применить вооруженную силу. Во время переговоров русский представитель заметил активность маньчжурских властей в наунских селах, где переписывалось население, учитывались и заготавливались «хлебные запасы»<sup>5</sup>.

Накануне дипломатического демарша маньчжуров в Нерчинск из Москвы была прислана грамота, по которой Ф. Д. Воейков обязывался составить «чертеж» русских владений на Амуре, Зее и Селемдже и описать имеющиеся там пашенные угодья. Одновременно с отъездом Юрия Лабы в Маньчжурию из Нерчинска на Амур для описания русских владений выехал сын боярский Игнатий Милованов. К концу 1681 г. он закончил объезд Зеи и Селемджи, усилил там систему русских острогов, выбрал место для постройки русского города в устье р. Зеи и описал земли по Амuru до заброшенного даурского «земляного города» Аютуна, расположенного ниже устья Зеи. В феврале 1682 г. И. Милованов прислал из Зейского острога в Нерчинск «чертеж» и отчет о своей деятельности. «Чертеж» Ф. Д. Воейков 22 марта 1682 г. отправил в Москву и в своей «отписке» подробно описал деятельность И. Милованова<sup>6</sup>. Ф. Д. Воейков был сильно обеспокоен маньчжурским требованием уничтожить Долонский острог на Зее. После возвращения Юрия Лабы в Нерчинск, в октябре 1681 г., он приказал срочно усилить укрепления Албазина, жить в нем и в острогах на Зее и Селемдже «с береженьем» и, чтобы избежать провокации, был даже готов оставить Долонский острог пустым<sup>7</sup>. В своей отписке, отправленной, по-видимому, ранней весной 1682 г., Ф. Д. Воейков писал в Москву: «А будет де того острогу с Долонца не сведут, и он, богдокан и китайские воеводы угрожают войною; и я, холоп твой, без твоего великого государя указу

<sup>4</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 9, лл. 1—8; ДАИ, т. VIII, № 104.

<sup>5</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 9, лл. 9—16.

<sup>6</sup> ДАИ, т. VII, № 74/XXIII.

<sup>7</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 9, лл. 17—27.

с Зии реки с усть Долонца речки острогу свесть не смею... и тот острог написан в чертеже у Игнатья Милованова...»<sup>8</sup>.

Весной 1681 г. тревожная обстановка складывалась и в Забайкалье. В мае 1681 г. в Иркутск поступали сообщения из Селенгинска о пограничных набегах отрядов монгольских тайшей<sup>9</sup>. Тогда же жена тунгусского шамана Меней через тунгусов Агазана и Тезеней известила русские власти Тункинского острога, стоявшего на прямой дороге из Монголии в Иркутск, об изменнической деятельности своего мужа. Проведенный сыск подтвердил ее слова. Еще в 1677/78 г. Меней «подвел» отряды Цецен-нойона под Тункинский острог. На этот раз, также действуя, по-видимому, как агент Цецен-нойона, Меней, угрожая своими шаманскими чарами и, что более существенно, приходом монгольского тайши, пытался спровоцировать выступление местного населения и уничтожить Тункинский острог с его гарнизоном<sup>10</sup>. Попытка Меней успеха не имела, более того, местное население помогало проводившемуся сыску. «Перспектива оказаться под властью монгольских ханов для подавляющего большинства бурятского и эвенкийского населения казалась страшной»<sup>11</sup>.

Иркутский воевода И. О. Власов, чтобы выяснить реальность угрозы нападения со стороны халхских феодалов, отправил посольство в Северную Монголию во главе с сыном боярским Василием Турсковым. Послу поручалось потребовать от монгольских «державцев» прекращения набегов в пределы России и возвращения отогнанного скота. Посольство выехало из Селенгинска 2 июня 1681 г. и через десять дней достигло р. Толы, где в устье ее притока Алютая находилась ставка самого Ундур-Гэгэна. К приезду Василия Турскова там собрались Очирой Саин-хан, его брат Шидишири Багатур-хунтайджи и другие феодалы Северной Монголии. Переговоры начались только 21 июля и сразу же подтвердили наихудшие опасения И. О. Власова. Очирой Саин-хан, Ундур-Гэгэн и Шидишири отказались принять русского посла и назначили для переговоров своих представителей. Возглавлявший их зайсан Асаралу выдвинул обвинение в том, что будто бы русские силой завладели их землей, поставили Селенгинск и другие остроги, после чего служилые люди стали ходить в походы на тайшей, «громить» их и укрывать пленных и беглых. Асаралу, ссылаясь на переговоры в Москве посланца Гарма Билюхтуя, утверждал, что будто бы русское правительство согласилось передать под власть монгольских ханов всех бурят, но посланная из Москвы гра-

<sup>8</sup> ДАИ, т. VIII, № 104.

<sup>9</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 18, л. 1.

<sup>10</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 17, лл. 22—28.

<sup>11</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 66.

мота была в Тобольске задержана, а им с сыном боярским Ф. Михалевским прислана другая, совсем иного содержания. Асаралу выразил возмущение тем, что в Нерчинске и Иркутске были приняты вернувшиеся из Монголии буряты, и потребовал передачи всех бурят под власть монгольских феодалов, не дожидаясь ответа из Москвы. Турсков отверг версию о подменной грамоте. Он решительно заявил, что Селенгинск стоит «на краю» русских сибирских земель, построен не как база для военных действий против Северной Монголии, а для охраны этих земель и местного населения и что всех желающих переселиться в русские владения охотно принимают и в дальнейшем не выдают. Представители халхских феодалов вручили В. Турскову грамоту с требованием «вернуть» бурятское население и угрожали начать войну и не возобновлять никаких переговоров до тех пор, пока это требование не будет исполнено. Подчеркивая свое недоверие к русскому послу, Очирой Саин-хан и другие монгольские феодалы отправили вместе с В. Турсковым в Селенгинск своих представителей и поручили им подтвердить там категоричность своих требований<sup>12</sup>. Таким образом, Очирой Саин-хан не только добился принятия большинством халхских феодалов антирусской внешнеполитической программы, но и попытался осенью 1681 г. ее осуществить.

Как русское, так и аборигенное население Забайкалья и Приамурья осознавало опасность враждебных действий со стороны богдыхана Кан-си и Очирой Саин-хана. Еще в июле 1681 г. русское население Албазина просило местные власти усилить укрепления крепости и с тревогой писало: «Все знают от богдойского хана какова добра чают опричь войны и с какими речми на Войлогу речку проезжали богдойские князцы»<sup>13</sup>. В декабре того же года угнанные в Маньчжурию, по видимому еще в 50-х годах, даурские «князцы» Лоскядой (Локсудой) и Таргапча и тунгусские «князцы» Аюси и Каялда прислали нерчинскому воеводе Ф. Д. Воейкову просьбу принять их со всеми улусными людьми (более 400 человек) в русское подданство и выслать им навстречу русские войска для защиты от маньчжуров. Аргументация этого челобитья не оставляла сомнений в планах Кан-си и свидетельствовала об отношении даурского и тунгусского населения Маньчжурии к надвигающимся событиям. «Князцы» сообщали, что жить им стало «немочно», собирается богдыхан угнать их с кочевий «в царство», в глубь Китая, а сам собрал большую силу и всякие запасы, предполагает идти на Зейский острог и поселить там своих «больших людей»<sup>14</sup>. В феврале — мар-

<sup>12</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 18, лл. 1—13.

<sup>13</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 8, л. 28.

<sup>14</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 9, лл. 28—29.

те 1682 г. в Албазин из Маньчжурии поступили также сообщения от даура Илтанея, даурского «сотника» Лопчодоя и других о намерении богдыхана «воевать» нерчинские остроги и Албазин, о постройке речных судов, сборе различных запасов и лошадей для ратных людей. Наступление намечалось на весну 1682 г., первоначально силами монгольской конницы, затем предполагалось движение основных маньчжурских сил на судах по Амуру с запасами и артиллерией<sup>15</sup>.

Маньчжурская ориентация Очирой Саин-хана и его усиливавшаяся зависимость от Кан-си к этому времени были очевидны. В 1681 г. между ними состоялись переговоры, но об их содержании можно только делать предположения. Известно лишь, что Кан-си потребовал от халхских феодалов прекращения торговли с русскими и недопущения их поездок за р. Чикой в Северную Монголию<sup>16</sup>. Трудно также сказать, насколько соответствовали действительности сообщения о совместном выступлении весной 1682 г.

Но даже если действительно была предварительная договоренность о совместном выступлении весной 1682 г., то по каким-то соображениям Очирой Саин-хан сделал попытку выяснить состояние русской обороны в Забайкалье задолго до назначенного момента.

В сентябре 1681 г. небольшие отряды халхских ханов и тайшей начали набеги в Забайкалье от Тункинского острога до Нерчинска. Первыми подверглись нападению окрестности Селенгинска и Удинска. Монгольские и табунутские отряды сторожили дороги, и служилые люди не рисковали выезжать из острогов мелкими отрядами. В конце сентября — начале октября неприятельские отряды захватили под Селенгинском и Удинском 110 голов рогатого скота, табуны лошадей и верблюдов, принадлежавших селенгинским и нерчинским служилым людям, и «похвалялись» сжечь русские остроги и угнать ясачное бурятское население. Но 260 местных служилых, промышленных и гулящих людей из Селенгинска, 70 нерчинских казаков, прибывших в Удинск за хлебными запасами, и присоединившиеся к ним 70 ясачных людей пошли в ответный поход, догнали неприятеля и в бою вернули угнанный скот<sup>17</sup>.

Действия, начатые монгольскими ханами, были крайне непопулярны не только среди попавшего под их власть ясачного населения, ранее обитавшего в пределах России, но и среди рядовых монголов и табунутов. Спасаясь от разорения, еще в августе 1681 г. под Селенгинск пришли 34 табунута, затем

<sup>15</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, лл. 106—110.

<sup>16</sup> И. Я. Златкин, Очерки новой и новейшей истории Монголии, М., 1957, стр. 47.

<sup>17</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 22, лл. 3—4, 7, 16—20.

туда же бежали другие табунутские и монгольские семьи, а под Тункинский острог начали выходить буряты и тунгусы, в 1671 г. ушедшие в Монголию из Прибайкалья. В феврале 1682 г. один такой выходец сообщил, что в ближайшее время следует ожидать еще много таких беглецов. Приказчик Тункинского острога А. Михалев в октябре 1681 г. писал иркутскому воеводе И. О. Власову о беспрестанных просьбах выходцев не выдавать их назад<sup>18</sup>. И. Власов писал в Москву, что только малочисленность русских воинских сил в Забайкалье и слабость их вооружения удерживают многих монголов и табунутов от намерения уйти в пределы России<sup>19</sup>.

В начале ноября 1681 г. монгольские и табунутские отряды усилили свои набеги. 2 ноября под Удинском они отогнали у русских служилых и торговых людей 60 верблюдов, а у итанцинских бурят 120 лошадей. Погнавшийся за ними русский отряд понес потери и вернулся ни с чем. Через 10 дней неприятель воспользовался пургой и попытался угнать скот из Ильинской слободы, но вынужден был бросить захваченную добычу. В первых числах декабря монгольский отряд в 500 человек вновь появился под Селенгинском, захватил скот и в бою нанес потери местным казакам. Через неделю, по-видимому, этот же отряд появился под Ильинской слободой, разграбил юрты бурят и на дороге в Удинск дал бой русскому отряду, вышедшему из Селенгинска<sup>20</sup>.

К январю 1682 г. к Забайкалью подошли, по-видимому, более крупные силы Очирой Саин-хана. Приказчики острогов писали в Иркутск об отсутствии оружия и невозможности вооружить все русское население, о панике среди бурят, которые просили защиты и «не ведают куда деться». В начале декабря высланная из Иркутска разведка «к крайним мунгальским людям» сумела через одного бурята передать в Тункинский острог сведения о движении двухтысячного монгольского отряда от Селенги к Иркутску. То же сообщение поступило от ясачных бурят. Был срочно усилен маленький гарнизон Тункинского острога, находившегося на подступах к Иркутску, где 20 казаков готовились «оберегать со всяким домогательством» ясачных бурят. Однако нападения на Иркутск не последовало; 4 января посланник сохранявшего нейтралитет тайши Ахая проездом в Иркутск известил приказчика Тункинского острога А. Михалева о движении монгольского войска на Селенгинск и гибели там русских деревень. Селенгинский гарнизон отбил осаду, но уберечь от разорения бурят не смог. После отхода неприятеля иркут-

<sup>18</sup> Там же, д. 22, лл. 3—4, 7, 13, 23—24; д. 23, л. 90.

<sup>19</sup> ДАИ, т. VIII, № 106.

<sup>20</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, лл. 54—55, 58—62, 100, 101.

ский воевода И. О. Власов приказал приказчику Итанцинского острога переводить бурят с Еравненской степи ближе к Байкалу.

Тунгусы — чемчагиры и онкоты, находившиеся в монгольском подданстве, осадили Нерчинск. Нерчинские казаки и промышленники, объединившиеся с ясачными людьми Телембинского острога, в свою очередь пошли на них в поход<sup>21</sup>.

В начале 1682 г. монгольские феодалы начали склоняться к мысли о восстановлении мира и их представители начали появляться в русских острогах. Ясачные буряты и тунгусы сохраняли русское подданство и поддерживали русских служилых людей, а рядовые монгольские улусники даже пытались уйти от тягот войны в пределы России. В конце января в Иркутск через Тункинский острог проследовали посланники от Цецен-нойона и тайшей Обоши Ахая и Мерген Ахая, а 15 марта от тайши Кинтасея. Переговоры с ними затянулись до лета. Тайша Кинтасей, по-видимому, действительно стремился к миру. В присланном «листе» он подтверждал свое желание находиться с Россией в дружественных отношениях и вести торговлю. Его посланники передали в Иркутске богатые подарки. Цецен-нойон продолжал вести двойственную политику. Он пытался собрать ясак с бурят, обитавших около Тункинского острога, распространял слухи о своем намерении передать их под власть своего младшего сына и собирал сведения о состоянии русской обороны<sup>22</sup>. В июле 1682 г. были восстановлены отношения с пятью тайшами «кукановыми детьми»<sup>23</sup>. Переговоры с ними были начаты у них в улусах служилым человеком Тарасом Афанасьевым, а «подлинное мирное постановление» было совершено «накрепко» в Селенгинске, куда прибыли монгольские представители<sup>24</sup>. Осенью 1682 г. в Иркутск с дружественным визитом прибыли посланники ряда других монгольских феодалов (Дайчи Косючая и др.). По косвенным данным, можно предположить о заключении какого-то соглашения и с самим Очирой Саинханом. Всего, по данным Н. П. Шастиной, на протяжении 1682—1683 гг. в Иркутск приезжали посланцы от восьми монгольских князей<sup>25</sup>. Временно в Забайкалье наступил мир.

В Приамурье тем временем пока еще было относительно спокойно. Слухи о весеннем наступлении маньчжуров в

<sup>21</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, лл. 74, 78—83; Нерчинская приказная изба, д. 12, лл. 136—138; д. 13, лл. 23, 28—34.

<sup>22</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, лл. 86, 87, 91, 95—97.

<sup>23</sup> Е. М. Залкинд считает их братьями Очирой Саин-хана (см.: Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 73).

<sup>24</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, лл. 49—52, 64—65.

<sup>25</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 63, лл. 137—139; Н. П. Шастиная, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 117.

1682 г. не оправдались, но его угроза оставалась реальной. Русское правительство, получившее к началу 1682 г. известия о требованиях маньчжурского двора и результатах посольства Юрия Лабы, заняло твердую позицию. Указом от 29 января 1682 г. повелевалось «строить города в Дауры и в Селенгинской и в Болбожинской, и Сибирским полком на китайцы думному дворенину Кирилу Осиповичу Хлопову, а с ним велено быть всем Сибирской земли городом всяким служивым людям, конным и пехоте». 26 февраля 1682 г. К. О. Хлопову было пожаловано звание окольного<sup>26</sup>. Уже в мае 1682 г. Ф. Д. Воейков в своей «памяти» приказчику Албазина писал, что «учинилось» ему узнать о посылке из Москвы в Китай «посла». Чтобы не обострять отношений до его прибытия и избежать возможных пограничных столкновений, он отменил ранее им разрешенный уход из Албазина на р. Бурею очередного отряда ясачных сборщиков<sup>27</sup>. Но воеводская «память» была, вероятно, доставлена в Албазин с опозданием, и отряд Г. Фролова (29 служивых людей и 32 промышленника) ушел вниз по Амуру<sup>28</sup>.

Однако посылка К. О. Хлопова не состоялась<sup>29</sup>. Тем не менее какая-то подготовка к переговорам с Китаем в это время в Сибирском приказе велась; 4 сентября 1682 г. было указано «китайским посылкам и приездам и мунгальских и калмыцких владельцев и тайшей послов и посланцев ведать в сем приказе, и Николая Спафария отпустить и приезд и статейный список и книгу описную о Китайском государстве и дела и приезды из Сибири калмыцких и мунгальских послов и посланцев взять (из Посольского приказа. — В. А.) в сей же приказ»<sup>30</sup>.

<sup>26</sup> С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. VII, М., 1962, стр. 312, 313, 317.

<sup>27</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 13, лл. 47—48.

<sup>28</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1084, лл. 166—175.

<sup>29</sup> Семья Хлоповых возвысилась благодаря близости к матери Михаила Федоровича Романова — великой старице Марфе. Сам К. О. Хлопов принадлежал к придворной знати и занимал ряд административных постов. В 1675 г. он воеводствовал в Царицыне, а в 1676—1677 гг. был вторым воеводой в Астрахани. Он был близок к семье Хованских, с которыми в свою очередь был тесно связан судья Сибирского приказа окольный И. И. Чаадаев.

Во время восстания в Москве в мае 1682 г. и в дальнейшей дворцовой борьбе К. О. Хлопов выступил на стороне И. А. Хованского. После гибели Хованского не могло быть и речи о дальнейшей карьере К. О. Хлопова (А. Барсуков, Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, СПб., 1902, стр. 587; Дворцовые разряды, т. III, СПб., 1855, стр. 37, 132, 211, 283, 369, 384, 1400; т. IV, стр. 42, 52, 53, 55, 64, 66, 112, 127, 192, 266, 283, 347, 348, 565, 566; С. К. Богоявленский, Хованщина. Исторические записки, т. 10, 1941, стр. 191, 205; Д. И. Иловайский, История России, т. IV, вып. 2, М., 1899, стр. 29—30).

<sup>30</sup> «Древняя российская вивлиофика», изд. 2, ч. XX, М., 1791, стр. 396.

Тем временем вернувшийся в июле 1682 г. в Нерчинск И. Милованов доложил Ф. Д. Воейкову об уходе казаков из Долонского острога «для того, что о том зимовье говорят безпрестани китайские люди большою ссорою»<sup>31</sup>. Маньчжуры истолковали уход казаков с устья Долонца как уступку со стороны России. Поводом к новым претензиям, как и опасался Ф. Д. Воейков, послужила посылка на р. Бурею отряда Г. Фролова. Маньчжурские представители появились перед Нерчинском и Албазином почти одновременно — 19 и 26 ноября. Ф. Д. Воейкову они передали приглашение прислать на Наун русских представителей для переговоров с приехавшим представителем богдыхана. Ф. Д. Воейков 23 ноября вновь послал на Наун Юрия Лабу, причем наказал ему «подлинно проведать» воинские замыслы маньчжур, но во время переговоров ни в какие споры не вступая и «о государевых делах отповеди ему, Юшку с товарищи давать не велел»<sup>32</sup>. Отчета Ю. А. Лабы не сохранилось, но совершенно очевидно, что посольство было безрезультатным. Об этом можно судить на основании сообщения, полученного 27 декабря Ф. Д. Воейковым из Албазина, куда подошел отряд маньчжурской конницы численностью более тысячи человек. Маньчжурские начальники остановились в казачьей слободе и рассказали албазинскому приказчику Ивану Семенову, что они сопровождали своего богдыхана на охоте на берегах р. Кумара и «между прочим» заехали в Албазин просить о выдаче двух беглых семей из наунских сел. Иван Семенов в этой просьбе отказал и предложил обратиться в Нерчинск к Ф. Д. Воейкову. Маньчжуры не настаивали, сказали, что их представители поехали и туда. В двухчасовом разговоре маньчжуры главным образом допытывались, на каком основании был послан на р. Бурею для сбора ясака Г. Фролов. Кроме того, они очень внимательно рассматривали Албазин. В тот же день маньчжуры ушли вниз по Амуру. Действительные причины их приезда были тогда же разгаданы Семеновым. Он писал в Нерчинск: «И то де знатное дело, что они приезжали в Албазинской острог не для тех беглых мужиков, для осмотра Албазинского острогу и каковы крепости и много ли де в Албазинском есть русских людей»<sup>33</sup>. Мнение Семенова подтверждается маньчжурскими документами о подготовке наступления на Амуре в 80-х годах. В них указывается, что в 1682 г. богдыхан повелел двум маньчжурским вельможам, Лантаню и Пэнчуню, отправиться к русским границам «с уведомлением о себе, что высланы

<sup>31</sup> ДАИ, т. IX, № 104.

<sup>32</sup> ДАИ, т. X, № 67/I.

<sup>33</sup> ДАИ, т. X, № 67/II.

из Пекина для ловли оленей, а сами сухим путем ступайте подле Амура прямо к городу Якса-Хотонь (Албазин. — В. А.), памятуя сколь далек путь ваш будет и какие места там лежат. И, приехав к оному, прилежно осмотрите положение города, загородных мест и все тутошних лочев (русских. — В. А.) состояние»<sup>34</sup>. В представленном в январе 1683 г. богдыхану докладе Лантань признал сложность доставки военного снаряжения к Албазину и рекомендовал для этого использовать только речной путь по Амуру. Он считал необходимым придать войску 20 пушек и был уверен в возможности взять Албазин силами трех тысяч солдат. Кан-си более осторожно отнесся к подготовке наступления и приказал предварительно поставить на Амуре на относительно недалеко от Албазина расстоянии две крепости, снабдить их артиллерией и создать около них пашни для обеспечения войска местным хлебом<sup>35</sup>. В январе 1683 г. Кан-си приказал войскам двигаться из Гирина и Нингуты к Амуру и укрепиться на его берегах в крепостях Айхунь и Хумар. Командующие войсками съехались на совет в Нингуту, а к пристаням на р. Сунгари начали стягиваться военные запасы и артиллерия. Таким образом, после длительной подготовки маньчжурские войска были готовы к началу наступления лишь к весне 1683 г.

Беглецы с Науна, а также монголы, кочевавшие за Аргунью, сообщали русским властям в конце 1682 и начале 1683 г. о намерении маньчжуров открыть военные действия весной 1683 г.<sup>36</sup>. Однако они начались несколько позже, во второй половине июля 1683 г. В первую очередь Кан-си поставил целью захват русских острогов на Зее и Селемдже, полное вытеснение оттуда русских отрядов и создание недалеко от Албазина базы, необходимой для его осады.

Маньчжурское наступление застало русские вооруженные силы в Приамурье слабо подготовленными к обороне, хотя воеводы Иркутска и Нерчинска почти в каждой отписке в Москву обращали внимание правительства на слабость имевшихся в их распоряжении ратных сил. Местная русская администрация из-за «малолюдства» служилых людей и слабости вооружения не могла осуществить каких-либо серьезных оборонительных мер. На протяжении ряда лет русские гарни-

<sup>34</sup> Ю. Бартенев, Герои Албазина и Даурской земли, — «Русский Архив», 1899, кн. 2, М., 1899, стр. 329; Г. В. Мелихов, К истории проникновения маньчжуров в бассейн верхнего Амура в 80-х годах XVII в., стр. 120, 121.

<sup>35</sup> Ю. Бартенев, Герои Албазина и Даурской земли, стр. 330—331; Г. В. Мелихов, К истории проникновения маньчжуров в бассейн верхнего Амура в 80-х годах XVII в., стр. 121—123.

<sup>36</sup> ДАИ, т. X, № 67/11.

зоны за Байкалом не пополнялись. Правда, по указу 23 мая 1679 г. енисейский и илимский воеводы обязывались в случае опасности поддержать Селенгинск и нерчинские остроги, но, поскольку воеводы Енисейска и Илимска сами не располагали значительными силами, эта мера не была осуществлена<sup>37</sup>. Их помощь ограничилась лишь тем, что в 1679 г. в Албазин было доставлено 250 пищалей и 30 пудов пороха и свинца, а в 1680—1682 гг. в Селенгинск было прислано 2 медные пушки да в Иркутск выслано 30 пудов пороха и свинца, 50 пищалей и 2 медные пушки<sup>38</sup>. К началу военных действий слабость русской обороны усугублялась разбросанностью служилых людей по различным острогам. С 1682 г. до лета 1683 г. на Зею, Селемджу и Бурею было разослано 67 казаков (отряды Мокрошубова, Мыльника и др.) и в Албазине оставалось немногим более сотни защитников. В Нерчинске летом 1683 г. в распоряжении воеводы было лишь 46 казаков, остальные 150 находились в разных посылках<sup>39</sup>.

Первый удар маньчжурские войска нанесли по русским острогам на северных притоках Амура. Отряд А. Мокрошубова (21 человек), вышедший в июне 1683 г. из Албазина в Селемджинский острог, прошел по Амуру и к сентябрю добрался до места назначения. Так же благополучно дошел до Верхозейского острога другой отряд в 23 человека. Третий отряд, вышедший из Албазина 17 июля под командой Григория Степанова Мыльника, чтобы сменить на Бурее отряд Г. Фролова, постигла тяжелая судьба. В его составе было 20 служилых и 46 промышленных людей (по другим данным, всего 73 человека). Отряд проплыл устье Зеи и 28 июля, обогнув речной мыс, неожиданно столкнулся с огромной маньчжурской флотилией; командовавший ею Лантань двигался от р. Сунгари по Амуру к устью Зеи, где по указу Кан-си должен был заложить крепость. Г. Мыльнику не оставалось ничего другого, как пристать к берегу. Маньчжурские суда (бусы) стали полукругом около русских дощаников и бросили якоря. Перевес сил был подавляющим. На следующий день маньчжуры пригласили к Лантаню командира русского отряда «хлеба есть» и объявили Г. Мыльника и сопровождавших его 11 человек военнопленными. Маньчжурский военачальник согласился только отпустить под своим конвоем на русские суда казака Афанасия Байташников. Он сообщил там о пленении отряда и успел тайно передать, чтобы все

<sup>37</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 158—164.

<sup>38</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, л. 31; Иркутская приказная изба, д. 23, л. 30; д. 43, лл. 14—16, 173.

<sup>39</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 819, лл. 21—30, 60—90; ДАИ, т. VIII, № 31; т. X, № 67/I, III (стр. 229, 235).

«промышляли куда кому ближе». Большая часть отряда попала в плен сразу; 23 человека бросились с судов на берег, «в гору», и, избежав погони, направились в Селемджинский острог; другие попытались вдоль берега вернуться в Албазин. Маньчжуры высадили на берег кавалерийский отряд и захватили несколько человек, но семи промышленным людям и трем казакам, бежавшим чуть позже с каравана, уже «из-за караула», удалось к 10 августа добраться до Албазина. Они сообщили, что неприятельская флотилия, по словам самих маньчжуров, состоит из 567 бус и следует с 15-тысячной армией, артиллерией и трехгодичным запасом провианта «войной» на Албазин; одновременно конная армия будто бы той же численности наступает на Нерчинск<sup>40</sup>. По наблюдению самих казаков, на флотилии, насчитывающей до 300 грузовых судов с различным снаряжением, провиантом и артиллерией, находилось до 10 тыс. войска при 300 больших и малых пушках. К 20 августа известия о движении и составе маньчжурского войска достигли Нерчинска, к середине сентября — Иркутска, а в начале октября — Енисейска<sup>41</sup>. Иркутский воевода И. О. Власов оповестил других сибирских воевод о начале маньчжурского наступления и, по видимому допуская возможность падения Нерчинска, наказывал приказчикам Удинска и Селенгинска беречься днем и ночью, высылать разведку и «всяким домогательством» проводить у монгольской границы вести о намерениях монгольских тайшей и о событиях в Приамурье<sup>42</sup>. В сентябре в Нерчинск от приказчика Телембинского острога Н. Логинова поступили тревожные вести: ясачные тунгусы говорили о намерении тайшей совершить набег на Телембинский, Еравненский и Иргенский остроги<sup>43</sup>.

Однако маньчжурское командование не торопилось развивать наступление. Больше всего оно заботилось об обеспечении своих коммуникаций и укреплении опорных пунктов. В конце ноября из Нерчинска поступило в Иркутск сообщение, что маньчжурская армия остановилась в устье Зеи и на берегу Амура начала сооружать укрепления; конная армия, по данным, полученным из Аргунского острога от ясачных тунгусов, также прекратила наступление и ушла от Далай-озера (Далайнор)<sup>44</sup>.

<sup>40</sup> Позднее выяснилось, что численность этой армии была сильно преувеличена.

<sup>41</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 92, л. 360; стлб. 913, ч. II, лл. 352, 353; стлб. 973, л. 35; стлб. 1355, ч. I, лл. 167—189; ч. II, лл. 260—265, 276—283; Иркутская приказная изба, д. 43, лл. 26—40; ДАИ, т. X, № 67/III—IV; т. XI, № 24/I.

<sup>42</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 33, лл. 27—29, 39—40.

<sup>43</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 14, лл. 14—19.

<sup>44</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 43, лл. 41—48.

За лето и осень 1683 г. маньчжурские войска создали в устье Зеи укрепленный лагерь. В то же время вверх по Зее был отправлен на 25 бусах сильный маньчжурский отряд в 500—600 человек<sup>45</sup>. Русские отряды служилых и промышленных людей осенью и зимой 1683/84 г. с большими потерями пробивались с Зеи, Селемджи и Буреи на север, к побережью Охотского моря, и через Удский острог уходили далее на Якутск. Уцелевшие из отряда Г. Мыльника казаки и промышленные люди добрались до Селемджинского острога и вскоре двинулись далее в Удский острог. Отряды маньчжуров несколько раз появлялись в окрестностях Селемджинского острога, и А. Мокрошубов с 26 казаками в середине ноября 1683 г. покинул острог и также начал отступление к Удскому острогу; добрались туда лишь 11 человек<sup>46</sup>. В октябре 1683 г. отряд Г. Фролова, находившийся на р. Амгуни, «послыша и узнав допряма» о невозможности вернуться в Албазин, начал отход к Якутску через Тугурский и Удский остроги; пришло туда меньше половины отряда — 27 человек<sup>47</sup>. Попытка известить об опасности Верхозейский острог не удалась. Острог продержался до февраля 1684 г., когда 400 неприятельских солдат взяли в плен всех его защитников<sup>48</sup>. Таким образом, маньчжурские войска к началу 1684 г. уничтожили в районе северных притоков Амура русские остроги, после чего покинули его. Ими было захвачено в плен около сотни казаков и промышленных людей<sup>49</sup>.

От пленных маньчжуры «проведали» слух о посылке в Приамурье К. О. Хлопова с ратными людьми. Быть может, под влиянием именно этого известия богдыханский двор в октябре 1683 г. решил поставить в известность русские власти в Албазине о целях своего военного выступления. В конце ноября в Албазин вернулись плененные с Г. Мыльником промышленные люди Михаил Яшиных и Иван Енисеец. Они привезли из Пекина грамоту богдыхана с ее переводом, адресованную «приказному человеку» Албазина, и рассказали про построенную в устье Зеи крепость: «А сделан де тот город землей, кладен из дерну, а вышиною в сажень, да возле того города выкопан ров, вышиною в сажень же, и возле того рву, с полевой стороны, бит чеснок вышиною ниже пояса, а в ширину де того чесноку аршина в три». Привезенную грамоту приказчик Албазина Иван Войлочников при-

<sup>45</sup> ДАИ, т. X, № 67/IV.

<sup>46</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. II, лл. 276—283; Иркутская приказная изба, д. 69, лл. 1—6; ДАИ, т. XI, № 79/1—II.

<sup>47</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1084, лл. 166—175; ДАИ, т. XII, № 8.

<sup>48</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 23—27, 45—50.

<sup>49</sup> Там же, л. 37.

казал прочитать всему населению. Она содержала требование уйти с «богдыхановой» земли и выдать Гантимура, а также извещение о «пожаловании» всех сдавшихся в плен с Г. Мыльником и всех пожелавших перейти под власть богдыхана. Грамота кончалась угрозой: «Буде того не разумеете, и на моем рубеже станете жить, и в те поры вы ни небом, ни землею не закроетесь и убить вас не жалею». Однако желанного впечатления Кан-си не достиг. В Албазине «всяких де чинов люди говорили: не к чему де тому прелесному писму верить... ради за великих государей умереть, а острог де они не покинут. А о том де они всяких чинов люди тужили, что де в Албазинском остроге в государеве казне пороху, и свинцу, и оружия, и пушек скудно»<sup>50</sup>. И. Войлочников отправил грамоту в Москву, но, поскольку она была адресована лишь «приказному человеку в Албазине», русское правительство не могло ее считать официальным дипломатическим документом.

К 1684 г. положение русских вооруженных сил в Забайкалье и Приамурье становилось крайне трудным. Местные людские и материальные ресурсы оказывались недостаточными для длительной обороны.

Перед русским правительством в начале 80-х годов стояли сложные внешнеполитические задачи. Только в 1681 г. был заключен Бахчисарайский мир с Турцией; с Речью Посполитой велись долгие и трудные переговоры о заключении «вечного мира» и о присоединении к военному антитурецкому союзу, который в 1684 г. создали Речь Посполитая, Империя Габсбургов, Венеция и Папа Римский. Занятое этими проблемами, правительство далеко не сразу оценило опасность и возможные последствия маньчжурской агрессии. Тем не менее к 1683 г. оно отказалось от мысли о переговорах с Пекином. В начале 1683 г. была изменена структура управления Восточной Сибирью. Все восточносибирские уезды — Якутский, Иркутский, Илимский, Нерчинский и выделенный из него Албазинский — объединялись в Енисейский разряд и отдавались в ведение енисейского воеводы, которым был назначен крупный администратор того времени князь К. О. Щербатов. В указе по поводу его назначения подчеркивалась именно военно-оборонительная цель перестройки управления: «А велено ему Селенгинской и все Байкаловские и Даурские остроги и иные города и остроги, которые мочно, оберегать»<sup>51</sup>. Выделение Албазина из состава Нерчин-

<sup>50</sup> ДАИ, т. X, № 67/V; т. XI, № 24/I; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 43, лл. 115—119; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 37—39.

<sup>51</sup> АИ, т. V, СПб., 1842, № 114/I.

ского уезда и образование отдельного Албазинского уезда, охватывавшего территорию собственно Приамурья, было демонстративно политическим актом, которым правительство подчеркивало незыблемость присутствия на Амуре русской администрации, по своим правам ничем не уступавшей воеводам других сибирских уездов. Однако только в самом конце 1683 г. правительство приняло сильно запоздавшее решение об усилении обороны Забайкалья и Приамурья. Оно последовало после получения крайне тревожных отписок Ф. Д. Воейкова за 1682 год. Принимая это решение, правительство еще не знало о начале маньчжурского наступления летом 1683 г. Таким образом, серьезные меры по организации обороны были приняты спустя несколько месяцев после начала маньчжурского наступления. В январе 1684 г. тобольскому воеводе князю А. А. Голицыну было приказано набрать в городах и уездах Западной Сибири 500 «охочих» людей из местных служилых людей и их родственников и отправить их весной по первой воде в Енисейск в полк К. О. Щербатова. Однако 9 января 1684 г. в Москву дошло известие о событиях на Амуре и наступлении маньчжурской армии на Албазин и Нерчинск. Поэтому А. А. Голицыну 20 февраля было указано отправить в Енисейск 600 человек, а К. О. Щербатову — в дополнение к ним набрать в восточносибирских уездах еще 400 человек и отправить их всех за Байкал<sup>52</sup>.

С этого момента сибирская администрация с большой энергией попыталась наверстать упущенное время. Переписка воевод между собой, их отписки в Москву, грамоты, посылавшиеся Сибирским приказом воеводам, сообщения приказчиков отдельных острогов свидетельствуют о том, что основная трудность организации обороны заключалась в преодолении сибирских пространств. Людские пополнения, провиант, транспортные средства (речные суда и подводы), отчасти вооружение давала Сибирь. Литье медных пушек было налажено в Тобольске и Енисейске. Из европейской части страны на протяжении 1684 г. поступала значительная часть вооружения, денежные средства и немногочисленные опытные офицерские кадры.

После назначения К. О. Щербатова воеводой в Енисейск на протяжении второй половины 1683 — первой половины 1684 г. последовала смена высшего административного состава управления восточносибирских уездов. В Албазин отбыл из Москвы А. Л. Толбузин, хорошо знакомый с Приамурьем. В Илимск был направлен воеводой стольник

---

<sup>52</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, ч. II, лл. 352—357; АИ, т. V, № 114/I—II; ДАИ, т. X, № 67/VI—VII.

И. А. Змеев, в Якутск — опытный военачальник воевода М. О. Кровков. Письменный голова Л. Кислянский, зарекомендовавший себя энергичным помощником воеводы в Енисейске, в октябре 1683 г. выехал на воеводство в Иркутск; И. О. Власов в феврале 1684 г. сдал ему дела по Иркутску и выехал в Нерчинск вместо отозванного оттуда Ф. Д. Воейкова. Сын боярский И. Поршенников, ведавший Селенгинским острогом еще в 70-х годах, из Енисейска вновь был переведен туда приказчиком. Баргузинский и другие мелкие забайкальские остроги были поручены сыну боярскому И. Перфильеву<sup>53</sup>.

В феврале 1684 г. И. Поршенников прибыл в Селенгинск и приступил к постройке нового острога вместо обветшавшего старого. Острог общей протяженностью в 120 саженей возводился с рублеными стенами в 2,5 сажени высотой, с «тарасами» и верхним и нижним «боем». А. Л. Толбузин добрался до Албазина к 18 мая 1684 г. и также начал усиливать укрепления крепости и углублять ров. Оборонительные работы осенью 1684 г. проводились и в районе Тункинского острога. По приказу Л. Кислянского там сооружались засеки, чтобы затруднить монгольским отрядам набеги в район Иркутска<sup>54</sup>.

Сибирские воеводы сообщали в Москву о возможности набора промышленных и гулящих людей для пополнения восточносибирских гарнизонов. В 1683 г. из Тобольска были посланы в Иркутск, Селенгинск, Нерчинск и Албазин партии вооружения (2 пушки с ядрами, 50 пищалей, около 110 пудов пороха и свинца)<sup>55</sup>. В середине июня 1684 г. из Енисейска в Иркутск на помощь даурским гарнизонам ушел первый отряд казаков в 82 человека. Под его охраной туда же направлялась очередная партия вооружения (3 пушки, 3 затинных пищали, 200 ручных пищалей и 2000 кремней к ним, около 115 пудов пороха и свинца). По Забайкалью от Удинска обозу с оружием предписывалось следовать с большой осторожностью, «смотря по воинским вестям», с передним и задним «ертаулом» (охранением) по наиболее безопасным дорогам. К августу 1684 г. это вооружение было доставлено в Иркутск и отправлено дальше через Байкал. В Удинск его довели только к 21 сентября. К этому времени отряд казаков, при-

<sup>53</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, ч. II, лл. 95, 96, 356—361; стлб. 1355, ч. I, лл. 149—155; ДАИ, т. X, № 67/VIII; А. Барсуков, Список городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, стр. 3, 83, 84, 147—148, 205, 283.

<sup>54</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, ч. II, л. 381; стлб. 1045, лл. 6—20; Иркутская приказная изба, д. 78, л. 1; ДАИ, т. XI, № 55.

<sup>55</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, лл. 398—400; Иркутская приказная изба, д. 23, лл. 30, 31; д. 43, лл. 14—16; д. 67, л. 1.

сланный туда из Нерчинска за хлебными запасами, уже ушел на восток; селенгинский приказчик И. Поршенников не смог обеспечить необходимое количество подвод, и перевозку «воинской казны» дальше пришлось отложить до весны 1685 г.

По расчетам К. О. Щербатова и тобольского воеводы П. С. Прозоровского, к 1685 г. в Иркутске и за Байкалом должно было находиться очень ограниченное количество вооружения: в Иркутске — 2 пушки, 56 ручных пищалей, примерно 43 пуда пороха и свинца, в Селенгинске — 4 пушки, пищаль затинная, 104 ручные пищали, 42 пуда пороха и свинца, в Нерчинске и других забайкальских острогах — 5 пушек, 2 пищали затинных, 225 ручных пищалей, 152 пуда пороха и свинца, в Албазине — 3 пушки, 4 пищали затинных, 100 пищалей ручных, около 70 пудов пороха и свинца<sup>56</sup>.

Основная часть подкреплений — 600 казаков, собранных к весне 1684 г. в Тобольске, Тюмени, Верхотурье и Туринске, выступила из Тобольска в поход 24 мая. К этому же времени сотник П. Путилов и гранатчик Г. Фомин успели доставить из Москвы в Тобольск 500 ручных пищалей, 500 ручных гранат, 1000 бердышей, 10 знамен и пушку с пудовыми ядрами. Из арсенала Тобольска было выдано 200 пудов пороха и свинца и 10 полковых пушек. Казаки, двигаясь отдельными отрядами по Иртышу, Оби и Кети на дощаниках и стругах, достигли к началу августа Маковского волока. Перевозка вооружения через тяжелый болотистый волок на подводах, высланных из Енисейска, заняла много времени. Только в начале сентября служилые люди, над которыми в Енисейске принял командование казачий голова А. Бейтон, со всем вооружением и полученным провиантом ушли на 13 дощаниках и 13 больших лодках по Енисею и Ангаре к Илимску. За короткую сибирскую осень преодолеть этот участок пути они не успели, были затерты льдами на Ангаре в устье Пинчуги и «поволоклись» далее на нартах. В ноябре 1684 г. илимскому воеводе И. А. Змееву пришлось спасать их от голода и стужи. Местные крестьяне на своих подводах, с трудом «просекаясь» по Ангаре, доставили казаков в Илимск. В январе 1685 г. А. Бейтон повел их дальше. Артиллерию, значительную часть пороха, свинца и другого снаряжения пришлось до лета оставить на Ангаре<sup>57</sup>. В дополнение к этим подкреплениям К. О. Щербатов приказал набрать 350 человек в Ир-

<sup>56</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, лл. 352—357, 383—397, 409—413; стлб. 974, ч. I, лл. 166—170; стлб. 1355, ч. II, лл. 320—322, 338; Иркутская приказная изба, д. 38, лл. 75—83; д. 62а, л. 27; д. 63, лл. 231, 242, 243; д. 67, лл. 3—4; д. 69, л. 14; д. 73, л. 2.

<sup>57</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, лл. 352—357; стлб. 973, лл. 122—128; стлб. 1355, ч. I, лл. 112—140, 156, 167—189; ч. II, лл. 190—206, 268, 269, 309—310, 342—352; стлб. 1589, лл. 231, 232; Иркутская приказная изба, д. 80, лл. 3—4; АИ, т. V, № 114/III; ДАИ, т. X, № 67/VI—VII.

кутске, Селенгинске, Нерчинске и Албазине<sup>58</sup>. К 1685 г. Л. Кислянский скомплектовал в Иркутске отряд в 40 человек, который был усилен местными крестьянами и послан с воинскими запасами в Тункинский острог<sup>59</sup>.

Однако К. О. Щербатов считал принятые меры недостаточными. По его мнению, служилые люди в сибирских острогах «ратного ученья не умеют, а учить некому, а новоприборные... люди из гулящих людей и из иных чинов и те и за пищали принята не умеют»<sup>60</sup>. Кроме того, поступали тревожные вести о намерении ярого врага России киргизского «князца» Ереняка «итти войной» на Томск, Красноярск и Енисейск. Все это заставило К. О. Щербатова в отправленном Сибирскому приказу докладе о состоянии обороны Восточной Сибири настоятельно просить о присылке из Москвы 700 «ученых» стрельцов или солдат с начальными людьми. Из этих стрельцов 200 человек он рассчитывал оставить в Енисейске, 150 отправить в Иркутск, 150 — в Селенгинск и Удинск, а остальных распределить по более мелким прибайкальским острогам, где от них местные служилые люди ратное учение «примут». Только при этом условии воевода считал возможным отстоять русские границы и обеспечить безопасность сибирского населения<sup>61</sup>. Даурский сын боярский И. Милованов, приехавший в Москву в феврале 1685 г., в свою очередь утверждал в Сибирском приказе, что для обороны Даурии нужно прислать из сибирских городов 2—3 тысячи человек<sup>62</sup>.

Правительство в ноябре 1684 г. отклонило просьбу К. О. Щербатова. Вести войну было решено за счет людских ресурсов Сибири. Правительство указало отправить в Сибирь для обучения новых пополнений опытных офицеров «иноземного строя» и усилить доставку вооружения<sup>63</sup>. В марте 1685 г. из Москвы в Тобольск прибыл полковник Антон Смаленберг и 9 других офицеров, а в Енисейск — 20 опытных пушкарей. Тогда же в Тобольск прибыла крупная партия оружия и боеприпасов. В мае и июле 1685 г. из Тобольска на восток было послано 500 пудов пороха и свинца, 10 пушек и 500 ядер<sup>64</sup>. Энергичное, хотя и запоздавшее уси-

<sup>58</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 15, лл. 21—23.

<sup>59</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 77, л. 4; д. 78, лл. 21—23.

<sup>60</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, ч. II, л. 393.

<sup>61</sup> Там же, лл. 341—343, 383—397; стлб. 1355, ч. I, л. 156.

<sup>62</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 112—140.

<sup>63</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, ч. II, лл. 465—466.

<sup>64</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. II, лл. 232—233, 266—267, 319, 327—328. Решение правительства вести войну силами сибирского населения некоторые историки ошибочно трактовали как отказ от защиты Приамурья. Так, П. Т. Яковлева писала: «Подсчитав свои силы и средства, русское правительство пришло к выводу о невозможности вести войну

ление обороны свидетельствовало о явном нежелании русского правительства поступаться Восточной Сибирью, население которой вошло в состав России.

Одновременно с подготовкой к отражению дальнейшего маньчжурского наступления правительство принимало меры для создания более благоприятных политических условий на Дальнем Востоке. Сибирские власти в 1684 г. попытались добиться нейтралитета воинствующей группировки Очирой Саин-хана в Северной Монголии, а Сибирский приказ стремился определить политику по отношению к Галдану, отвечавшую общим задачам, возникшим перед Россией на Дальнем Востоке.

В феврале 1684 г. в Селенгинск поступили важные сведения о маньчжуро-монгольских переговорах и положении в Северной Монголии. Ездивший в улус тайши Цынбена толмач Тарас Афанасьев узнал от одного приближенного тайши, что маньчжуры послали в Приамурье многочисленные войска «очищать свои земли» и собирают им на помощь подкрепления. Далее, этот же приближенный рассказал об отъезде в Пекин по приглашению Кан-си представителей северомонгольских феодалов для новых переговоров о совместных действиях против русских, о нежелании ханов и тайшей быть в том «совете» с богдыханом и воевать с Россией и разговорах о том же «втайне» среди многих рядовых монголов. Несколько позднее русским властям стало известно о приезде к Очирой Саин-хану, Ундур-Гэгэну и Багатур-хунтайджи посланцев Кан-си с предложением пропустить его войска через Северную Монголию к Селенгинску и Иркутску, о чем халхские феодалы начали «думу думать». «Богдойская сила» была сконцентрирована около р. Аргуни и готова к походу<sup>65</sup>.

Сообщение Т. Афанасьева соответствовало действительности. Между Очирой Саин-ханом и Багатур-хунтайджи, с одной стороны, и Ундур-Гэгэном — с другой, продолжались споры о политике по отношению к России. После неудачного выступления в конце 1681—начале 1682 г. миролюбивая позиция Ундур-Гэгэна, по всей вероятности, находила среди халхских феодалов больше сторонников, а воинственная группировка Очирой Саин-хана в свою очередь более осторожно взвешивала свои возможности. Ундур-Гэгэн в разговоре с Т. Афанасьевым даже пытался выяснить возможность посылки своего посольства в Москву. Безусловно, этот наиболее дальновидный монгольский политик трезво оценивал выгоды дружественных отношений с Россией.

за Даурию» (П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 121).

<sup>65</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, лл. 398—408; Иркутская приказная изба, д. 62а, л. 17; д. 63, лл. 37—40; ДАИ, т. XI, № 21/1.

Халхские феодалы сочли для себя более безопасным воздержаться от допуска «союзных» маньчжурских войск на территорию Северной Монголии, но возможность такого допуска Очирой Саин-хан использовал для очередного дипломатического нажима. В середине апреля 1684 г. его посланцы прибыли в Селенгинск и предъявили И. Поршенникову ультиматум. Они сообщили о наступлении «большой богдойской силы» с артиллерией от верховий р. Онона на Нерчинск, о согласии Очирой Саин-хана быть «заодно» с Кан-си и поставили следующий вопрос: «Отдадите ли вы тех брацких людей или не отдадите? а про те де брацкие люди спрашивает у Саин Очирой хана богдохан: чьи де те брацкие люди, ваши или не ваши? и уметь бы де нам что богдойскому хану сказать». Ставя этот вопрос, ханский посол имел в виду бурятское население не только Забайкалья, но и Прибайкалья. Свое дипломатическое представление он заключил угрозой: «А буде де вы тех ясачных брацких людей не отдадите Саин Очирой хану, и прежде де наше послованье не в послованье и мирное де поставленье не в мир, а вам бы де на нашей земли не жить и острогу вашему не стоять»<sup>66</sup>.

Спустя месяц Очирой Саин-хан вновь предпринял дипломатический маневр, но несколько с иных позиций. Отписка И. Поршенникова о посещении Селенгинска послом Очирой Саин-хана была получена иркутским воеводой Д. Кислянским 10 мая. В тот же день Л. Кислянский отправил гонца с сообщением об этом в Енисейск К. О. Щербатову. Через четыре дня, 14 мая, от приказчика Тункинского острога Е. Могулева в Иркутск поступило сообщение о прибытии представителей монгольского хана во главе с Серенчином Зорикту.

Серенчин Зорикту объяснил свой приезд поручением Очирой Саин-хана «словесно» сообщить о наступлении маньчжурского войска «по всем верхним острогам и до Енисейска», узнать ответ царя на их запрос о выдаче западных бурят, предложить русским властям установить систему двоеданства над тункинскими бурятами и просить содействия в развитии торговли. На этот раз монгольские посланцы не только не афишировали свой союз с Кан-си, но даже подчеркнули, что с маньчжурами Очирой Саин-хан не списывался<sup>67</sup>.

Л. Кислянский устроил 21 мая в Иркутске нарочито торжественный прием посольства. Церемония встречи была копией в миниатюре московских дипломатических приемов. От Мельничного луга за Ангарой, где остановилось посольство,

<sup>66</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 158—164; Иркутская приказная изба, д. 63, лл. 60, 69—72; д. 67, л. 1; ДАИ, т. X, № 67/VIII.

<sup>67</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 38, л. 44; д. 60, лл. 44—45, 47—55; ДАИ, т. X, № 67/X.

Серенчин Зорикту с двумя своими людьми и тремя сопровождавшими казаками следовал верхом на лошади до Ангары, где около переправы на якорях были поставлены два дощаника с пушками. Переправившись через Ангару на лодке к верхнему посаду, посланник и сопровождавшие его лица следовали пешком до посольской избы по улице, по обеим сторонам которой было выстроено со знаменами и барабанами 336 служилых, посадских, промышленных и гулящих людей в «цветном» платье с пиками и пищалями и 60 кавалеристов. На площади перед посольской избы была выставлена артиллерия. Крыльцо посольской избы и ее внутреннее помещение были обиты красным и зеленым сукном, столы покрыты коврами, лавки — полами. Посланника торжественно встретили в сенях и провели к Л. Кислянскому, которого окружали служилые и приказные люди и находившиеся в тот момент в Иркутске крупные торговцы — купец гостинной сотни А. Ушаков, А. Бобровский и др. Л. Кислянский поблагодарил посланника за вести о маньчжурском наступлении, напомнил ему о победе русского отряда над многочисленными маньчжурскими войсками под Комарским острогом в 1655 г. и, высказав твердую уверенность в непобедимости русских войск и могуществе царя, перечислил многие «государства, княжества и орды», покорные великому государю. Посланник поведал о своем намерении собирать, правда с ведома Л. Кислянского, ясак с бурят. Воевода ответил, что «невозможно то и умом подумать», и пригрозил впредь сажать в тюрьму всех нарушителей границ. В заключение приема посланника потчевали вином, снабдили обильным «кормом» и торжественно проводили. Подарки посланника — камку — Л. Кислянский вернул и просил передать ему, что он «жалованьем пожалован и ничем не скуден, а вы де видать, люди небогатые»<sup>68</sup>.

Вежливый, торжественный прием и вместе с тем непреклонный тон не могли не произвести впечатления на Очирой Саин-хана. Он счел целесообразным воздержаться от военного выступления. К. О. Щербатов, получив отчет о приеме, предписал Л. Кислянскому впредь при каждой новой попытке Очирой Саин-хана претендовать на бурятское население неуклонно напоминать ему, с одной стороны, о беспочвенности этой мысли и, с другой стороны, о готовности русских властей пропускать монгольских торговцев в Селенгинск и Иркутск<sup>69</sup>.

Нейтралитет Очирой Саин-хана в момент, когда сибирские

<sup>68</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, ч. II, лл. 414—439; Иркутская приказная изба, д. 63, лл. 106—122; ДАИ, т. X, № 67/XI.

<sup>69</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 67, лл. 105—107.

власти прилагали все усилия для организации обороны против маньчжуров, был определенным успехом русской дипломатии. Правда, мелкие пограничные столкновения продолжались. В мае (или июне) 1684 г. был совершен набег под Еравненский и Телембинский остроги<sup>70</sup>. Наиболее беспокойная обстановка сохранялась в междуречье Иркута и Китоа и под Тункинским острогом. Тунгусы и буряты активно помогали русским отрядам в поисках неприятеля<sup>71</sup>.

Во внешней политике Джунгарии в начале 80-х годов Галдан начал готовить крутой поворот с целью осуществить свои планы по созданию объединенного монгольского государства. Это вызвало беспокойство маньчжурского двора, который с 1683 г. стал занимать все более жесткую позицию в отношении джунгарского хана, что проявилось прежде всего в ограничении джунгарской торговли на территории Китая<sup>72</sup>.

В то же время Галдан не ставил в известность русское правительство относительно возможных осложнений в Монголии. При всем нежелании русского правительства вмешиваться в монгольские дела, оно, конечно, обратило бы внимание на ухудшение отношений между Китаем и Джунгарией. Между тем сообщения сибирских воевод и решения Сибирского приказа говорят о том, что оно в 1683—1684 гг. не имело сведений о намерениях Галдана. Более того, в Сибирском приказе не исключали возможности одновременного наступления Кан-си, Очирой Саин-хана и Ереняка, которого поддерживал Галдан. Впервые эта мысль была высказана красноярским воеводой Д. Г. Загряжским в 1678 г.<sup>73</sup>. Еще более определенно об этом писал в Москву в конце лета 1684 г. енисейский воевода К. О. Щербатов<sup>74</sup>. Его мнение подкрепило сложившееся в Сибирском приказе убеждение о враждебности Галдана. В грамоте от 1 октября 1684 г. тобольскому воеводе П. С. Прозоровскому было определенно сообщено о намерении маньчжурского правительства действовать совместно с монгольскими ханами и Ереняком<sup>75</sup>. Убеждение во враждебности Галдана, по-видимому, окрепло после отъезда из Москвы джунгарского посольства Баянбека и Аюки. Когда в конце 1680 г. в Тобольск от Ямыш-озера прибыло очередное посольство Абдул Экера, то русское правительство сначала не хотело его пропускать в Москву. В сто-

<sup>70</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 158—164; ч. II, лл. 260—265; Нерчинская приказная изба, д. 19, лл. 44—45.

<sup>71</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 62а, лл. 29, 75—77, 80, 81, 87, 88; д. 63, лл. 261—263; д. 68, лл. 139—147; д. 69, лл. 45—47; д. 78, лл. 8, 10; ДАИ, т. XI, № 86.

<sup>72</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 263, 264.

<sup>73</sup> ДАИ, т. VIII, № 44/II.

<sup>74</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1589, л. 139.

<sup>75</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 913, ч. II, лл. 485—487.

лицу оно приехало только весной 1682 г. и оказалось свидетелем дворцового переворота и выступления стрельцов. В сентябре 1682 г. Абдул Экер отбыл из Москвы и на 120 подводах увез закупленные товары. После его отъезда в Сибирском приказе было решено пропускать джунгарские посольства в столицу только один раз в четыре года, а с приезжающими джунгарскими представителями вести переговоры в Тобольске. Официальным поводом для этого ограничения послужила незаконная закупка джунгарами «заповедных товаров» — огнестрельного оружия и боеприпасов<sup>76</sup>. Посольство Ереняка в Москву в 1682/83 г. не рассеяло подозрительности Сибирского приказа. Летом 1684 г. Ереняк вновь активизировал свои действия на р. Чюлыме, захватил ясачных людей под Кызылским острогом и угрожал набегом на Томск, Енисейск и Красноярск, причем томские служилые люди захватили приехавшего в ясачные волости джунгарского посланца Барчюка<sup>77</sup>. Тогда же Ереняк прислал в Красноярск своего представителя Сажи, который предложил размежевать сбор ясака с племен, обитавших в верховьях Енисея, — ясак с качинцев и аринцев передавать Галдану, а ясак с байкотовцев и каменных мотор — русским властям<sup>78</sup>. Если учесть, что качинцы и аринцы обитали непосредственно около Красноярска, то намерение Ереняка станет ясно. Особенно русское правительство было раздосадовано, когда узнало, что джунгарский посланник зайсан Абдул Экер, оказавшийся свидетелем «смутного времени» в Москве, говорил в Джунгарии про Русское государство «многие поносные речи», а затем, вероятно в составе посольства Галдана, ездил в Китай. В результате в декабре 1685 г. тобольским воеводам было велено вообще не пропускать джунгарские посольства далее Тобольска, да и там с ними не вести длительных переговоров<sup>79</sup>.

Между тем Галдан в своих внешнеполитических планах начал учитывать агрессию маньчжурского правительства против России. Его посланцы стали появляться в Иркутске. В конце августа 1683 г. его посланники там вежливо осведомились о царском здоровье<sup>80</sup>. С более значительными целями 8 ноября 1684 г. приехали в Иркутск посланник Галдана Мергень Косючей и посланник его матери Мергень Баахан. С ними же пришел большой торговый караван. Л. Кислян-

<sup>76</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 354, д. 52; стлб. 720, лл. 11, 73—75; ДАИ, т. VIII, № 15/XIX.

<sup>77</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 715, лл. 166—168; стлб. 913, ч. II, лл. 341—343, 383—397; ДАИ, т. XI, № 53/1.

<sup>78</sup> ДАИ, т. XI, № 53/II.

<sup>79</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 354, д. 52.

<sup>80</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 63, лл. 137—139.

ский торжественно встретил посланников. Это посольство явно имело целью произвести дипломатический зондаж, причем участие в нем представителя матери Галдана увеличивало его значение. Посланцы передали, как обычно, подарки и два «листа», один от Галдана, другой от его матери. «Лист» от Галдана был написан по-тангутски, и иркутские толмачи не смогли его перевести. «Лист» от его матери «калмыцкого письма» был переведен. Он содержал прямой намек на общность внешнеполитических интересов России и Джунгарии. В «листе» писалось, что послан он «с добрым делом», и высказывалось пожелание «царской светлости» о войне с маньчжурами, «которые недруги наши, одолеть их и дело сделать». Посланцы дали понять, что они не уполномочены передавать конкретных предложений, и перевели разговор на более их интересовавшую тему. Они передали, что Галдан «слышал» о людях великого государя «в дальней стороне, близко Китайского государства». Л. Кислянский пространно рассказал об обширности владений России в Сибири вплоть до р. Индигирки, Охотского моря и Амура и спросил, не известно ли в Китае о посылке на Амур русских «больших сил». Посланцы вежливо удивились размерам владений России и подтвердили, что зимой 1683/84 г. в Китае было известно о посылке ратных людей на Амур, куда и маньчжуры направили подкрепления в 2000 человек<sup>81</sup>. Сообщение Мергеня Косючая о получении маньчжурами военных сведений из русских пределов вскоре подтвердилось. Пойманные перебежчики сознались в том, что спешили сообщить монгольским тайшам о подходе к Забайкалью отряда А. Бейтона<sup>82</sup>.

В этот трудный момент подавляющая часть сибирского ясачного населения сохраняла верность российскому подданству. Когда илимский воевода И. А. Змеев в 1684/85 г. послал в ясачные бурятские улусы сына боярского «братской породы» Василия Кужумова убеждать их стоять заодно с русскими людьми, он получил заверение в полной поддержке<sup>83</sup>. Ясачное население само просило у русских властей защиты, сообщало военные вести, служило проводниками, выдавало изменников и сплошь и рядом участвовало непосредственно в боевых действиях. Чтобы подтвердить свою лояльность, в июне 1684 г. «князец» Гантимур со своим старшим сыном Катанаем выразил желание креститься. Их крещение и поверстание в службу имело очень большое значение, так как окончательно лишало оснований притязания маньчжурского двора.

<sup>81</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 69, лл. 29—30; ДАИ, т. XI, № 87.

<sup>82</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 69, л. 42; д. 78, лл. 2, 4.

<sup>83</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1589, лл. 137—138.

После крещения Гантимура и Катаная нерчинский воевода И. О. Власов срочно отправил их в Москву с сыном боярским И. Миловановым. Старик Гантимур (в крещении Петр) не выдержал трудного пути и умер в Нарыме. Его сын Катанай (Павел) благополучно был доставлен в Москву, где его наградили дорогим оружием и одеждой и с подарками для 12 братьев и 9 сыновей в марте 1685 г. отправили назад. В Москве Павел Гантимуров вновь подтвердил, что до этого в ином подданстве он не был, и просил защитить его род и улусных людей от маньчжуров и монголов. Енисейскому воеводе С. Собакину 16 марта 1685 г. было указано выстроить Павлу Гантимурову в Нерчинске дом и от маньчжуров охранять с особенным «радением»<sup>84</sup>. Русское правительство придавало настолько большое значение Гантимурову, что сохранило за ним и его потомством княжеский титул и записало их в состав российского дворянства по наиболее привилегированному «московскому» списку. Кажется, это был единственный случай официального включения представителей родо-племенной верхушки Восточной Сибири в состав дворянства России.

Таким образом, действия маньчжурского правительства поставили перед русским правительством трудные военные и дипломатические задачи. После захвата маньчжурскими войсками бассейнов Зеи и Буреи создавалась угроза не только на Амуре, но и на побережье Охотского моря и Якутии. Доставка подкреплений и оружия требовала много времени, и к 1685 г. для обороны Забайкалья и Приамурья после понесенных потерь оставалось мало сил. Сибирской администрации удалось использовать противоречия между халхскими феодалами и удержать Очирой Саин-хана от прямой военной поддержки Кан-си, но позиция Галдана оставалась неясной и внушала большие опасения. Русское правительство даже допускало возможность образования сплошного фронта от Западной Сибири до Амура. Аборигенное сибирское население почти единодушно выступало за сохранение российского подданства. Со своей стороны сибирские власти по отношению к нему проводили в это время довольно гибкую политику. В случаях «шатости» или попросту измены сыски осуществлялись с большой осмотрительностью, чтобы ясачных людей «большим страхом прочь не отогнать». Впрочем, такие случаи были немногочисленны и имели индивидуальный или сугубо локальный характер. Чаще дело ограничивалось слухами о «шатости», вызванными страхом вражеского вторжения.

---

<sup>84</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 60—62, 66—70, 72—81, 83, 91, 94—97, 106—112.

## Оборона Приамурья и Забайкалья (1684—1689 гг.)

Оборона Албазина. Первое наступление войск  
Очиroy Саин-хана в Забайкалье

В работах русских историков XIX—начала XX в. история маньчжурской агрессии сводилась только к описанию военных действий на Амуре, и прежде всего — защиты Албазина<sup>1</sup>. Действительно, Албазин был основой русской обороны на Амуре, и многое зависело от его судьбы. Однако этим не исчерпывалась история событий на Дальнем Востоке в 80-х годах XVII в. Не менее сложная военная обстановка складывалась и в Забайкалье, где в начале 1685 г. Кан-си удалось склонить Очиroy Саин-хана и его сторонников к возобновлению военных действий. Русскому командованию приходилось обороняться за Байкалом на двух фронтах.

После захвата острогов на Зее и Селемдже маньчжурское командование решило путем кавалерийских набегов из своего укрепленного лагеря около устья Зеи уничтожить русские селения на Амуре, обеспечивавшие Албазин продовольствием, а затем осадить и взять крепость. Приказ о наступлении маньчжурских войск был отдан Кан-си 21 февраля 1684 г., но до июля они не предпринимали наступательных действий, и русское население на Амуре беспрепятственно закончило полевые работы. Несмотря на военную обстановку, связи между коренным населением, обитавшим на Амуре, и их родственниками в Маньчжурии не прекращались. Этим путем в Нерчинск и Албазин была доставлена весть о том, что маньчжурские войска готовились также к наступлению на Нерчинск и от Науна «прочистили» через леса «дорогу немалую».

<sup>1</sup> Г. Берх, Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян при берегах реки Амура, — «Сын Отечества», 1821, № XI; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II; Н. Шуклин, Подвиги русских на Амуре в XVII столетии, — «Сын Отечества», 1848, кн. 9; Д. Романов, Присоединение Амура к России, — «Русское слово», 1859, № 4, 6—8; С. Максимов, На Амуре, — «Морской сборник», СПб., 1861, № 5; Ю. Бартенеv, Герои Албазина и Даурской земли, — «Русский архив», М., 1899, № 2; Чернозубов, Завоевание Амура русскими и Албазинские сидения, — «Военный сборник», СПб., 1907, № 10—12; Г. Тимченко-Рубан, Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края, — «Военный сборник», СПб., 1909, № 8.

Сразу же после своего приезда в Албазин А. Л. Толбузин со второй половины мая 1684 г. начал высылать в разведку вверх по амурскому берегу «проезжие станицы». В начале июля один из казачьих отрядов обнаружил маньчжурские войска в непосредственной близости от Албазина; 5 июля маньчжурский отряд напал на правом берегу Амура на русскую Чулкову деревню, разорил ее, захватил в плен часть населения и поспешно отступил. Оставшиеся крестьяне с семьями бежали в Албазин, а вслед за ними стали искать там спасения крестьяне левобережных амурских деревень. В это время И. О. Власов писал в Енисейск К. О. Щербатову о гибели наиболее отдаленных от Албазина русских деревень. Местные русские промышленные люди не ушли на соболиные промыслы и остались в Албазине. А. Л. Толбузин собрал все окрестное русское население в крепость и ждал осады «с часу на час». Всего там собралось 120 служилых, 250 промышленных людей и 97 крестьян. До самой осени в Албазине ожидали прихода неприятеля и приступили к уборке полей только тогда, когда хлеб начал осыпаться и половина его пропала<sup>2</sup>. По каким-то соображениям маньчжурские войска осенью 1684 г. не предприняли наступательных операций, хотя еще в июне богдыхан Кан-си указал на необходимость захвата под Албaziном созревшего урожая.

Наконец, в марте 1685 г. маньчжурские войска появились под самым Албaziном. Кавалерийский отряд численностью до ста человек занял в трех верстах от крепости мельницу торгового человека Ф. Бурдуковского, захватил в плен ее владельца, частично перебил, а частично пленил находившихся там казаков и работников и тотчас отошел. А. Л. Толбузин на следующий день выслал к мельнице казачий отряд и вновь стал ожидать осады<sup>3</sup>. До лета 1685 г. маньчжуры больше не подходили к Албазину, и местное население «в ближних местах» засеяло пашни.

В начале 1685 г. русские воеводы стали получать известия о военных приготовлениях монгольских тайшей. В феврале 1685 г. приказчик Тункинского острога Е. Могулев доносил в Иркутск о намерении семи монгольских тайшей идти «войной» в Прибайкалье, и Л. Кислянский послал ему подкрепление. В марте 1685 г. И. О. Власов был извещен бежавшей из монгольского плена «женкой иноземкой» о намерении монгольских и табунутских тайшей с десяти тысячным войском около плотбища (Чита) не пропустить к Нерчинску

<sup>2</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. I, лл. 54—58, 112—140, 158—164; ч. II, лл. 260—265; Иркутская приказная изба, д. 38, л. 67; Нерчинская приказная изба, д. 19, лл. 55—58; ДАИ, т. XII, № 12/II.

<sup>3</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 96, 97; стлб. 1355, ч. II, лл. 324—326; Нерчинская приказная изба, д. 15, лл. 33—34.

следовавших с А. Бейтоном пополнений. И. О. Власов послал в Удинск гонца к А. Бейтону, настаивая на «поспешении»<sup>4</sup>. Монгольские тайши действительно задержали продвижение отряда А. Бейтона. В Удинск А. Бейтон пришел на «страстную неделю» (между 13—18 апреля). Неприятельские отряды тотчас угнали у него табун лошадей и быков, предназначенных для перевозки военного снаряжения. Тогда более 400 казаков с местными промышленными и гулящими людьми и баргузинскими тунгусами (всего до 780 человек) двинулись вверх по р. Чикой отбивать скот. Около месяца было потеряно на этот поход. Казаки вернули часть лошадей, отбили 150 голов рогатого скота, тысячную отару овец и, несмотря на преследование двухтысячного монгольского отряда, без потерь вернулись в Удинск<sup>5</sup>.

В первых числах июня маньчжурские отряды вновь появились под Албазином и отогнали конный табун<sup>6</sup>. «Малолюдство» не позволяло А. Л. Толбузину высылать «дальние сторожи» для наблюдения за неприятелем. Поэтому когда 10 июня 1685 г. основные маньчжурские силы берегом и на судах подошли к «нижним Албазинского острога заимкам», собрать все русское население в крепость оказалось невозможно. За два дня, 10 и 11 июня, в Албазине собралось до 450 человек — служилых, торговых, промышленных, гулящих людей и крестьян. Местные жители из «верхних» деревень попытались с семьями на плотах, бросив все свое имущество, добраться до Албазина. С маньчжурских кораблей им предложили сдаться. После их отказа маньчжуры открыли по плотам огонь из пушек. Часть крестьян были взяты в плен, часть — убиты или утонули, лишь некоторым раненым удалось достигнуть Албазина<sup>7</sup>. Часть местных жителей ушла в тайгу.

Богдыхан Кан-си еще в апреле 1685 г. решил перед началом осады Албазина послать в Москву на имя царя грамоту с условиями мира. Грамоту в трех экземплярах (на русском, латинском и китайском языках) передали А. Л. Толбузину 11 июня отпущенные из плена промышленные люди Федор Тельный и Ганка Дмитриев<sup>8</sup>. Одновременно такие же грамоты с другими пленными были посланы в Якутск, через

<sup>4</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 74, лл. 2—4; д. 77, лл. 4, 7.

<sup>5</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 44, 47—57; Иркутская приказная изба, д. 77, л. 7. По мнению Чернозубова, отряд отбил скот у Гусиного озера, около впадения Чикоя в Селенгу (Чернозубов, Завоевание Амура русскими и Албазинские сидения, № 11, стр. 17).

<sup>6</sup> ДАИ, т. XII, № 12/1.

<sup>7</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 974, ч. II, лл. 129г-е; Ю. Барте-нев, Герои Албазина и Даурской земли, стр. 320—321, 332.

<sup>8</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 3—5; Нерчинская приказная изба, д. 20, лл. 7—12.

Северную Монголию в Селенгинск и через Джунгарию в Тобольск. Ранее других, 15 ноября 1685 г., в Москву были доставлены грамоты, посланные через Северную Монголию с казаками Якимом Ивановым и Григорием Фоминым. Только к концу октября 1685 г. добрались с «листами» до Красноярска трое других русских пленников — Ларион Куликов, Михаил Сафьянчиков и Иван Киселев (Л. Куликов вывез на родину сохраненное на себе знамя отряда, защищавшего Верхозейский острог, а на пути в Россию тайно от сопровождавшей охраны он со своими товарищами измерил высоту и ширину Великой Китайской стены, составившие соответственно 15 и 21 аршин)<sup>9</sup>. В этих грамотах Кан-си, призывая жить «в совете», «без драки и без войны», «торги меж собою торговати и послы посылать», соглашался отозвать свои войска из-под Албазина при условии ухода русских с Амура и установления границы на рубеже около Якутска или в «ином месте» и до Енисейска<sup>10</sup>.

Другими словами, маньчжурский двор претендовал на всю Восточную Сибирь. Уверенность, с какой эти ультимативные условия предъявлялись России, объяснялась тем, что маньчжуры знали о своем абсолютном численном превосходстве и надеялись на успех Очирой Саин-хана в Забайкалье. О согласованности действий маньчжурских войск и тайшей свидетельствует одновременность их наступления. Маньчжуры подошли к Албазину 10 июня, а тайши осадили Селенгинск 11 июня 1685 г. И. Поршенников, успевший собрать для защиты острога сотню людей, писал в Енисейск: «От мунгалские силы... болшого страху не имеем, страшит нас богдойская сила, потому что нас в Селенгинску конечное малолюдство, порохом и оружием скудно»<sup>11</sup>. Монгольские отряды ограничились блокадой Селенгинска и Удинска и не рискнули на штурм<sup>12</sup>. Слухи о вступлении маньчжурских войск в Северную Монголию не оправдались. Халхские феодалы по-прежнему не решались на этот шаг и согласились только послать в Китай свои войска для обучения. Приехавшие из Китая торговые бухарцы рассказывали в Сибири, что видели недалеко от Пекина, как маньчжурские инструкторы обучали лучному бою пятитысячный отряд монголов<sup>13</sup>.

<sup>9</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 23—27, 22—50; Нерчинская приказная изба, д. 21, л. 33.

<sup>10</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 21, л. 33; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 39—40.

<sup>11</sup> ДАИ, т. X, № 67/XII; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 88—95.

<sup>12</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1045, лл. 13, 14; Нерчинская приказная изба, д. 21, л. 31.

<sup>13</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 70—72.

Труднее складывалась обстановка под Тункинским острогом, прикрывавшим дорогу на Иркутск. За неделю до осады Селенгинска, 5 июня 1685 г., Л. Кислянский писал К. О. Щербатову о внезапной осаде, «изгоном» десятитысячным отрядом Цецен-нойона и Шиптар-батура Тункинского острога, в котором было всего лишь 43 казака. Осада длилась месяц. Казаки выдержали трехдневный ожесточенный штурм, потеряли трех убитыми и шестерых пленными, ходили на вылазку, но острог отстояли. Л. Кислянский вооружил в Иркутске посадских людей и крестьян, пополнил ими малочисленный местный гарнизон и со сводным отрядом в 120 человек двинулся на помощь острогу. Цецен-нойон не стал дожидаться подхода Л. Кислянского и снял осаду. Все участники обороны Тункинского острога были награждены отрезами кумача, а Л. Кислянский серебряным ковшом, соболями и китайскими тканями<sup>14</sup>.

Новая неудача монгольских отрядов объяснялась не только их неумением осаждать остроги, защитники которых к тому же были вооружены огнестрельным оружием. Последовательный сторонник мира с Россией, Ундур-Гэгэн вскоре направил к И. Поршенникову своего посланца и, вновь удостоверившись в решимости русских властей «не выдавать» бурятское население, отозвал свои отряды в Монголию. Более того, он добился у Цецен-нойона передачи ему русских пленных, захваченных под Тункинским острогом, и демонстративно вернул им свободу.

На Амуре в Албазине положение русских войск становилось день ото дня труднее. А. Л. Толбузин успел послать 10 июня гонцов в Нерчинск с просьбой о помощи, а 12 июня Албазин уже находился в полной осаде. И. О. Власов получил извещение 22 июня. Он тотчас вооружил находившихся в Нерчинске промышленных людей и довел свои ратные силы до 330 человек. Тогда же, 14 июня, из Аргунского острога к нему пришло сообщение, полученное от ясачных людей, о готовности на Науне к походу под Нерчинск 8900 маньчжурских солдат. Тем не менее 23 июня Анцифор Кондратьев повел из Нерчинска на 11 стругах отряд в 100 человек с двумя пушками и тремя затынными пищальями на помощь Албазину<sup>15</sup>. Тем временем маньчжурские войска готовились к штур-

<sup>14</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 952, лл. 194—195; Иркутская приказная изба, д. 111, лл. 3—5; ДАИ, т. X, № 67/XVII. Н. П. Шастина и Е. М. Залкинд ошибочно датируют осаду Тункинского острога соответственно 1684 и 1686 гг. (Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 117; Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 75).

<sup>15</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 3—5; Нерчинская приказная изба, д. 20, лл. 7—12; ДАИ, т. XII, № 12/1—III.

му, в 150 саженьях от Албазина расставляли артиллерию, плетеные туры и щиты, копали земляные валы. Первоначально А. Л. Толбузину показалось, что маньчжурская армия, подошедшая под Албазин на 100 бусах, насчитывала свыше 10 тыс. человек при 200 пушках, из них 50 «проломных». Захваченный в плен китаец уточнил эти данные: в армии маньчжуров было 4200 человек, в том числе 1200 «работников», 30 больших и 15 малых пушек. Кроме того, берегом подошли 1000 кавалеристов. Подавляющая часть неприятельских солдат была вооружена луками и только 100 человек пищалями, захваченными в русских острогах. Противостояло им 450 защитников Албазина, имевших 3 пушки и 300 ручных пищалей. А. Л. Толбузин отверг предложение о сдаче. Он попытался усилить крепостные укрепления и начал ставить на валу вторую, внутреннюю стену<sup>16</sup>. Дней через десять после начала осады маньчжурская армия начала штурм Албазина. Отдельный отряд на бусах был поставлен на Амуре на случай подхода русских подкреплений из Нерчинска. Маньчжурские лучники, окопавшиеся вдоль берега Амуре, должны были отвлекать внимание защитников острога. По стенам острога, стоявшим перпендикулярно к Амуре, велся артиллерийский огонь, а заднюю стену маньчжуры предполагали штурмовать, предварительно разрушив ее скрытно поставленными голландскими пушками<sup>17</sup>. Когда маньчжурская артиллерия открыла огонь, стало ясно, что Албазин укреплен слишком слабо. За день бомбардировки маньчжурам удалось уничтожить во многих местах верхние и нижние «бой» (амбразуры) и разбить одну пушку. Их двадцатифунтовые ядра, по словам защитников, «сквозь острог проходили». Албазинские служилые люди, крестьяне и промышленные люди «нещадно» отбивали приступ и погибали на рушившихся стенах. «Огненными» стрелами маньчжурским лучникам удалось поджечь хлебные амбары, дворы и церковь с колокольной. К концу первого же дня штурма в Албазине погибло более 100 защитников. Маньчжуры потеряли до 150 человек, но не смогли ворваться в крепость. На следующий день Лантань приказал накидать под стены кучи дров и зажечь их. Но возможности обороны в полусожженном Албазине были исчерпаны; боеприпасы, порох и свинец кончились. А. Л. Толбузин вынужден был начать переговоры. Он просил три дня для обсуждения предъявленных условий сдачи: передачи острога и свободного ухода его защитников с оружием и пушками. Лантань потребовал немедленного принятия усло-

<sup>16</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 64, 79—81, 1—8; Нерчинская приказная изба, д. 20, лл. 18—25.

<sup>17</sup> Ю. Баргтенев, Герои Албазина и Даурской земли, стр. 332—333.

вий и грозил возобновить бомбардировку. Во время переговоров маньчжуры «рекомендовали» идти в Якутск, «стращали» наступлением вместе с монголами на Нерчинск, Еравненский, Телембинский и Селенгинский остроги вплоть до Байкала и Якутска. Тогда А. Л. Толбузин вывел своих людей из Албазина. Маньчжуры тотчас нарушили условия договора. Они отвели всех русских людей в свой обоз, отобрали пушки, все личное имущество, скот и «прельстили» более 50 человек перейти в свое подданство. Через четыре дня пленные были отпущены, и А. Л. Толбузин по берегу Амура и на небольших стругах повел оставшихся защитников, женщин и детей в Нерчинск. Испытывая недостаток в лодках и продовольствии, А. Л. Толбузин в устье р. Уручи отпустил 120 человек в Якутск, а сам с остальными людьми двинулся дальше вверх по Амуру. По пути к нему присоединялись крестьяне, скрывавшиеся в тайге. Маньчжурские войска шли следом за русским отрядом. В устье р. Аргуни А. Л. Толбузин оставил казачий пост наблюдать за дальнейшим продвижением неприятеля, а сам пошел по р. Шилке, где вскоре встретился с отрядом А. Кондратьева. В ночь на 3 июля казак Г. Фомин привез И. О. Власову весть о падении Албазина и отступлении А. Л. Толбузина. Через неделю, 10 июля, до Нерчинска добрался и А. Л. Толбузин, с которым пришло уцелевшее албазинское население — 324 мужчины и 312 женщин и детей.

Часть отряда А. Л. Толбузина, двинувшаяся в Якутск, добралась туда более чем через месяц<sup>18</sup>. Сообщение об этих событиях дошло до Енисейска к 28 августа и было получено в Москве только 13 марта 1686 г. Одновременно в Москву был доставлен и пленный китаец Уонцыся<sup>19</sup>.

Падение Албазина было одним из самых критических моментов обороны Приамурья. Лантаню было приказано скопить весь хлеб, засеянный русскими на амурских берегах, и оставить там маньчжурское войско<sup>20</sup>. Наступать на Нерчинск сразу же после взятия Албазина маньчжуры не решились. Однако под Нерчинск непрестанно подходили монгольские отряды, угоняли скот, грозили подходом маньчжурских войск и, запугивая местных ясачных людей, запрещали им платить ясак. В июле—августе 1685 г. чемчагиры и карануты осаждали Аргунский острог, перебили более 30 окрестных ясачных тунгусов, нанесли потери гарнизону и угнали весь скот. Такие же набеги совершались на Телембинский острог.

В Забайкалье, несмотря на уход монгольских отрядов

<sup>18</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 74—77, 81—89; 1—8, 18; Нерчинская приказная изба, д. 20, лл. 1—6, 13—17; ДАИ, т. XII, № 12/IV.

<sup>19</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1355, ч. II, лл. 387—390.

<sup>20</sup> Ю. Бартенев, Герои Албазина и Даурской земли, стр. 333—334.

из-под Селенгинска и Удинска, тревожная обстановка сохранялась до августа<sup>21</sup>. В августе «крайние тайши, куконовы дети» вступили в контакт с И. Поршенниковым. Они отрицали свое участие в нападениях на русские владения, но от предложения прислать посланцев для урегулирования отношений уклонились до окончания совета, который проходил у Очирой Саин-хана с другими феодалами. По всей вероятности, в это время обстановка внутри самой Северной Монголии осложнилась и возникли серьезные противоречия с Джунгарией. В сентябре 1685 г. И. Поршенникову от посланцев пяти «крайних» тайшей стало известно об уходе в Джунгарию племянника Контазея-тайши с улусом в тысячу человек и о сборе по приказу Ундур-Гэгэна и Очирой Саин-хана у всех тайшей войска для погони за ним<sup>22</sup>. Интересную информацию в октябре 1685 г. передали прибывшие в Иркутск джунгарские посланцы. Слухи об отъезде из Москвы с ратными людьми К. О. Хлопова достигли Китая и Монголии, и северомонгольские ханы стали опасаться русской рати<sup>23</sup>. В самом конце 1685 г. И. Поршенников посылал Г. Афанасьева для «торжишка» к Ундур-Гэгэну и Очирой Саин-хану; при переговорах с их стороны вновь последовали требования об «отдаче» бурятского и тунгусского населения Забайкалья. Очирой Саин-хан обещал поступить «нечестно», но дальше угроз не пошел<sup>24</sup>.

В это же время маньчжуры прилагали большие усилия также к тому, чтобы поднять восстание тунгусского населения и овладеть побережьем Охотского моря. После взятия Албазина в Удский острог был послан богдыханский «лист» с требованием уйти в Якутск и поставить там свой «рубеж»<sup>25</sup>. Во второй половине 1685 г. в верховьях р. Уды маньчжуры сделали попытку утвердиться<sup>26</sup>. Это встревожило якутского воеводу М. Кровкова, и в июле 1685 г., получив последнюю отписку А. Л. Толбузина о намерении маньчжуров «учинить рубеж» на р. Лене, он начал готовить Якутск к осаде<sup>27</sup>. Несмотря на подарки маньчжуров и их обещание не брать аманатов, основная часть местного тунгусского населения не выступила и даже просила у приказчиков Охотского острога защиты от своих же «немирных» соплеменников<sup>28</sup>.

<sup>21</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 90, 108, 109, 135—137; стлб. 1589, л. 148; Нерчинская приказная изба, д. 21, лл. 17—18, 33—36.

<sup>22</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1589, л. 148.

<sup>23</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 84, лл. 15—19.

<sup>24</sup> Там же, лл. 37—38.

<sup>25</sup> ДАИ, т. X, № 67/XXI.

<sup>26</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 355, ч. I, лл. 9—10.

<sup>27</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 974, лл. 94—97.

<sup>28</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 355, ч. II, лл. 474—486; стлб. 1355, ч. II, лл. 365—366.

Таким образом, расчеты Кан-си на наступление своих северомонгольских сторонников и восстание тунгусского населения не оправдались. Сами маньчжуры не смогли развить наступление после захвата Албазина. Вопреки опасениям русских властей в Нерчинске, далее устья Аргуни маньчжурское войско не продвинулось.

Накануне прихода в Нерчинск отступавших албазинцев, 9 июля 1685 г., туда наконец прибыл со своим отрядом А. Бейтон. Монгольские отряды второй раз не рискнули нападать на него, и от Удинска его отряд в 447 человек с тремя легкими пушками дошел до Нерчинска без осложнений. Остальные 126 человек с оставленными зимой 1684/85 г. на Ангаре пушками и боеприпасами прибыли в Нерчинск несколько позднее<sup>29</sup>. Спустя пять дней И. О. Власов отправил в разведывательный поиск вниз по Шилке на пяти стругах отряд десятника Я. Телицына в 70 человек. Ему было приказано «с великой осторожностью» дойти до Амура, разведать расположение неприятельских войск и непременно добыть «языка». В устье Аргуни ясачные люди сообщили Я. Телицыну об отходе маньчжурских войск вниз по Амуру. Отряд двинулся дальше, за полтора дня пути до Албазина высадился на берег и дошел до разоренной русской крепости. Неприятель ушел и отсюда. На пепелище Албазина казаки захватили китайца Уонцыся (Ван Цзы-ша?). Его отец, рулевой на бусе, посадил ее на камни и был казнен. Опасаясь того же, Уонцыся бежал из маньчжурской армии и собирался просуществовать около Албазина, где сохранялось много «русского запаса». Он сообщил Я. Телицыну неожиданную новость: маньчжурские воеводы получили приказ «наспех, днем и ночью» отступить от Албазина к Науну и «китайским де людям к Албазинскому вскоре ни коими делы быть не возможно, для того что велено начальным людям с войском, которые были под Албазинским острогом, быть в Китае тот час, потому что де никанские люди на китайского царя идут войной»<sup>30</sup>. По его же словам, маньчжуры оставили в своем городке около устья Зеи лишь небольшой гарнизон в 500 человек. С этим важным сообщением Я. Телицын 7 августа вернулся в Нерчинск. Уход маньчжурской армии менял обстановку на Амуре. И. О. Власов, не теряя времени, тотчас принял решение занять Албазин, чтобы «не потерять... Даурской земли и победной из Нерчинска славы не учинить».

Поспешность отступления маньчжуров была такова, что они не успели уничтожить засеянные поля. По плану

<sup>29</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 122—128.

<sup>30</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 973, лл. 52, 53, 64—69, 108, 109, 128—131, 135—137; ДАИ, т. X, № 67/XIV; т. XII, № 12/V.

И. О. Власова, А. Л. Толбузин первоначально должен был построить «малую крепость» и «из-за нее хлеб снимать», без которого албазинский гарнизон не мог просуществовать. Нерчинск сам снабжался «хлебными запасами» из Прибайкалья, и доставлять их далее, в Албазин, было крайне трудно. «Для обережения» хлебных полей из Нерчинска был выслан отряд в 198 человек во главе с А. Бейтоном, а вслед за ним «побежал» вниз по Амуру А. Л. Толбузин с отрядом в 316 человек. 27 августа А. Л. Толбузин достиг Албазина. К осени 1685 г. в Албазине собралось 514 казаков и 155 крестьян и промышленных людей. В Нерчинске у И. О. Власова осталось 173 служилых человека, не считая казаков в Аргунском, Телембинском, Еравненском и Иргенском острогах; кроме того, ожидался подход 126 казаков А. Бейтона, следовавших от Байкала с пушками и боеприпасами. К началу 1686 г. в Албазине насчитывалось уже 725 человек, а в Нерчинске и ближайших к нему острогах — 340 служилых и 100 промышленных людей. Всего, таким образом, к 1686 г. для обороны Приамурья было стянуто свыше тысячи ратных людей, число которых в случае необходимости могло быть увеличено за счет промышленных людей и крестьян.

Основную часть урожая (более чем с тысячи десятин) А. Л. Толбузину удалось снять; из-за позднего осеннего времени не успели убрать хлеб лишь на наиболее отдаленных заимках. Одновременно заготавливался лес на «дворовое и городовое строение», восстанавливались дворы и началась постройка мощной земляной крепости, которой не были бы страшны «богдойские ядра».

По мнению И. О. Власова, Албазин следовало возводить чуть ниже «старого острожного места», где удобнее копать колодцы. Однако казачий круг, собранный А. Л. Толбузиным для обсуждения этого вопроса, высказался за восстановление Албазина на старом месте. Земляные стены ставились в 4 сажени в ширину; до заморозков албазинцы успели вывести стены на 1,5 сажени в высоту. Деревянный «образец» (модель) крепости А. Л. Толбузин выслал в Москву. Крепость строилась в виде прямоугольника, вытянутого вдоль Амура. Стену вдоль амурского берега предполагалось усилить башней, чтобы препятствовать подходу неприятельских судов к самой крепости<sup>31</sup>. Точно восстановить внешний вид крепости очень трудно. В работах авторов XIX в., которые еще могли осмотреть развалины Албазина, она описывалась по-разному. Н. Я. Бичурин, посетивший развалины Албазина в начале

<sup>31</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 354, д. 11; стлб. 973, лл. 11, 17, 18, 67, 68, 80—89, 133—134, 54—59; Нерчинская приказная изба, д. 20, лл. 18—25; ДАИ, т. X, № 67/XIV; т. XII, № 12/V.

XIX в., писал: крепость «составляла четверугольник, имевший до 60 русских сажен в поперечнике, что и ныне можно приметить по земляному с трех сторон валу, окруженному рвом с тремя выходами из крепости. С наречной стороны крутой и вала не видно»<sup>32</sup>. По утверждению С. Максимова, в 50-х годах XIX в. плававшего по Амуру, на месте Албазина прекрасно сохранились остатки земляных укреплений, построенных сначала даурами, затем Е. Хабаровым, Н. Черниговским, А. Бейтоном и Лантанем. По его описанию, площадь в крепости была настолько велика, что внутри земляного вала, имевшего в основании 4 сажени и 3 сажени в высоту, размещалась современная станица в 40 дворов; недалеко от берега находились остатки, по-видимому, колодца, а на горе — порохового погреба, выложенного кирпичом<sup>33</sup>. Более подробно описал остатки албазинской крепости Д. Романов. «Албазинский острог, грозно возвышаясь над рекой, соседними островами и противоположным берегом, господствует в то же время и над окружающею местностью», — отмечал Д. Романов. По его наблюдению, острог «имел вид четырехугольника или квадрата, которого одна сторона шла вдоль гребня набережного обрыва, две боковые примыкали к ней под прямыми углами, с тылу ограничивала их четвертая сторона, образуя с боковыми также прямые углы. Длина каждой стороны, или фаса, этого острога, или редута, была до 40 сажен, верхняя ширина вала — в нынешнем его состоянии от 17 до 30 фут, глубина осыпавшегося рва от 4 до 6 фут. По этим размерам надобно предполагать, что настоящая профиль этого острога была весьма сильна. По сохранившимся до нашего времени древним сказаниям, земляной вал острога, в последнюю эпоху его существования, имел 4 сажени толщины и 3 сажени вышины: и этому можно поверить, судя по существующим остаткам». В середине каждой стороны острога, по-видимому, были выведены деревянные башни. Эти башни, прикрытые снаружи валом и рвом, остатки которых еще сохранились в XIX в., обеспечивали фланговую оборону. У внутренней стороны набережной, около южного угла крепости, сохранились следы колодца или родника<sup>34</sup>.

Выводя из Албазина свои войска, маньчжурское правительство тем не менее продолжало укреплять коммуникации между Гириным и Айхунем и усиливать укрепленные лагеря на Амуре. Маньчжурские воеводы в Айхуне вскоре узнали о занятии русскими войсками Албазина и возвращении туда

<sup>32</sup> И а к и н ф, Статистическое описание Китайской империи, ч. 2, Пекин, 1910, стр. 241.

<sup>33</sup> С. М а к с и м о в, На Амуре, стр. 14—15.

<sup>34</sup> Д. Р о м а н о в, Город Албазин, — «Санкт-Петербургские ведомости», 1857, № 269, 11 декабря, стр. 1408.

населения и попытались уничтожить восстанавливаемые русские селения. Уже осенью 1685 г. А. Л. Толбузин сообщал И. О. Власову об активности кавалерийских разъездов противника. А. Л. Толбузин сразу же после возвращения перешел к активной обороне. Из Нерчинска в Албазин было доставлено несколько сот лошадей. Всякий раз, когда «отъезжие караулы» сообщали о появлении неприятеля, ему навстречу высылались под командой А. Бейтона кавалерийские отряды. Выдвинутый 25 сентября из Албазина к Погромной речке «отъезжий караул» 2 октября имел бой с неприятельским отрядом. Подошедший на помощь казачий отряд в 100 человек не смог догнать маньчжуров и вернулся назад. Через две недели, 14 октября, маньчжуры переправились через Амур, напали на Лапкаевском лугу на Покровскую слободу, перебили и пленили часть населения и сожгли необмолоченный хлеб. Подошедший через несколько дней из Албазина отряд не смог преследовать ушедшего за Амур неприятеля из-за начавшегося ледохода. Вполне вероятно, что тогда же произошло нападение на Вяткину деревню. В начале ноября после сообщения караула, отступившего из Шингаловской заимки, о подходе неприятеля А. Бейтон с 200 казаками настиг маньчжуров у Монастырской заимки, нанес им поражение и захватил табун лошадей. Маньчжурской коннице пришлось уходить «крепкими лесными местами». 26 ноября маньчжуры вновь подошли «с низу» Амура к Шингаловской заимке, захватили «языков» и ушли, хотя А. Бейтон со 150 казаками их преследовал двое суток «днем и ночью». 1 февраля крупный маньчжурский отряд в 500 человек подошел к Албазину и разорил в десяти верстах от него Большую заимку. Снова русская кавалерия ходила в погоню. В декабре 1685 г. от захваченного шпиона стало известно о намерении маньчжурского командования летом 1686 г. вновь осадить Албазин. Чтобы проверить это важное сообщение, А. Бейтон с 300 кавалеристами в марте 1686 г. совершил смелый поиск вниз по Амуру. На р. Комаре он из засады «наехал» на маньчжурский отряд и разбил его. Захваченный пленный подтвердил сведения о подготовке в Айхуне к новому наступлению на Албазин <sup>35</sup>.

Весной 1686 г. маньчжурские отряды перестали появляться в районе Албазина. Вернувшиеся русские жители успели восстановить некоторые селения, завезли из Нерчинска скот и засеяли более 500 десятин пашни.

В начале июля вновь начались тяжелые бои за Албазин. Русские «отъезжие караулы», выдвинутые от Албазина вниз

---

<sup>35</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 216—217; стлб. 973, лл. 12, 14, 19, 58—65, 69—72, 76—77, 91—92; ДАИ, т. X, № 67/XV, XVI.

по Амуру, столкнулись с передовыми частями маньчжурской армии и вовремя сообщили о ее наступлении. Население успело укрыться в крепости. Работы по ее укреплению к этому моменту были почти закончены, колодец выкопан<sup>36</sup>. Артиллерия крепости состояла из мортиры («верховой пушки»), стрелявшей пудовыми ядрами, 8 пушек и 3 затинных пищалей; в пороховом погребе хранилось более 112 пудов пороха и 60 пудов свинца. Муки из урожая 1685 г. должно было хватить до лета 1687 г. Табун лошадей в 500 голов албазинцы отогнали в тайгу. А. Л. Толбузин, по-видимому, считал укрепления крепости и ее вооружение достаточными для того, чтобы выдержать штурм. Он послал к И. О. Власову гонца и просил поддержать его только «легкими людьми». Всего в Албазине собралось 826 защитников. Пятимесячная оборона Албазина, начавшаяся 7 июля 1686 г., по праву должна занять почетное место в истории русской военной славы.

Осадная армия подошла к русской крепости по амурскому берегу и «водяным путем» на 150 бусах. Она насчитывала до 5 тыс. человек при 40 пушках. Богдыхан Кан-си приказал Лантаню после взятия Албазина сразу же наступать на Нерчинск, захватить его и вернуться зимовать к Албазину. Для обеспечения дальнейшего наступления маньчжуры пригнали к Албазину до трех тысяч лошадей<sup>37</sup>. Перед осадой Лантань вновь прислал в Албазин грамоту с требованием уйти с Амура и в дальнейшем постоянно отправлял в крепость «прелестные письма». Однако все попытки поколебать стойкость защитников оказались тщетными. Гарнизон решил обороняться до конца: «Един за единого, голова в голову, а назад де без указа нейдём»<sup>38</sup>.

В момент подхода маньчжурской армии к Албазину А. Л. Толбузин попытался не допустить высадки неприятеля с судов около самой крепости и сделал внезапную вылазку. Русский отряд во главе с А. Бейтоном, поддержанный из крепости ружейным и пушечным огнем, по свидетельству китайского источника, действовал настолько энергично, что Лантань лично вынужден был наводить порядок в своих войсках<sup>39</sup>. Как и во время первой осады, маньчжуры сразу же постарались отрезать Албазин от Нерчинска и поставили свои суда выше крепости, чтобы препятствовать подходу подкреплений. Через неделю после начала осады Лантань начал штурм. Маньчжуры пошли на приступ с приречной и северной сторон. А. Л. Толбузин ответил вылазкой, и сами мань-

<sup>36</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 237—241.

<sup>37</sup> Там же, л. 59; ДАИ, т. X, № 67/XVIII—XIX; Ю. Бартенев, Герои Албазина и Даурской земли, стр. 334.

<sup>38</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, лл. 23—33.

<sup>39</sup> Ю. Бартенев, Герои Албазина и Даурской земли, стр. 334.

чжуры признали, что «сколько во всю ту ночь до рассвета наши приступ не чинили, однако города за крепостью разбить не могли»<sup>40</sup>. Через два дня маньчжуры начали укрепляться вдоль амурского берега. А. Л. Толбузин и А. Бейтон воспользовались утренними густыми туманами и попытались сбросить противника в реку. Четыре дня русские вели бой у приречной стороны за выход к берегу. Маньчжурам удалось отбить вылазки, возвести там земляной вал и поставить батареи<sup>41</sup>. Казаки из «отъезжего караула», не успевшие попасть в Албазин, наблюдали эти бои и рассказывали потом в Нерчинске: «А был де у них, богдойских людей в одно время приступ к Албазину большой и стрельбы из пушек из города, и в дыму де города и людей не видеть было; и не можа они, неприятели ничего сотворить, отступили прочь и стоят под городом за турами»<sup>42</sup>. На пятый день боев А. Л. Толбузин был тяжело ранен ядром и через четыре дня умер. Командование крепостью принял Афанасий Бейтон. Дальнейшая оборона Албазина многим обязана этому смелому и распорядительному человеку<sup>43</sup>.

Лантань вынужден был признать стойкость русской обороны и неудачу штурма. Об этом «скорыми гонцами» он известил Кан-си и получил приказ вести осаду и выморить защитников голодом, жаждой и холодом<sup>44</sup>. 19 августа И. О. Власов на стругах послал из Нерчинска под Албазин в разведку сына боярского Г. Лоншакова с 70 казаками. Отряд сумел скрытно подойти к Албазину. В его окрестностях к отряду присоединилось 20 казаков и крестьян, не успевших сесть в осаду. Маньчжурское войско плотно обложило Албазин, держало многочисленные караулы, и разведчики не смогли ни добыть «языков», ни сообщить осажденным о готовящейся помощи. Однако они сумели разглядеть, что в Албазине сохранялся боевой порядок и особых повреждений не было заметно, хотя неприятельская артиллерия непрестанно вела

<sup>40</sup> Там же, стр. 335.

<sup>41</sup> Там же.

<sup>42</sup> ДАИ, т. X, № 67/XXIII.

<sup>43</sup> Сохранилась челобитная, в которой А. Бейтон описывал свою военную службу в России. Он приехал в Россию из Пруссии, по-видимому, в середине XVII в. после окончания Тридцатилетней войны и, как другие западноевропейские офицеры, поступил в «полки иноземного строя» в чине «капитана и поручика»; участвовал в самых тяжелых боях с польско-литовскими войсками во время войны 1654—1667 гг. (под Смоленском, Шкловом, Могилевом, Быховом, Слуцком, Мстиславлем). Затем его отправили в Томск, где он участвовал в обороне границ от набегов джунгар и отрядов Ереняка. Там он перешел в православие и женился, окончательно определив свою жизнь в России. К 1686 г. ему было, по всей вероятности, под 60 лет, из которых более тридцати он прослужил в русской армии (ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, лл. 247—251).

<sup>44</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, лл. 23—33.

огонь с трех сторон по стенам и башням<sup>45</sup>. Больше никаких сведений об Албазине в Нерчинск не поступало до начала ноября. В октябре к началу ледохода маньчжуры увели свои суда в затоны, чем воспользовался А. Бейтон. Во время ледохода, в ночь на 12 октября, трое смельчаков — казаки И. Бузунов, В. Бакшеев и Я. Мартынов — сумели выбраться из Албазина и отплыть на лодке. Лавируя между льдинами, они проплыли четыре версты. Затем лодку раздавило льдом, и они выбрались на остров. Спустя неделю Амур стал, и казаки двинулись дальше. К 10 ноября они добрались до Нерчинска и рассказали о состоянии крепости и ее защитниках. До октября гарнизон Албазина пять раз делал вылазки, уничтожил до 150 неприятельских солдат и потерял 65 человек. Провианта в крепости хватало, но ощущался недостаток в воде, топливе и противочинготных средствах: от цинги умерло уже 50 человек.

После неудачи первого штурма маньчжуры усилили земляные работы. По наблюдению разведчиков маньчжуры повели траншеи и в 150—200 саженьях от крепости соорудили вал с бойницами и четыре раската для артиллерии. За одним раскатом стояла батарея из 15 «ломовых» пушек. Для обороны вала маньчжуры построили редуты, а для укрепления его с тыла выкопали ров. Одну батарею Лантань поставил на о. Арбуне против набережного фаса Албазина<sup>46</sup>. Около Албазина было устроено четыре «городка», где в землянках располагались неприятельские войска. Выше крепости маньчжуры устроили пристань, а против крепости за Амуром — лагерь, укрепленный валом.

После приступов во второй половине июля маньчжуры предприняли новый штурм на «Семен день», т. е. 1 сентября, закончившийся также неудачно. Возможно, именно тогда они попытались взорвать крепостной вал путем подкопа, который был обнаружен и во время вылазки уничтожен казаками<sup>47</sup>. Наконец, в октябре Лантань, армия которого увеличилась до 10 тыс. человек, начал последний ожесточенный штурм. Маньчжуры соорудили два «дровяных» вала, из «смоля» и сырого дерева, которые, по-видимому, хотели подвести под самые стены крепости, а затем зажечь. Казаки во время вылазки один из них сожгли, а под второй подвели подкоп и взорвали. Одновременно маньчжуры попытались «заметать» крепость «сечеными дровами», т. е., по-видимому, из катапульт

<sup>45</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. II, лл. 355—359; ДАИ, т. X, № 67/XXIII.

<sup>46</sup> Чернозубов, Завоевание Амура русскими и Албазинские сидения, № 12, стр. 6—7; С. Максимов, На Амуре, стр. 17.

<sup>47</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 4, 5, 51—58; стлб. 1588, 231—245; ДАИ, т. XX, № 67/XXV.

заваливали вал плахами. Дрова оказались весьма кстати для осажденных, сильно страдавших от отсутствия топлива. Маньчжуры утверждали, что на свою последнюю вылазку албазинцы вышли «всеми своими людьми» и хотели отбить пушки. Скорее всего, ввиду наступавшей зимы в последнем бою маньчжуры во что бы то ни стало хотели сломить сопротивление Албазина, а осажденные в свою очередь стремились сорвать осаду. По утверждению казака М. Чаплина, прибывшего в декабре 1686 г. в Нерчинск, в этом бою албазинцы «побили» до 1500 человек.

К декабрю 1686 г. Албазин продолжал упорно обороняться, хотя значительная часть его гарнизона за октябрь—ноябрь погибла. Более ста человек было убито на вылазках и во время бомбардировок, более 500 человек умерли от цинги. В живых осталось 150 человек<sup>48</sup>.

Трудности, с которыми столкнулось маньчжурское правительство в своих действиях в Приамурье, вынудили его пойти на установление дипломатических контактов с русским правительством. Официальное отношение богдыханского правительства об условиях мира прибыло в Москву 15 ноября 1685 г. Тем временем тревожные вести из Даурии и притязания Кан-си на Восточную Сибирь побудили русское правительство принять новые решения об обороне Сибири.

Прежде всего, согласно указу от 10 декабря 1685 г. из Москвы в Пекин были посланы подьячие Посольского приказа Н. Венюков и И. Фаворов, посещавшие Китай еще с Н. Спафарием. В царской грамоте богдыхану указывалось на неожиданность начатых военных действий, на существовавшую возможность их предотвращення дипломатическим путем «без разлития крови и опустошения государств». Русское правительство извещало Кан-си о своем согласии начать мирные переговоры в Албазине и о выезде туда из Москвы послов при условии установления перемирия и отступления маньчжурской армии с российской территории. Н. Венюкову и И. Фаворову поручалось выяснить дальнейшие намерения маньчжурского двора и конкретизировать условия мира<sup>49</sup>.

28 декабря 1685 г. был подписан указ о назначении стольника Ф. А. Головина великим и полномочным послом для ведения переговоров с маньчжурскими представителями на пограничном съезде. За две недели до этого указами от 12 и 16 декабря правительство назначило Ф. А. Головина в Сибирь фактически на правах наместника. В указах подчеркивалось: «Послать для своих дел в дальние сибирские города,

<sup>48</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 4—18, 130—137; Ю. Баргенов, Герои Албазина и Даурской земли, стр. 336.

<sup>49</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 40—42.

в Селенгинской и Нерчинской и в иные остроги для оберегания от приходов китайских воинских людей и для договора китайского хана с начальным воеводою, который выслан будет в китайские города, которые податны к их государским городам и по славной Амуру реке... А которые городки, Албазинской и иные острожки, в прошлых годах китайцы разорили и пожгли, и те паки ему в тех местах завести и построить, и ратных и жилецких людей поселить и завести пашню и всякий хлеб... А буде китайцы в тех местах городов и острогов строить ему не дадут, и ему промышлять и радеть о том всячески»<sup>50</sup>.

В литературе обычно рассматривалась только дипломатическая деятельность Ф. А. Головина и его роль в заключении Нерчинского договора 1689 г. Такое понимание задач, поставленных перед Ф. А. Головиным, фактически искажало позицию правительства царевны Софьи и В. В. Голицына. В конце 1685 г. оно по-прежнему не собиралось поступаться сибирскими территориями и, как видно из указов от 12 и 16 декабря, Ф. А. Головину вменялось в обязанность отстоять русские рубежи в Восточной Сибири не только дипломатическим путем, но и «воинским промыслом». Для организации обороны ему передавалась власть над огромной территорией Иркутского, Нерчинского, Албазинского уездов.

Н. Венюков и И. Фаворов выехали из Москвы уже через 10 дней после подписания указа, 20 декабря 1685 г. В начале апреля 1686 г. они прибыли в Енисейск, где были на месяц задержаны весенней распутицей. Только 9 мая они выехали оттуда в Иркутск для дальнейшего следования в Селенгинск<sup>51</sup>. В середине августа Н. Венюков и И. Фаворов выехали из Селенгинска вместе с Гичюлом, посланцем Очирой Саин-хана, Ундур-Гэгэна и Шидишири Багатур-хунтайджи. Возможно, северомонгольские феодалы успели узнать о посылке Н. Венюкова и И. Фаворова и ждали проезда русских гонцов. В Северную Монголию их «везли наскоро», чтобы приехать к Ундур-Гэгэну до предполагавшегося у него «съезда» халхских владетелей<sup>52</sup>. В монгольских улусах на р. Толе Н. Венюков и И. Фаворов провели пять недель. Н. Венюков передал Очирой Саин-хану царскую грамоту с просьбой о пропуске их в Китай и вел с ним и Ундур-Гэгэном переговоры об урегулировании русско-монгольских отношений. В принципе ничего нового русской дипломатии они не дали. Очирой Саин-хан по-прежнему был настроен воинственно и настаивал на возвращении бурят; Ундур-Гэгэн продолжал

<sup>50</sup> Там же, стр. 50.

<sup>51</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 4—18; ч. II, лл. 341—344.

<sup>52</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. II, лл. 355—359.

противиться настояниям богдыхана о возобновлении военных действий в Забайкалье<sup>53</sup> и был предупредителен к Н. Венюкову и И. Фаворову. Он послал своего гонца в Китай с извещением о следовании русских представителей и известил И. Поршенникова в Селенгинске об их отъезде в Пекин.

В трех днях пути до г. Калгана Н. Венюкова и И. Фаворова встретили официальные представители маньчжурского правительства и сопровождали их до Пекина. Маньчжурский двор был явно заинтересован приездом Н. Венюкова и И. Фаворова. В своем письме Ф. А. Головину они писали, что после приезда в Пекин 31 октября 1686 г. представители богдыхана начали с ними переговоры уже на следующий день. Объясняя причины своего военного выступления, маньчжурский двор вернулся к точке зрения, которую он пытался навязать еще Н. Спафарию. Представители Кан-си отказывались считать себя в состоянии войны с Россией и объявили, что военные действия вызваны, прежде всего, самовольством казаков, занявших берега Амура, а также отказом нерчинских властей в выдаче Гантимура. Тем не менее они утверждали о готовности богдыхана сохранять «мир и дружбу» и немедленно снять осаду Албазина. Маньчжуры предлагали обменять Гантимура на русских пленных, а свои территориальные притязания ограничивали уже только Приамурьем. Действительно, 4 ноября русские представители были извещены о «великодушном» решении Кан-си отвести свои войска от Албазина. 10 ноября 1686 г. состоялся прием у богдыхана, а 14 ноября Н. Венюков и И. Фаворов выехали из Пекина. В посланной с ними довольно любезной грамоте Кан-си обязался не предпринимать военных действий и дожидаться прибытия русского посольства<sup>54</sup>.

Таким образом, миссия завершилась успехом. Он объяснялся крайне тяжелым положением, в каком оказалась под Албазином маньчжурская армия. А. Бейтон сообщал, что снятие осады Албазина было встречено в маньчжурской армии с нескрываемым удовлетворением. Не добившись победы, маньчжуры начали жестоко страдать от голода. От «хлебной скудости» начался мор. Общие потери маньчжуров достигли свыше 2500 человек<sup>55</sup>. В первых числах декабря 1686 г. маньчжурские воеводы, получив богдыханский указ, сняли осаду Албазина. Н. Венюков и И. Фаворов со своей стороны отправили из Пекина в Албазин двух казаков с письмом к А. Бей-

<sup>53</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 121.

<sup>54</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 22—32; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 44—49.

<sup>55</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, лл. 23—33.

тону; они извещали его о состоявшемся соглашении, наказывали быть предупредительным по отношению к маньчжурским воеводам, но на их «любительные слова» надежд не возлагать и жить с «большим береженьем». Неприятельские воеводы согласились выпускать защитников Албазина к Амуру за водой и пропускать в крепость «небольших людей» из Нерчинска со скотом и другим «харчем», но «во избежание ссор» воспротивились выходу албазинцев в лес за дровами и сосновой корой, необходимой больным цингой людям. Свою артиллерию, деревянные укрепления, щиты, туры и рогатки они сняли с позиций. После переговоров с представителями маньчжурского командования А. Бейтон выяснил, что отход неприятельской армии возможен только после вскрытия Амура<sup>56</sup>.

В апреле 1687 г. И. О. Власов потребовал от маньчжурских воевод ухода от Албазина. В начале мая они отошли на четыре версты и стали в укрепленном лагере, продолжая зорко следить за русским гарнизоном. В Албазине полагали, что они хотели не допустить нового посева полей. Сохранилось предание, что неприятельские воеводы предложили А. Бейтону в начале мая 1687 г. прислать своих врачей и лекарства, но он отклонил это предложение и в свою очередь послал в неприятельский стан пирог весом в пуд. Вполне возможно, что это предание отражало реальный факт, так как «хлебных запасов» в крепости к снятию осады оставалось до тысячи пудов. Наконец, в конце августа 1687 г. маньчжурские воеводы ушли в свой городок к устью Зеи и «наказали» А. Бейтону не разрушать их осадных земляных сооружений<sup>57</sup>. Дальнейшие события показали, что за этими заголовками крылись далеко идущие расчеты.

Героическая пятимесячная оборона стоила жизни подавляющей части защитников Албазина. В одной челобитной 1689 г. албазинские казаки указывали, что пережили осаду из «старых албазинцев» пятидесятник Анцифор Кондратьев и 19 рядовых, а из пришедших в Албазин с А. Бейтоном — пятидесятник Василий Смиренников и 29 рядовых. Всего — 50 человек. Эта же цифра указывается в двух других челобитных 1689 г., где албазинцы просили выдать им жалованье. Правда, в них указано только 7 «старых» казаков. Наконец, А. Бейтон в 1689 г. составил список из 7 «старых» албазинских казаков и 90 казаков, пришедших в Албазин вместе с ним.

<sup>56</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 4—18, 22—32; стлб. 1588, ч. I, л. 75; Нерчинская приказная изба, д. 24, лл. 1—8, 23—33.

<sup>57</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1588, ч. I, лл. 72, 75; ч. II, лл. 231—245; Нерчинская приказная изба, д. 24, лл. 37—40; П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, стр. 125.

Как и в 1685 г., албазинцы вновь лишились всего скота и лошадей. После отхода маньчжурской армии А. Бейтон начал восстанавливать дворы и готовиться к посеву. И. О. Власов прислал из Нерчинска небольшое подкрепление<sup>58</sup>.

Неудача маньчжуров под Албазином имела огромное значение для дальнейшей обороны Приамурья и Забайкалья, но до окончания военных действий было еще далеко.

### **Укрепление обороны Восточной Сибири. Второе наступление войск Очирой Саин-хана в Забайкалье**

Назначение Ф. А. Головина и его отъезд в Сибирь с чрезвычайными полномочиями произошли в разгар борьбы за Албазин. Пока защитники Албазина удерживали русские рубежи на Амуре, в Сибири комплектовались новые подкрепления и предпринимались меры по обеспечению их провиантом и доставке в Забайкалье.

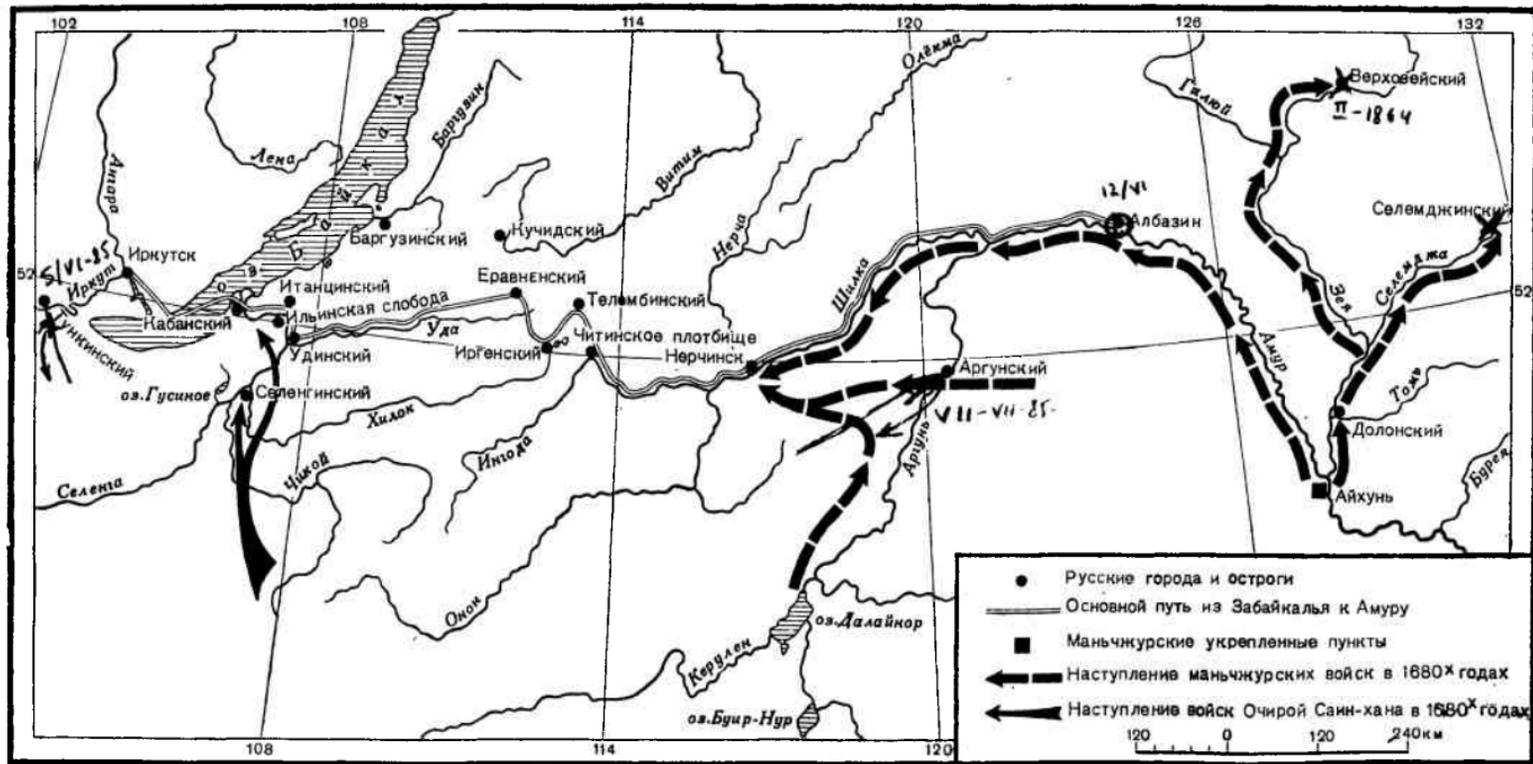
В конце 1685 г. русское правительство признало целесообразность предложения К. О. Щербатова о посылке в Сибирь пополнений из центральной части страны. Для этой цели из 12 стрелецких приказов, находившихся в Москве, было отобрано 500 стрельцов, которые должны были составить ядро новых формирований. Из Стрелецкого приказа на службу в «Дауры» были посланы полковники Ф. Скрипицын, Грабов и подполковник С. Богатырев. В Сибири к ним присоединился ранее уехавший из Москвы полковник А. Смаленберг. Сибирским воеводам указывалось скомплектовать отряды общей численностью в 1400 человек. Для вооружения этих отрядов из Москвы было отправлено: 1000 пищалей, 20 полковых пушек, тяжелая мортира, 1000 пудов пороха и свинца, 1000 ядер и гранат, 1000 гранат ручных и другое снаряжение. Обоз в 120 подвод с этим воинским снаряжением ушел из Москвы «зимним путем» в конце января 1686 г.<sup>59</sup>. Вместе с уже находившимися в Забайкалье воинскими частями предполагалось довести там численность русских войск приблизительно до 2500 человек<sup>60</sup>. По списочному составу на 1688 г., в сибирских городах насчитывалось 7215 служилых людей<sup>61</sup>. Таким образом, численность концентрируемых в Забайкалье войск была довольно значительной; в случае необходимости они пополнялись местными промышленными и

<sup>58</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1044, лл. 295—299; Иркутская приказная изба, д. 142, лл. 11—12; Нерчинская приказная изба, д. 29, лл. 10—14.

<sup>59</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 138—144, 373—374; стлб. 1008, л. 140; стлб. 1355, ч. I, лл. 1, 7, 8, 17, 21—27.

<sup>60</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, л. 255.

<sup>61</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, л. 222.



Забайкалье и Приамурье во второй половине XVII в.

гулящими людьми, крестьянами и ясачными бурятами и тунгусами. Конечно, для наступательной войны эти силы были слишком малочисленны, и в последовавших предварительных переговорах с монгольскими ханами и маньчжурским двором русские дипломаты несколько не грешили против истины, указывая, что имеющиеся в распоряжении Ф. А. Головина силы предназначены исключительно для «оберегательства», т. е. обороны, сибирских рубежей.

Комплектование подкреплений проводилось в Сибири на протяжении всего 1686 г. в основном из местных служилых людей, их «детей и братья». К июню 1686 г. в Тобольске набиралось 500 человек, в Тюмени 100; в июле и августе к Ф. А. Головину присоединились отряды из Томска (100 человек), Нарыма и Кетска (30 человек). В Енисейске комплектовался отряд в 100 человек, в Илимске и Верхоленске — в 170 человек. К концу 1686 г. в Иркутске было набрано из промышленных людей 100 человек. Таким образом, в полк Ф. А. Головина было собрано в сибирских уездах на протяжении 1686 г. 1100 человек. Остальных 300 человек было позднее предписано по указу от 14 сентября 1688 г. добрать в Тобольске, Тюмени и на Верхотурье<sup>62</sup>.

Ф. А. Головин приехал в Тобольск 24 марта 1686 г. За ним в первой половине апреля прибыли туда же московские стрельцы. Через два месяца Ф. А. Головин завершил подготовку и с московскими стрельцами, тобольскими и тюменскими казаками, с «пушечным нарядом», с прочим вооружением и «хлебными запасами» речным путем на 25 дощаниках двинулся по Иртышу, Оби и Кети к Маковскому волоку.

В середине августа Ф. А. Головин подошел к Маковскому волоку и началась тяжелая и длительная перевозка снаряжения и судовой оснастки (парусов и канатов) к Енисейску. Местные власти смогли собрать для перевозки только 60 подвод. Поэтому в Енисейск через «великие грязи» удалось волоком доставить только 10 пушек, а остальные 10 пушек и мортиру оставили до весны в Маковском остроге. В Енисейске 27 августа 1686 г. нерчинский гонец казак К. Юдин передал Ф. А. Головину отписку И. О. Власова о начале второй осады Албазина. Из-за тревожных даурских вестей Ф. А. Головин ни в коем случае не хотел зимовать в Енисейске. К 12 сентября последние ратные люди были перевезены через волок, и в тот же день, несмотря на осеннее время, Ф. А. Головин на 32 дощаниках, 3 каюках и 32 лодках двинулся дальше, сначала вверх по Енисею, а затем по

<sup>62</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 74, 127—129, 233—234, 249, 251, 279, 341, 348—351, 412, 414; стлб. 1066, л. 229; Иркутская приказная изба, д. 95, лл. 1, 2; д. 96, лл. 2—4.

Ангаре. Для «поспешения» суда шли на парусах и веслах. Впереди шли отряды полковника А. Смаленберга и подполковника С. Богатырева, вышедшие из Енисейска несколькими днями раньше. Через десять дней пути караван, пройдя приблизительно верст 200, столкнулся на Ангаре с пошедшим льдом, наступала стужа. Некоторые суда разбило на порогах и шиверах. С большим трудом флотилия дошла до Рыбенского острога, где Ф. А. Головин 23 сентября остановился и стал размещаться на зимовку. А. Смаленберг сумел дойти до деревни Каменка, стоявшей выше на Ангаре в трех днях пути от Рыбенского острога<sup>63</sup>. Местные ангарские жители единодушно утверждали об отсутствии зимнего пути до Илимска «за великой пустотой и снегами». Тем не менее Ф. А. Головин отправил в ноябре 1686 г. в Иркутск с подполковником С. Богатыревым, капитаном И. Бецандом и прапорщиком Л. Нейтером 170 служилых людей. На 30 санях и на нартах они везли 100 пудов пороха, 370 пищалей, ручные гранаты. Более значительный отряд Ф. А. Головин посылать опасался, так как служилые люди дорогой могли «оголодать». К январю 1687 г., преодолев тяготы зимнего пути, они дошли до Иркутска; 23 января иркутский воевода А. Синявин отправил их вместе с илимскими и иркутскими пополнениями — всего 371 человек — тем же зимним путем в Нерчинск, на помощь амурским служилым людям. Еще в сентябре 1686 г. из Иркутска через Байкал в Удинск была отправлена артиллерия, оставленная на Ангаре отрядом А. Бейтона (2 пушки для селенгинского гарнизона и 6 для нерчинского, 400 ядер, 230 пудов пороха и свинца). С. Богатырев с отрядом в 227 человек в последних числах марта 1687 г. прибыл в Нерчинск, а И. Бецанд и Л. Нейтер с остальными служилыми людьми остались в Удинске<sup>64</sup>.

После весеннего половодья 1687 г. Ф. А. Головин к 13 июня дошел по Ангаре до устья р. Илима. Много дощаников погибло на ангарских порогах. Целый месяц ушел на доставку ратных людей на подводах в Братский острог.

Лето 1687 г. прошло относительно спокойно. Маньчжурские войска отошли от Албазина и стали усиливать укрепление своего городка около устья Зеи<sup>65</sup>. С монгольских рубежей также не поступало особо тревожных сообщений. В июле 1687 г. Ф. А. Головин привел войска в Иркутск, а 29 августа

<sup>63</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 354, д. 11; стлб. 355, л. 94; стлб. 965, ч. I, лл. 33—36, 152—159; ч. II, лл. 296—305, 309—311, 375—381, 416—417, 444—451.

<sup>64</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 33—46; ч. II, лл. 373—381; Нерчинская приказная изба, д. 24, лл. 12—15, 18, 21, 22, 45; Иркутская приказная изба, д. 88, лл. 16, 17; д. 96, лл. 2—6; д. 131, л. 5.

<sup>65</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1588, ч. II, лл. 231—245.

отправился за Байкал и к середине сентября сконцентрировал все свои силы в Удинске и близлежащих Ильинской и Кабанской слободах<sup>66</sup>.

Транспортировка от Тобольска до Западного Забайкалья такого крупного воинского соединения была осуществлена впервые. На нее было затрачено 15 месяцев. Продвижение полка Ф. А. Головина, обеспечение его транспортными средствами и продовольствием свидетельствовало об уровне развития в Сибири русского хозяйства; без развитого местного сельского хозяйства, судостроения и других ремесел не могло быть и речи о передвижении ратных людей со всем снаряжением через всю Сибирь и их продовольственном обеспечении. Десятки речных судов, от крупнотоннажных дощаников до мелких лодок — завозен, тысячи аршин грубого холста на паруса, пеньковые канаты, десятки и сотни подвод, бочки и мешки были поставлены в Сибири частям Ф. А. Головина. Сибирские верфи ежегодно спускали десятки дощаников, в их строительстве принимали участие сотни людей. В Енисейском уезде строительство судов осуществлялось в девяти приенисейских деревнях<sup>67</sup>. В справке, данной Сибирскому приказу товарищем тобольского воеводы Б. А. Солнцевым-Засекиным, указывалось, что западносибирские крестьяне — тобольские, тюменские, туринские, верхотурские и пельымские — в 1684/85 г. сдали в порядке натуральной повинности 20 704 аршина холста<sup>68</sup>, более 319 пудов смолы и 675 пудов пеньки, из которых было «спущено» 12 251 сажень просмоленных веревок<sup>69</sup>. В Енисейске флотилия Ф. А. Головина получила 19 новых парусов (9500 аршин), 3 старых, более 3 тыс. сажень канатов и веревок, 350 холщовых мешков, почти 12 тыс. конопатных скоб и многое другое<sup>70</sup>. По-видимому, основная часть этих «судовых запасов» была изготовлена ремесленниками Енисейска и местными крестьянами, у которых также было развито домашнее производство холста и пеньки и существовало смолокурение. В Енисейске имелась казенная прядильня, на которой изготовлялись снасти для судов<sup>71</sup>. В Иркутском уезде также готовились дощаники для переезда че-

<sup>66</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1588, ч. I, лл. 51, 61; ч. II, лл. 255, 256.

<sup>67</sup> В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 250—252; А. Н. Копылов, Русские на Енисее в XVII в., стр. 134—140.

<sup>68</sup> Этого холста было достаточно для изготовления 41 большого паруса для дощаников (на один парус шло до 500 аршин).

<sup>69</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 169, 170.

<sup>70</sup> Там же, лл. 159—162; стлб. 1016, лл. 83—98.

<sup>71</sup> В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 253; А. Н. Копылов, Русские на Енисее в XVII в., стр. 141, 142, 157, 158.

рез Байкал, обеспечивался колесный транспорт для воинского обоза; из Балаганского и Идинского острогов доставлялось железо, из которого иркутские мастера изготовляли ободы для сотен колес, крюки, гвозди, скобы; бондари выполняли заказы на бочки для перевозки соленой рыбы, муки и других продуктов<sup>72</sup>.

Весь полк Ф. А. Головина обеспечивался местным хлебом, что свидетельствовало о возможностях русского зернового хозяйства, сложившегося не только в Западной, но и в Восточной Сибири. По расчетам Сибирского приказа, на каждого рядового служилого человека полагалось в месяц в среднем 2 пуда муки<sup>73</sup>. На полк Ф. А. Головина во время его следования от Тобольска в 1686 г. и на 1500 русских служилых людей, находившихся в Забайкалье в 1687—1689 гг., необходимо было приблизительно около 150 тыс. пудов муки. Первоначально предполагалось создать крупные склады муки и крупы в Енисейске (40 тыс. пудов муки и 8 тыс. пудов круп). Однако местное хозяйство обеспечивало хлебом Мангазейский, отчасти Красноярский и Якутский уезды и оказалось не в состоянии поставить нужное количество провианта. Кроме того, к сентябрю 1686 г., когда московские стрельцы и западносибирские казаки дошли до Енисейска, хлебные «запасы» нового урожая были там еще не все собраны; служилые люди были снабжены мукой только на три месяца дальнейшего пути<sup>74</sup>. Поэтому основные усилия по обеспечению новых пополнений и забайкальских частей сибирская администрация сосредоточила в Прибайкалье. К моменту ухода Ф. А. Головина за Байкал, к осени 1687 г., в Иркутске было собрано 26—28 тыс. пудов муки<sup>75</sup>. В дальнейшем, на протяжении зимы 1687/88 г., весны и лета 1688 г. и вплоть до 1689 г. все воинские соединения в Забайкалье снабжались хлебом, в общем, бесперебойно, в основном из Иркутска. Насколько позволяет судить сохранившаяся переписка сибирских властей, около трети всего необходимого хлеба было закуплено казной или поставлено подрядчиками. Казенная закупка хлеба особенно активно проводилась в Прибайкалье, в бассейне Ангары. Осуществлялась она и в Енисейском уезде и в Западном Забайкалье. Только во второй половине 1686 г. в Иркутске было куплено 11 290 пудов, а летом 1689 г. у Вознесенского монастыря 1000 пудов и в Братском остроге

<sup>72</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 96, лл. 53, 54; д. 100, лл. 68—69; д. 116, лл. 182, 185, 189, 192, 195, д. 544, лл. 15, 33.

<sup>73</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1588, ч. II, л. 259.

<sup>74</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, лл. 37—46, 84; ч. II, л. 254; Иркутская приказная изба, д. 92, лл. 97—105.

<sup>75</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, лл. 47—50; стлб. 1588, ч. II, лл. 255, 256; Иркутская приказная изба, д. 92, лл. 97—105.

1400 пудов<sup>76</sup>. Всего, по неполным данным, за 1686—1689 гг. казна закупила свыше 30 тыс. пудов муки. Не менее активно осуществлялась закупка хлеба подрядчиками. В 1686 г. крупнейшие сибирские торговцы Иван и Андрей Ушаковы обязались до 1689 г. поставить 14 тыс. пудов. В 1687—1688 гг. взяли подряды торговый человек М. Бурдуковский (на 2900 пудов), верхоленский казак М. Шипицын (на 1200 и 5700 пудов), казак В. Веснин (на 2000 пудов), торговый человек А. Таракановский (на 1000 пудов), казаки А. Яковлев (на 1000 пудов), В. Попов (на 700 пудов), Л. Кондратьев (на 500 пудов), Д. Падерин и Л. Задора (на 400 пудов) и др.<sup>77</sup> Частично путем подрядов осуществлялась и доставка провианта. Не все подряды были выполнены полностью, но в целом они имели существенное значение для снабжения армии.

Перед Ф. А. Головиным стояли исключительно трудные задачи. Имея ограниченные воинские силы, он должен был обезопасить русские владения в Сибири и добиться официального соглашения с Китаем и союзными с ним монгольскими феодалами о мире, пограничном размежевании и условиях торговых взаимоотношений. Без сомнения, Ф. А. Головин понимал сложность своей миссии. Перемирие, заключенное Н. Венюковым и И. Фаворовым в Пекине, о котором Ф. А. Головин узнал еще 18 февраля 1687 г., облегчало ему организацию обороны русских рубежей.

Ф. А. Головин расквартировал своих служилых людей в Западном Забайкалье на зимовку и сделал Удинск основной базой русских войск. Оставаясь в Западном Забайкалье, он прикрывал пути, связывавшие Даурию с Прибайкальем, и одновременно имел возможность следить за обстановкой в Северной Монголии. Это давало Ф. А. Головину возможность обратиться к разрешению задачи, которую осенью 1687 г. он считал первоочередной, т. е. к урегулированию противоречий с северомонгольскими феодалами. События 1688 г. подтвердили правильность его расчетов.

Русские политики имели основания предполагать о далеко не дружественных замыслах богдыхана Кан-си в отношении Северной Монголии. Несмотря на воинственные заявления Очирой Саин-хана в адрес России и его попытки военным

<sup>76</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. I, л. 84; стлб. 1588, ч. I, лл. 114—116, 122—123; Иркутская приказная изба, д. 92, лл. 97—105; д. 100, л. 54; д. 128, лл. 6—9, 13, 41—42, 57, 83; д. 169, лл. 25—26; д. 527, л. 52.

<sup>77</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. II, лл. 375—381; стлб. 1016, лл. 22, 23, 28, 32; стлб. 1588, ч. II, лл. 249—252; Иркутская приказная изба, д. 123, лл. 3—6, 32; д. 128, л. 55; д. 131, лл. 6—8; д. 135, лл. 102, 103; д. 142, лл. 1—9; д. 524, лл. 2—3; д. 527, лл. 13, 29; Нерчинская приказная изба, д. 26, лл. 44, 83.

путем установить свое господство над населением Забайкалья, руководители Посольского и Сибирского приказов считали, что опасность захвата маньчжурами Северной Монголии может вынудить всех халхских феодалов принять русскую внешнеполитическую ориентацию. Поэтому возникла мысль добиться соглашения с монгольскими феодалами и тем самым не только обезопасить русские рубежи в Забайкалье, но и противопоставить агрессивным планам Кан-си союз с халхскими феодалами, что в свою очередь способствовало бы упрочению независимости Северной Монголии. Таким образом, дипломатические переговоры с монгольскими ханами должны были явиться весьма ответственным начальным этапом в обеспечении интересов России на Дальнем Востоке, прежде всего безопасности сибирских границ, и предотвращении дальнейшей маньчжурской агрессии. Для претворения этого плана Ф. А. Головину было поручено попытаться заключить с Очирой Саин-ханом оборонительный союз<sup>78</sup>. Поэтому Ф. А. Головин на пути в Забайкалье поручил властям в Селенгинске препроводить Ундур-Гэгэну любезное письмо и подарки, «разведать накрепко» об ориентации монгольских ханов и заранее известить их о своем приезде в Даурию и намерении вести переговоры<sup>79</sup>.

Весной 1687 г. возвратившиеся из Китая Н. Венюков и И. Фаворов передали Ф. А. Головину очень важные сведения об уже известной расстановке сил в Северной Монголии. Ундур-Гэгэн по-прежнему твердо считал необходимым сохранять дружбу с Россией и готов был способствовать заключению мира между Россией и богдыханом. Более того, один его приближенный информировал Н. Венюкова о маньчжуро-монгольских переговорах и намерениях пекинских политиков добиться наступления монгольских войск в Забайкалье, с тем чтобы разбить там русские силы. Осуществление этого плана могло привести к тому, что ослабленные в боях русские гарнизоны в Приамурье, Нерчинске и Албазине не выдержали бы нового наступления маньчжурской армии. Очирой Саин-хан был «зело склонен» пойти навстречу маньчжурским дипломатам, но натолкнулся на энергичное сопротивление со стороны Ундур-Гэгэна. По полученным данным, очередной совет, на котором все северомонгольские феодалы собирались обсуждать предложения Кан-си, должен был состояться после отъезда русских гонцов из Монголии<sup>80</sup>.

Сведения, полученные Н. Венюковым и И. Фаворовым, подтверждались другими источниками. Потерпев неудачу под

<sup>78</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 124.

<sup>79</sup> Там же, стр. 120.

<sup>80</sup> Там же, стр. 121; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 952, л. 160.

Албазином, маньчжуры прилагали очень большие усилия, чтобы склонить монгольских ханов к наступлению. В январе 1687 г. сын монгольского зайсана Дайчин приехал в Селенгинск и рассказал о состоявшемся в августе 1686 г. на р. Кербилчи съезде, в котором приняли участие все северомонгольские «державцы», представитель Кан-си («большой думный боярин») и Галдан. На этом съезде Ундур-Гэгэн по-прежнему отстаивал свою точку зрения и даже доказывал маньчжурскому представителю, что русские не чинят монголам никаких «обид и налог»<sup>81</sup>. Весной 1687 г. в Северную Монголию вновь прибыло маньчжурское посольство во главе с чиновником (карай жаргучей) для «совета» о начале наступления монгольских отрядов на Селенгинск и объединенных монголо-маньчжурских сил на Нерчинск. По всей вероятности, в это время Очирой Саин-хан уже твердо был намерен выступить в поход. И. О. Власову сообщали, что монгольские тайши «китайскому царю послушны учинились» и для наступления собрали пятую часть боеспособного населения и большое количество скота. Объединение монгольских и маньчжурских сил для наступления на Нерчинск было назначено на начало марта 1688 г.<sup>82</sup>. Сведения об этом были переданы монголами в Нерчинск И. О. Власову не ранее начала апреля 1688 г. Между тем Ундур-Гэгэн по-прежнему стоял за мир с Россией и еще летом 1687 г. послал Кан-си «лист» с категорическим отказом в помощи. Это важное известие албазинские казаки «проведали» в маньчжурской армии, стоявшей около Албазина<sup>83</sup>.

Таким образом, к моменту прибытия Ф. А. Головина в Забайкалье вопрос о наступлении был уже решен группировкой Очирой Саин-хана, несмотря на противодействие Ундур-Гэгэна. Ф. А. Головин догадывался о маньчжуро-монгольском соглашении и после некоторых колебаний отказался от попытки склонить Очирой Саин-хана к союзу с Россией. Он решил, прежде чем двигаться в Приамурье, попытаться нейтрализовать враждебных России халхских феодалов и тем самым обеспечить свой тыл в Забайкалье. В переговорах, начатых в июне 1687 г. в Иркутске и продолженных осенью в Удинске и Селенгинске, он заверял монгольских представителей, что он намерен добиваться «умирения и всякого покоя». Эти переговоры довольно подробно описаны Н. П. Шастиной на основании статейного списка Ф. А. Головина<sup>84</sup>. Они свидетельствовали об отсутствии единодушия среди монгольских

<sup>81</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 100, лл. 27—30.

<sup>82</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 27, лл. 1—2.

<sup>83</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1588, ч. II, лл. 231—245.

<sup>84</sup> Н. П. Ш а с т и н а, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 122 и сл.

феодалов по отношению к замыслам Очирой Саин-хана, и это позволяло Ф. А. Головину надеяться на известный успех своей дипломатической деятельности. С июля по октябрь 1687 г. происходили переговоры с Цецен-нойоном, во время которых Ф. А. Головин настаивал на прекращении пограничных «ссор и задоров», на возвращении ясачных бурят и обещал монголам разрешить свободную торговлю в пограничных сибирских городах. Цецен-нойон в присланном «листе» подтверждал свое желание жить с русскими «в совете и любви» и впредь «торги сводить», но от выдачи бурятского населения уклонился, сославшись на необходимость обсудить этот вопрос с другими тайшами. На протяжении почти всего сентября в Удинске находилось посольство Очирой Саин-хана, Ундур-Гэгэна и Шидишири Багатур-хунтайджи. Очирой Саин-хан продолжал настаивать на возвращении бурятского населения<sup>85</sup>. Несмотря на переговоры, монгольские отряды постоянно вторгались в русские пределы и угоняли скот. В октябре 1687 г. Ф. А. Головин отправил к главе табунутов Цэбдэну селенгинского приказчика И. Поршенникова с требованием прекратить эти нападения и вернуть скот во избежание «большой ссоры», которая для табунутов может кончиться плохо<sup>86</sup>. В конце октября 1687 г. Ф. А. Головин перенес свою ставку из Удинска, где осталась основная часть войска, в пограничный Селенгинск, откуда было удобнее «ссылаться с монгольскими «державцами»<sup>87</sup>. По-видимому, Ф. А. Головин, стремясь достигнуть соглашения, начал торопиться. Обстановка на монгольской границе становилась все более тревожной. Еще в сентябре, по всей вероятности, табунутские тайши спровоцировали выступление около Еравненского острога тунгусов луникирского, котигирского и шукинского (шуленского) родов, попытавшихся уйти в Северную Монголию. Десятник Н. Логинов с отрядом казаков настиг их уже на р. Чикой и уговорил вернуться<sup>88</sup>. 11 ноября к Ф. А. Головину прибыло посольство от табунутских тайшей, но переговоры о возвращении отогнанного скота окончились безрезультатно<sup>89</sup>.

Тогда же, 19 ноября 1687 г., Ф. А. Головин, предполагая, что богдыханское правительство само стремится к мирным переговорам, согласно данному ему наказу, впервые отправил в Китай своего представителя С. Коровина с «оповеститель-

<sup>85</sup> Там же, стр. 122—125; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 135, лл. 21, 25, 26.

<sup>86</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1045, лл. 43—60.

<sup>87</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 37—43, 115—116.

<sup>88</sup> Там же, лл. 49—53.

<sup>89</sup> Н. П. Ш а с т и н а, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 127, 128.

ным листом» о своем приезде в Забайкалье, о готовности вступить в переговоры и определить место, время и условия посольского съезда<sup>90</sup>.

В своей отписке, полученной в Москве 23 января 1688 г., Головин объяснял, в частности, свою зимовку в Удинске ожиданием вестей от посланного в Пекин С. Коровина и возможным назначением маньчжурским двором посольского съезда в Селенгинске<sup>91</sup>. Вместе с Коровиным Ф. А. Головин направил своего посла И. Качанова к Ундур-Гэгэну, пытаясь заручиться его поддержкой и вновь добиться соглашения по пограничным и торговым вопросам. Н. П. Шастина считает, что Ундур-Гэгэн, не желая ссориться ни с Россией, ни с Китаем, вел двойственную политику и в угоду Кан-си надолго задержал у себя С. Коровина и И. Качанова<sup>92</sup>. С этой оценкой согласиться трудно. Ундур-Гэгэн по-прежнему занимал благоприятную позицию по отношению к России и в дальнейшем оказал Ф. А. Головину важные услуги.

Положение внутри самой Монголии все более и более усложнялось, и, задерживая у себя русских дипломатических представителей, Ундур-Гэгэн преследовал прежде всего собственные интересы. Еще в 1686 г. на упоминавшемся выше съезде монгольских «владельцев» по инициативе Кан-си и далай-ламы состоялось примирение халхских феодалов, принимавших участие в борьбе за престол во владении Джасакту-хана. Дайчин, сообщивший в Селенгинск об этом событии, подчеркивал, что участники съезда поклялись «о соединении». Усиление Галдана и опасность подчинения ему Кукунора, Халхи и других монгольских земель вынудили Кан-си добиваться в это время прекращения междоусобной борьбы халхских феодалов<sup>93</sup>. Однако этот съезд не мог ликвидировать соперничества между Галданом и халхскими феодалами в приграничных западных районах Северной Монголии. Более того, он выявил весьма глубокие политические противоречия между Ундур-Гэгэном и Галданом. На съезде Ундур-Гэгэн, как халхский первосвященник, посадил представителя далай-ламы ниже себя, что вызвало резкий протест Галдана<sup>94</sup>. Позднее, в марте 1691 г., посланники Галдана объясняли иркутскому воеводе Л. Кислянскому, что джунгары в поведении Ундур-Гэгэна увидели «злое дело»<sup>95</sup>. В апреле

<sup>90</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 439—441; стлб. 1016, лл. 115—116.

<sup>91</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1588, лл. 231—245.

<sup>92</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 130—131.

<sup>93</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 260—263.

<sup>94</sup> Там же, стр. 265, 266.

<sup>95</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 188—217.

1687 г. Галдан в своем письме маньчжурскому сановнику Арани обращал внимание пекинского правительства на действия Ундур-Гэгэна, оскорбившего достоинство далай-ламы. В июне 1687 г. Очирой Саин-хан в свою очередь извещал Пекин об обвинении Галданом Ундур-Гэгэна в нарушении ламаистских законов и о подготовке Галдана к войне. В сентябре 1687 г., именно тогда, когда Ф. А. Головин прибыл в Забайкалье, Кан-си, который не был заинтересован в это время в столкновении Галдана с халхскими феодалами, призвал «владельцев» Северной Монголии и Джунгарии не начинать войны. К Галдану ездил представитель Кан-си и просил его «не воевать» Ундур-Гэгэна и Очирой Саин-хана<sup>96</sup>. Но это посредничество не имело успеха. Противоречия настолько затрагивали всю систему феодальных взаимоотношений в Монголии, что столкновение становилось неизбежным.

В настоящее время русские источники не могут вполне определенно раскрыть всех тонкостей дипломатической истории Монголии этого периода, имевшего трагические последствия для монгольского народа. По словам посла Ундур-Гэгэна, находившегося в Пекине в июне 1688 г., Галдан «взбунтовал» Джасакту-хана и двух других халхских феодалов и склонил их на свою сторону; Очирой Саин-хан «вооруженной рукой» возвратил этих феодалов. Тогда брат Галдана Дордзиджаб напал на пограничных халхских владельцев. Очирой Саин-хан пришел к ним на помощь и сын его, Галдан-тайджи, убил Дордзиджаба<sup>97</sup>. Согласно же версии, изложенной послами Галдана в России в 1691 г., Очирой Саин-хан пошел в поход на Дордзиджаба за его «осудные речи» в адрес Ундур-Гэгэна и разгромил его, воспользовавшись разбросанностью джунгарских улусов<sup>98</sup>.

Так или иначе, но обострение отношений между Джунгарией и Северной Монголией прежде всего отражало противодействие идее Галдана о создании единого монгольского государства. В создавшейся обстановке халхский первосвященник и крупнейший феодал Ундур-Гэгэн отводил внутримонгольским взаимоотношениям первостепенное значение и поэтому всячески противился авантюристическим настроениям Очирой Саин-хана, готового бросить свои силы против России в угоду захватническим планам Кан-си. Джунгарские посланники в России в 1691 г. даже утверждали, что Очирой Саин-хан будто бы обещал Кан-си завоевать и русские «украинные» города и Джунгарию<sup>99</sup>.

<sup>96</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 265—267.

<sup>97</sup> Там же, стр. 268—270.

<sup>98</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 188—217.

<sup>99</sup> Там же, лл. 157—162.

Ундур-Гэгэн в декабре 1687 и в начале 1688 г. не прерывал сношений с Ф. А. Головиным. Он переслал ему высланное из Пекина письмо с извещением о прекращении военных действий под Албазином и приглашением прибыть в Китай для переговоров. Вероятнее всего, Кан-си этим письмом хотел ввести в заблуждение Ф. А. Головина относительно своих якобы миролюбивых намерений. Тогда же препроводил письмо Ф. А. Головину и Очирой Саин-хан. Это письмо было написано в вызывающем тоне и содержало требование об «отдаче» бурятского населения<sup>100</sup>.

В самом конце 1687 г. раздираемые противоречиями халхские феодалы оказались в состоянии военного конфликта, причем не только с Джунгарией, но и с Россией. Вряд ли возможно сейчас решить один из самых трудных вопросов дипломатической истории этого момента: в результате действия или сочетания каких сил Северная Монголия, и без того переживавшая крайне трудную политическую ситуацию, оказалась втянутой в военные действия сразу против двух противников? При этом Россия была единственным соседом, который ни в какой мере не угрожал самостоятельности Халхи, а Галдан, начавший военные действия лишь летом 1688 г., в конце 1687 и начале 1688 г., по-видимому, не был склонен ускорять события. Если дипломатия богдыхана Кан-си могла торжествовать победу, добившись выступления Очирой Саин-хана против России, то столкновение Северной Монголии с Джунгарией именно в этот момент ее никак не устраивало.

В декабре 1687 г. бежавший из Монголии бурят Цаган донес приказчику Тункинского острога О. Перфильеву о состоянии войны между монгольскими тайшами и Джунгарией и о начале их похода на Прибайкалье. О наступлении в Прибайкалье тогда же сообщил О. Перфильеву и ясачный сойот Торгу<sup>101</sup>. Эти сообщения к 20 января 1688 г. были дополнены новыми и еще более тревожными известиями. Ясачный бурят Цыпцакон принес в Иркутск весть о движении одной части монгольских сил на Джунгарию, а другой — к Селенгинску. Бежавшие из Монголии буряты сообщили в Тункинский острог, что монголы, «свестясь» с маньчжурами, «поднялись войной» на Нерчинск. О намерении табунутов идти походом на бурят под Удинск и Селенгинск в те же дни сообщил в Удинск казак А. Кренев, вырвавшийся из плена от тайши Цэбдэна<sup>102</sup>. Захваченный в марте 1688 г.

<sup>100</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 132—134.

<sup>101</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 7, л. 1; д. 122, л. 4; д. 135, лл. 27—28, 32.

<sup>102</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 128, лл. 16, 17, 22, 23; д. 135, лл. 34—35, 37, 38.

монгольский разведчик подтвердил весть о военном походе в Джунгарию Цецен-нойона<sup>103</sup>.

Тем временем маньчжурский двор, рассчитывая на победу монгольских сил над Ф. А. Головиным, готовился в апреле 1688 г. нарушить перемирие и развернуть наступление на Нерчинск<sup>104</sup>.

Из-за большого снега в декабре 1687 г. монгольские отряды не смогли пройти в Прибайкалье в январе 1688 г. и направили основной удар на Селенгинск и Удинск. После осады Албазина маньчжурами это наступление было самой серьезной военной операцией. По утверждению джунгарских послов в России, сам Очирой Саин-хан двинулся против Галдана, а во главе войск, посланных в Забайкалье, стоял его брат Шидишири Багатур-хунтайджи. По их плану одна часть войска должна была осадить Селенгинск, где находился Ф. А. Головин, а другая — выйти к Байкалу и перерезать дорогу, связывавшую забайкальские остроги с Иркутском. О численности неприятельских сил, принимавших участие в отдельных боях, источники приводят разные данные (от 4 до 12 тыс. человек). Русские силы в этот момент насчитывали во всем Забайкалье и в Приамурье около 2 тыс. человек: в Албазине — 100 человек, в Нерчинске — более 400 человек, в Селенгинске — около 250 человек и в районе Удинска — немногим более 1 тыс. человек, расквартированных по отдельным населенным пунктам. Учитывая неудачу предшествовавших попыток захватить Селенгинск, Очирой Саин-хан на этот раз придал своим отрядам огнестрельное оружие — пушки и пищали, присланные из Китая. Первоначально монгольские тайши достигли успеха. В январе 1688 г. они осадили Селенгинск; другая часть их отрядов подошла к Удинску. Создавалась угроза Иркутску. Русские силы в Забайкалье оказались разобщенными. В этот момент руководство обороной Забайкалья принял на себя полковник Ф. Скрипицын, командовавший московскими стрельцами. До 10 марта 1688 г., пока в Удинск не прибыли гонцы от И. О. Власова, Ф. Скрипицын полагал, что Нерчинск также находится в осаде.

В конце января 1688 г. около Удинска произошло тяжелое сражение с монгольскими войсками. Сохранилась челобитная московских стрельцов о выдаче жалованья, в которой подробно описано это сражение. События развивались следующим образом. Не получая из Селенгинска сведений от Ф. А. Головина, Ф. Скрипицын вышел с 500 московскими стрельцами из Ильинской слободы и походным порядком дви-

<sup>103</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 123, л. 11.

<sup>104</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 23, лл. 72, 73; д. 26, л. 67.

нулся по правому берегу Селенги в Удинск, где находились сибирские части П. Грабова и А. Смаленберга. Далее он предполагал следовать к Селенгинску на помощь к Ф. А. Головину. По дороге в Удинск Ф. Скрипицын выдержал три боя с монгольской конницей. В Удинске от пленного стало известно о движении крупных неприятельских сил к Байкалу и о их намерении выйти к Иркутску. Русское командование понимало опасность этого плана. Обходя Удинск и угрожая захватить Иркутск, монгольские тайши могли нарушить всю систему снабжения русской армии. Сорвать это наступление можно было только в полевом сражении. Следуя заранее разработанному плану, Ф. Скрипицын 26 января вышел из Удинска и, прикрывая дорогу к Байкалу, двинулся назад в Ильинскую слободу. В четырех верстах от Удинска русские войска подошли к неприятельскому лагерю, атаковали и захватили его. Но едва только русские прошли еще три версты, отборные монгольские отряды, насчитывавшие до 3 тыс. бойцов, атаковали стрельцов. Бой шел с полудня до ночи. На следующий день, 27 января, стрельцы заняли «пригорок», сделали там засеку и за ней отбивались еще двое суток. Монгольские тайши понесли, по всей вероятности, крупные потери и отступили, отказавшись от дальнейшего наступления к Байкалу. После их отступления Ф. Скрипицын со стрельцами вернулся в Ильинскую слободу и тотчас написал в Иркутск о срочной присылке подкреплений. В боях с монголами стрельцы потеряли половину своего состава (17 убитых и 241 раненый, в том числе сам Ф. Скрипицын)<sup>105</sup>. Новую попытку снять осаду Селенгинска русские военачальники не решались предпринимать. Письмо Ф. Скрипицына было получено в Иркутске в первых числах февраля. Местный воевода А. Синявин сразу же понял опасность и начал проводить массовую мобилизацию населения. Служба в соборной церкви Иркутска вечером 5 февраля и на протяжении 6 февраля об избавлении города от нападения была объявлена обязательной для всех жителей<sup>106</sup>. В середине февраля Ф. Скрипицын вновь торопил А. Синявина с высылкой подкреплений в Ильинскую слободу и сообщал, что дороги на Селенге контролируются неприятелем<sup>107</sup>. В этот критический для Забайкалья момент ясачное бурятское и тунгусское население активно поддержало русскую армию. Буряты проявили, «стремясь расплатиться с монгольскими тайшами за старые обиды, столь сильный боевой задор, что их пришлось удерживать во избежание новых осложнений с монгольскими князьями, не

<sup>105</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 259—262.

<sup>106</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 128, л. 40.

<sup>107</sup> Там же, лл. 48—49.

примкнувшими к Очирою»<sup>108</sup>. Иркутский воевода А. Снявин строжайше наказывал приказчику Тункинского острога О. Перфильеву уговорить бурят от самостоятельного похода, «чтоб с крайними мугальскими людьми никакой ссоры и смятения не чинили»<sup>109</sup>.

На протяжении февраля и первой половины марта русская администрация сумела восполнить потери. Из Прибайкалья (Иркутска, Верхоленска, Балаганска) Ф. Скрипицыну было прислано около 200 служилых, промышленных и гулящих людей. Из Иркутска с 50 проводниками-бурятами пришел большой обоз в 80 подвод с боеприпасами. Из Баргузинского острога подошел отряд из 20 служилых людей и 100 тунгусов. В бурятских улусах на верхней Лене, по рекам Белой и Китою собирались отряды бурят. Указано было набирать людей и в Якутском уезде<sup>110</sup>. К 15 марта в распоряжении Ф. Скрипицына, П. Грабова и А. Смаленберга оказалось 1519 ратных людей, и они выступили к Селенгинску<sup>111</sup>.

Селенгинский гарнизон находился в осаде 11 недель. Попытка прорвать осаду с помощью вылазки 4 февраля не удалась; 29 февраля монгольские тайши предприняли ожесточенный ночной штурм. Они засыпали острог «огненными» стрелами и поддерживали штурмующие отряды огнем из пищалей. Гарнизон отбил штурм. Эта неудача обострила разногласия между тайшами, возглавлявшими монгольские войска. Когда полки Ф. Скрипицына, П. Грабова и А. Смаленберга начали подходить к Селенгинску, тайши, уже испытавшие стойкость стрелцов в полевом бою, стремились уклониться от сражения. Но Шидишири «неволею» заставил их вступить в бой. Он снял осаду Селенгинска и попытался всеми своими силами атаковать русские полки в степи в 20 верстах от острога. Ф. А. Головин воспользовался удобным моментом и выслал из крепости конный отряд под командой бывшего украинского гетмана Д. Многогрешного. В новом бою, длившемся 20 марта с «обеда до вечера», монгольские войска потерпели полное поражение и ушли в пределы Северной Монголии. Попытка Д. Многогрешного их преследовать не увенчалась успехом, так как русская конница была измучена. Сохранилось предание, что заключительное ожесточенное сражение произошло в долине около Селенгинска, которая затем на-

<sup>108</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 78.

<sup>109</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 128, лл. 16—17; д. 135, лл. 37, 38.

<sup>110</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 128, лл. 68—72, 78—79; д. 135, лл. 39, 48, 50, 53—55, 59—64; д. 143, л. 12; д. 153, л. боб.; д. 524, л. 1.

<sup>111</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 23, лл. 72, 73.

зывалась «падью убиенных». К 21 марта 1688 г. осада Селенгинска была снята, и наступление Шидишири потерпело окончательную неудачу<sup>112</sup>.

Понесенное поражение существенно повлияло на расстановку сил среди халхских феодалов. Правда, захваченные пленные утверждали, будто бы Очирой Саин-хан готов был продолжить борьбу весной и на помощь разбитым под Селенгинском войскам приказал с каждого улуса собирать новых воинов и скот для их пропитания<sup>113</sup>. По всей вероятности, возобладало мнение Ундур-Гэгэна о необходимости мира с Россией. Наступлению на Забайкалье сочувствовали далеко не все халхские тайши, а Ундур-Гэгэн даже во время боевых действий продолжал отстаивать свою внешнеполитическую линию и, задерживая у себя И. Качанова, хотел «за ним поставить мир». Так, в разгар осады Селенгинска, 14 февраля 1688 г., Ундур-Гэгэн прислал к Ф. А. Головину своего посланника Манзей Балдана и И. Качанова, с которыми передал «вестовое письмо» С. Коровина, незадолго до того отпущенного в Пекин. Ундур-Гэгэн, как и Очирой Саин-хан, претендовал на бурятское население, но категорически настаивал на мирном разрешении споров. Он передавал Ф. А. Головину, что от него «повеления» о войне никогда не будет. По данным русской разведки, посланники Ундур-Гэгэна настаивали перед Шидишири о снятии осады. Сам Ундур-Гэгэн потребовал передачи ему русских пленных, которых затем он возвратил в Россию<sup>114</sup>. Переговоры с Манзей Балданом убедили Ф. А. Головина в искренности позиции Ундур-Гэгэна, и он даже сказал посланнику, что «впредь мунгальским всем владельцем, кроме кутухты, верить некому»<sup>115</sup>.

Русское правительство, информированное Ф. А. Головиным о политической ситуации в Северной Монголии, также уверилось в благожелательности позиции Ундур-Гэгэна. Еще в ноябре 1687 г. оно поручило Ф. А. Головину передать ему царскую грамоту «о всяких наших государственных делах»

---

<sup>112</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 115—116, 259—262; Иркутская приказная изба, д. 128, лл. 93—95; Н. П. Ш а с т и н а, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 141; П. С л о в ц о в, Историческое обозрение Сибири, стр. 128; В. П а р ш и н, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 95, 96.

<sup>113</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 27, лл. 1—2; В. П а р ш и н, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 171, 172.

<sup>114</sup> Н. П. Ш а с т и н а, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 137, 138; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 952, лл. 164, 165, 167; Иркутская приказная изба, д. 123, л. 11; д. 135, лл. 74, 75.

<sup>115</sup> Н. П. Ш а с т и н а, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 137.

и «жалованье», а 20 сентября 1688 г. вновь послало указ о подарках, которые следовало ему послать<sup>116</sup>.

Неудача наступления войск Очирой Саин-хана изменила также планы Кан-си. Маньчжурский двор, не отказываясь от достижения своих целей, решил пока воздержаться от нарушения перемирия. К лету 1688 г. в Пекине был выработан новый план военных действий против России. Маньчжурский двор внешне согласился на привезенное С. Коровиным предложение начать мирные переговоры и не возражал против равного количества воинов, которые должны были сопровождать полномочных представителей обеих сторон (по 500 человек). Но за этим согласием скрывались совсем иные намерения. В Пекине не случайно избрали местом переговоров Селенгинск, решив воспользоваться пребыванием Ф. А. Головина в Забайкалье. В случае отказа русского посла от уступок маньчжуры собирались отдать приказ своим войскам (а они не намерены были ограничиться обусловленными пятьюстами воинами), введенным в Северную Монголию, о наступлении в Забайкалье и одновременно возобновить военные действия против русских войск в Албазине и Нерчинске. По их расчетам, этот план давал возможность добиться сразу двух целей — победы над Россией и установления полного контроля над Северной Монголией.

В начале июня 1688 г. Ундур-Гэгэн известил Ф. А. Головина, находившегося в это время в Удинске, об отъезде из Пекина С. Коровина и маньчжурских послов с «большой ратной силой», о намерении Кан-си добиваться условий мира «воинским образом», о возвращении Очирой Саин-хана в Ургу и о подкочевке Шидишири Батур-хунтайджи к Селенгинску «с ратными людьми в сборе»<sup>117</sup>. В одной приказной справке Сибирского приказа, составленной в Москве на основе отписки Ф. А. Головина, указывалось, что маньчжуры «буде договор не учинят хотят просить бою и опасно того, только договор о миру не учинят и чтоб с мунгальскими людьми не соединились и, видя малолюдство великого государя ратных людей, и иные иноземцы к тому не пристали»<sup>118</sup>. Сведения, поступившие к Ф. А. Головину из Албазина и Нерчинска, еще более расширяли данные об общем военно-стратегическом замысле Кан-си. Еще в апреле 1688 г. монгольский тайша Ахай Дайчин известил приказчика Аргунского острога В. Милованова о приезде к нему из Китая представи-

<sup>116</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 952, л. 172; стлб. 1588, ч. I, лл. 63, 148—149.

<sup>117</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 15—21, 24, 115—116, 166—169.

<sup>118</sup> Там же, л. 225.

теля маньчжурского двора с подарками и извещением о намерении маньчжуров «неотложно» послать многих людей «войной» к Нерчинску осенью 1688 г.<sup>119</sup>

В начале июля 1688 г. маньчжурские воеводы нарушили перемирие и подвели многочисленный флот к Албазину. Командовавший флотом «боярин» Ченчун попросту решил обмануть А. Бейтона. Он заявил, что А. Бейтону не следует ничего опасаться и боя «до времени» не будет, так как он следует к Нерчинску на посольский съезд, и просил снабдить его русскими лодчанами<sup>120</sup>.

После победы над войсками Очирой Саин-хана Ф. А. Головин в конце марта — начале апреля 1688 г. продолжил начатое еще зимой укрепление Удинского острога и окрестных слобод и сбор ратных сил. Особенно интенсивно укреплялся Удинск после получения сведений от Ундур-Гэгэна о намерениях Кан-си начать наступление в Забайкалье. Из-за песчаной почвы построить там «земляной город» было нельзя, поэтому укрепления строились деревянные. Новый Удинский острог строился с трехсаженными стенами, каждая до 50 м длиною и с пятью четырехсаженными башнями. Вокруг города и слобод в три ряда устанавливались надолбы. Усиливалось также и укрепление Селенгинска<sup>121</sup>.

Ф. А. Головин предполагал пополнить свои войска бурятской конницей и промышленными людьми, набранными в Прибайкалье, и 9 мая 1688 г. намечал начать контрнаступление. По его плану войска из Нерчинска и Телембинского острога должны были наносить удар по отрядам табунутских тайшей, а войска из Удинска — «чинить промысел» над враждебными «мунгальскими улусами»<sup>122</sup>. Однако контрнаступление было отложено, возможно, из-за полученных сведений о начале наступления джунгарских войск на Халху.

Весной 1688 г. Северная Монголия находилась накануне крупнейшей в истории монгольского народа катастрофы. Появление маньчжурских войск в Северной Монголии и их поход к Селенгинску на «посольский съезд» обостряли обстановку в Монголии. Халхские феодалы, ранее отклонившие предложение Кан-си послать свои войска к ним «на помощь»,

<sup>119</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 27, лл. 3—4; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 174, 175.

<sup>120</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 281—289; Нерчинская приказная изба, д. 26, лл. 84—85; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 177—178.

<sup>121</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 293—294; стлб. 1059, лл. 222—224.

<sup>122</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 128, лл. 98, 108, 109, 120—124; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 173—174.

не могли не понимать, что ввод маньчжурских войск грозил им полной потерей самостоятельности и неизбежно вызвал бы противодействие Джунгарии. Вероятно, Галдан также допускал возможность ввода маньчжурских войск в Северную Монголию и потому весной 1688 г. ускорил вторжение своих воинских сил. В то время, когда Ундур-Гэгэн извещал Ф. А. Головина о выезде из Китая С. Коровина и маньчжурского посольства к Селенгинску, положение халхских феодалов было уже очень тяжелым. Весной 1688 г. Галдан разбил войска, находившиеся под командой сына Очирой Саин-хана, а 12 июня гонец привез Ундур-Гэгэну тревожную весть о походе к Урге джунгарских войск<sup>123</sup>. Монгольский народ оплатил дорогой ценой авантюризм своих феодалов. Их поражение в Забайкалье еще более ослабило Северную Монголию, и Галдан за короткое время сломил сопротивление войск Очирой Саин-хана, Ундур-Гэгэна, Шидишири и других ханов. Свидетель опустошения северомонгольских земель, казачий десятник Г. Кибирев рассказывал, что монгольские жилища стоят пустые, а голодающие монголы, «развоенные» джунгарами, бродят по горам и степям и «друг друга едят»<sup>124</sup>.

Монголо-джунгарская война коренным образом меняла обстановку на Дальнем Востоке. Противоречия, долгие годы назревавшие в Центральной Азии, привели Северную Монголию к национальной катастрофе, а близорукая политика Очирой Саин-хана, лелеявшего захватнические планы в отношении сибирских народов, только ускорила и усугубила ее. «Поход Галдана, — пишет Е. М. Залкинд, — роковым образом сказался на исторических судьбах Монголии, хотя его предприятие и было попыткой покончить с феодальной раздробленностью страны... Главную угрозу для Монголии представляла маньчжурская династия, только что сломившая героическую освободительную борьбу китайского народа. Бросая ей вызов, Галдан обрушился на предательских монгольских ханов и, громя их уделы, причинил столь большой ущерб народу, что уничтожил те силы, которые еще способны были противостоять маньчжурской экспансии»<sup>125</sup>.

Вторжение Галдана в Северную Монголию нарушало план военных действий маньчжурских войск, разработанный на 1688 г. Цинская империя не могла допустить «образования объединенного монгольского государства под властью ойратского Галдана-Бошокту-хана и высших иерархов лама-

---

<sup>123</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 145.

<sup>124</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 144—153.

<sup>125</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 79.

истской церкви... Вот почему борьба против Галдана с целью его полного сокрушения превратилась в одну из главных задач цинского правительства»<sup>126</sup>.

В этой обстановке богдыхан Кан-си вынужден был временно отказаться от намерения воспользоваться переговорами в Селенгинске для нового наступления в Приамурье и Забайкалье; он начал дипломатические маневры в ожидании более благоприятных условий. С. Коровин вернулся в Удинск 28 июня 1688 г. в сопровождении гонца Ундур-Гэгэна, а через месяц, 1 августа, представители маньчжурского посольства известили Ф. А. Головина в Селенгинске, что «для будущие войны у мунгалов с калмыки» идти им «на съезд невозможно» и из-за скорой осени переговоры ни в каком ином месте они вести не могут<sup>127</sup>.

Ф. А. Головин передал маньчжурским гонцам о своем намерении продолжать дипломатические сношения с Пекином для достижения договоренности о месте и времени посольского съезда и одновременно предписал И. О. Власову (в связи с подходом маньчжурских войск к Албазину) требовать от маньчжурского командования увода войск от русских границ во избежание «большой ссоры», а в случае их движения к Нерчинску поступать «воинским обыкновением». Сам Ф. А. Головин решил покинуть район Удинска и Селенгинска и следовать в Албазин, где и ждать нового посольского съезда<sup>128</sup>. Еще летом 1687 г. он заблаговременно наказывал И. О. Власову подготовить дощаники, лодки и плоты для доставки двух тысяч ратных людей из Нерчинска в Албазин<sup>129</sup>. В данной ситуации это решение было единственно правильным.

В последних числах августа 1688 г. Ф. А. Головин, оставив в Удинске 120, а в Селенгинске 164 служилых человека, вышел со своим полком (1160 человек) из Удинска в Нерчинск<sup>130</sup>. Обоз в 384 подводы был полностью обеспечен ясными людьми. В это же время маньчжурские войска вновь нарушили перемирие и уничтожили под Албазином засеянные весной пашни. Остатки гарнизона оказались перед угрозой голодной смерти. А. Бейтон на этот раз был в отчаянии. В сентябре 1688 г. он писал И. О. Власову: «Свет государь, Иван Остафьевич! Не покручинься на мое письмо, писать некому, а сам не смыслю и лежу тепере на одре шестая неделя, пить и есть нечего, с нужи и бедности пропа-

<sup>126</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 271.

<sup>127</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 299—306.

<sup>128</sup> Там же, лл. 281—287.

<sup>129</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, л. 34.

<sup>130</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 307, 308.

даю... Не дайте томною и голодною смертию умереть при конце живота своего...»<sup>131</sup>. И. О. Власову удалось снабдить Албазин хлебом и скотом, но положение там по-прежнему было трудное<sup>132</sup>.

Одновременно с этими событиями решалась судьба Северной Монголии. В августе 1688 г. маньчжурский двор, понимая беспомощность разгромленных халхских феодалов, попытался остановить наступление Галдана и склонить его к миру. Однако Галдан отклонил посредничество посла далай-ламы Цицик-Далай-хамбо. Тогда Очирой Саин-хан решил дать Галдану решительное сражение. Он знал о неравенстве сил и попросил Кан-си прислать ему на помощь войска. Однако маньчжурский двор бросил своих союзников на произвол судьбы и решил воспользоваться их тяжелым положением. Кан-си в ответ на просьбу о помощи предложил халхским феодалам отказаться от политической самостоятельности и перейти в подданство Цинской империи<sup>133</sup>.

Очирой Саин-хан, бросив Ургу, отступил к озеру Ологой. Шидишири сумел уклониться от встречи с войсками Галдана и, отойдя от русских рубежей, соединился с Очирой Саин-ханом. Там, в «крепких местах», они намеревались остановить наступление Галдана. Халхские военачальники отказались принять полевое сражение, в котором превосходящая в силах неприятельская конница быстро могла добиться успеха. Они обосновались на островах озера Ологой, а свои войска расположили на валах, возведенных вдоль берегов и укрепленных рвом. Узкие озерные перешейки они перекопали и отвели воду в рвы. Таким образом, джунгарская конница была лишена своего преимущества. Галдан окружил озеро конными «караулами», основные кавалерийские силы оставил в резерве и начал штурм земляных укреплений пехотой, вооруженной огнестрельным оружием. После трехдневного сражения халхской армии «стало не в мочь». На четвертую ночь Очирой Саин-хан и Шидишири, пользуясь темнотой, пробились сквозь ряды неприятеля и с небольшим числом людей бежали. Уцелевшие халхские части рассеялись, «не звездав друг друга, и ныне мунгальские люди все в разбеге», как рассказывали добравшиеся до русских пределов буряты — участники этой битвы. Джунгарские послы, прибывшие в Россию в 1690 г., утверждали, что Галдан преследовал своих врагов месяц, пока они не укрылись под защитой войск Кан-

<sup>131</sup> АИ, т. V, № 169/I—III.

<sup>132</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 31, лл. 3—5, 11—14; В. П а р ш и н, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 180—188.

<sup>133</sup> И. Я. З л а т к и н, История Джунгарского ханства, стр. 273.

си в пределах Китая<sup>134</sup>. Очирой Саин-хан и Ундур-Гэгэн признали себя подданными Цинской династии, и Северная Монголия на 220 лет лишилась своей самостоятельности. Северомонгольские ханы, спасая самих себя, безоговорочно отдали свою страну тем, кто последовательно добивался захвата Северной Монголии и распространения своей власти в Центральной Азии.

Проблема взаимоотношений с Галданом становилась для Кан-си первостепенной. Сначала, осенью 1688 г., пекинская дипломатия попыталась убедить Галдана уйти из Северной Монголии. Но ее миролюбивые посланки носили, разумеется, тактический характер. И. Я. Златкин вполне основательно считает, что за этим миролюбием скрывалось стремление добиться ухода Галдана, чтобы затем «освоить» Халху и «исподволь подготовиться к борьбе за завоевание самой Джунгарии, борьбе неизбежно трудной и дорогостоящей»<sup>135</sup>.

Добиваясь ухода из Северной Монголии Галдана, пекинские политики в то же время вовсе не хотели отказываться от борьбы за Приамурье, а при благоприятных условиях и за Забайкалье. Они очень опасались союза между Россией и Джунгарией. Основания к этому имелись. Во время наступления в Северную Монголию Галдан сам содействовал распространению слухов о совместных действиях с русскими войсками. Сведения об этом со слов пленных джунгар привез Ф. А. Головину из Урги С. Коровин в июле 1688 г.<sup>136</sup>. О том же в самом конце 1688 или в начале 1689 г. говорили Ф. А. Головину пришедшие в Россию от джунгарского погрома монголы. Более того, по их же словам, наступление Галдана в Северной Монголии и действия русских войск против табунутских тайшей были расценены в Пекине как согласованное совместное выступление, и потому маньчжурский двор не решался посылать новое посольство к Ф. А. Головину<sup>137</sup>.

В Москве джунгарское наступление рассматривалось как благоприятный факт, и тобольскому воеводе Ф. А. Головину 13 сентября 1688 г. была послана грамота с предписанием сообщить Галдану о благожелательной позиции русского правительства по данному вопросу<sup>138</sup>. Почти одновременно, в ноябре 1688 г., Галдан по собственной инициативе прислал

<sup>134</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 188—217, 242; Иркутская приказная изба, д. 543, лл. 9—12.

<sup>135</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 275 и сл.

<sup>136</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 147.

<sup>137</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, лл. 77—79.

<sup>138</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, л. 81; стлб. 1066, л. 173, 174.

посольство в Иркутск. Он предложил совместно вести войну против Очирой Саин-хана, готов был предоставить русским торговцам право беспошлинной торговли в своей ставке и даже отказаться от своих притязаний на население Саян в пользу России<sup>139</sup>.

Ф. А. Головин не был склонен торопиться с ответом Галдану. Он прекрасно понимал, что джунгарское наступление создавало благоприятную для России дипломатическую и военную ситуацию. Но после уничтожения маньчжурами всего урожая под Албазином он считал, что обеспечить там весь свой полк продовольствием будет трудно. Кроме того, прибытие в Албазин крупных сил маньчжуры сразу же расценили бы как намерение воевать, а обострять обстановку. Ф. А. Головин не хотел. Но больше всего его продолжала тревожить ситуация в Монголии. Он не был уверен в непреклонном стремлении Галдана бороться за Северную Монголию. Учитывая сообщения монгольских беженцев, он опасался контрнаступления весной 1689 г. Очирой Саин-хана и Ундур-Гэгэна совместно с маньчжурскими войсками. Ф. А. Головин считал, что если Галдан уйдет из Северной Монголии и войска Кан-си и Очирой Саин-хана туда вернуться, то оборонять от них Забайкалье будет крайне трудно, так как многочисленные монгольские беженцы могут затруднить оборону<sup>140</sup>. Поэтому Ф. А. Головин считал более целесообразным послать Галдану царскую «милостивую» грамоту с предложением не «учинять» никакого согласия на мир с Очирой Саин-ханом и Кан-си, не «допускать» их войск в Северную Монголию и не вступать с ними ни в какие переговоры до тех пор, пока не начнутся мирные русско-маньчжурские переговоры. Свою точку зрения, сложившуюся в сентябре 1688 г., Ф. А. Головин изложил в письме, которое было получено в Москве 27 июня 1689 г. По-видимому, оно было написано ранней весной 1689 г. Русское правительство согласилось с доводами и предложениями Ф. А. Головина и положило их в основу грамоты, уже 3 июля 1689 г. посланной Галдану<sup>141</sup>.

После, по-видимому, некоторых колебаний Ф. А. Головин прервал начатое продвижение от Удинска к Нерчинску и осенью 1688 г. основное внимание уделил северомонгольским беженцам, которые уже в июне—июле 1688 г. стали массами спасаться от джунгар в Забайкалье. В начале июля

---

<sup>139</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 79; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 162.

<sup>140</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, лл. 77—80.

<sup>141</sup> Там же, л. 81.

к Нерчинску на р. Борзя подошло 37 тунгусских юрт, а в середине месяца туда же откочевало до 2 тыс. бурят и монголов из улусов Далай-Контайши, ушедших с рек Онона и Керулена<sup>142</sup>. Часть монголов и бурят укрылась в горах около Байкала<sup>143</sup>. Тогда же, во второй половине июля 1688 г., к Тункинскому острогу вышло 60 юрт монголов, которые сообщили, что от «тягости» джунгар вскоре придут и «другие многие» беженцы<sup>144</sup>. Какое-то количество бурят, вовлеченных Очирой Саин-ханом в свое войско, после поражения у оз. Ологой также добралось к октябрю 1688 г. до русских пределов<sup>145</sup>.

Стремительное джунгарское наступление в Северную Монголию довершило политический разброд местных феодалов. Одни из них бежали вместе с Очирой Саин-ханом и Ундур-Гэгэном к китайским границам, другие перешли на сторону Галдана, третьи стали уходить в пределы России. Цецен-нойон, перешедший «в подданство» к Галдану, даже задерживал монгольских беженцев, выходивших к Тункинскому острогу<sup>146</sup>. Свообразную позицию заняли табунутские тайши. Как уже указывалось, они не признавали русского подданства, но претендовали на право кочевий в Забайкалье. К осени 1688 г. они также откочевали к р. Хилок, что вызвало у Ф. А. Головина большие опасения. Поэтому 30 сентября 1688 г. он переправил через р. Хилок 500 служилых людей и отряд из бурят и тунгусов в 300 человек и стремительным ударом нанес табунутам поражение. Деморализованные отступлением перед войсками Галдана, табунуты уже на следующий день прислали своих представителей для переговоров о принятии русского подданства. В начале октября в подданство вошло до 3 тыс. человек, из них до 1200 мужчин<sup>147</sup>. Только глава табунутов Церен-Цокулай с небольшим отрядом ушел в Монголию. После этого Ф. А. Головин сам обратился к подкочевавшим к русским рубежам монгольским тайшам с предложением войти в пределы Забайкалья и принять русское подданство. Это предложение приняли многие монголы. В январе 1689 г. И. Качанов по поручению Ф. А. Головина согласовал с монгольскими тай-

<sup>142</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1066, лл. 290—292; Нерчинская приказная изба, д. 26, л. 82.

<sup>143</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, лл. 78, 79.

<sup>144</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 295—298; Иркутская приказная изба, д. 128, лл. 168—170; д. 135, лл. 124—125.

<sup>145</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 543, лл. 9—12.

<sup>146</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 27, л. 5; Иркутская приказная изба, д. 164, л. 3.

<sup>147</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 152, 153, 158; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, лл. 337—338.

шами «договорные статьи». По этим статьям северомонгольские феодалы признавали «вечное подданство», отказывались от своих претензий на ранее объявленное бурятское население и соглашались с каждого улуса ежегодно поставлять по 50 голов крупного рогатого скота и 50 баранов в качестве «поклонных». Русское правительство обещало не проводить насильно христианизацию монголов и оставляло за тайшами их право на подвластное им население. После утверждения этих статей обеими сторонами в течение января—марта 1689 г. в Забайкалье пришло 472 юрты и до 40 представителей феодально-племенной верхушки. Этот переход встречал ожесточенное сопротивление их противников. Так, Ирдени Батур, подписавший в январе 1689 г. «договорные статьи», был увлечен назад в Монголию<sup>148</sup>. Всего в русские пределы с июля 1688 по март 1689 г. пришло из Монголии, по ориентировочным подсчетам, до 10 тыс. человек. История перехода в русское подданство северомонгольских феодалов и ухода некоторых из них затем назад, в Монголию, уже подробно исследована<sup>149</sup>, поэтому нет необходимости вновь касаться этого вопроса. Важно указать на другое. Рядовое монгольское население далеко не всегда следовало за своими метавшимися феодальными владыками и более спокойное существование в Забайкалье предпочитало разорению феодальной войны. Когда другие тайши увлекли Ирдени Батура в Северную Монголию, до 150 юрт его улусных людей вышло к Селенгинску. То же самое произошло при уходе в апреле 1689 г. в Монголию Ирдени Контазия; до 200 зависимых от него юрт также осталось у Селенгинска<sup>150</sup>. К октябрю 1690 г. из уведенных Ирки Контазием улусных людей два зайсана, его зять и 50 юрт рядовых монголов возвратились в Селенгинск<sup>151</sup>. Более того, табунутский зайсан Окин Батур летом 1689 г. по согласованию с Ф. А. Головиным выступил с отрядом в 860 человек и, перейдя р. Чикой, на Селенге разбил «немирных тайшей» (Ирдени Контазия и др.)<sup>152</sup>.

Русское правительство одобрило действия Ф. А. Головина в Забайкалье. На обороте присланной в Москву отписки Ф. А. Головина о посылке С. Коровина в Пекин, о договоренности относительно посольского съезда в Селенгинске, о срыве этого съезда и намерении самого Ф. А. Головина сле-

---

<sup>148</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1008, лл. 42—58.

<sup>149</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 80 и сл.; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 153 и сл.

<sup>150</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1008, лл. 42—58, 67, 68, 110—113.

<sup>151</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1045, л. 15; стлб. 1059, лл. 11—13.

<sup>152</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1008, лл. 4—6, 10—13.

довать в Албазин была сделана помета в декабре 1688 г.— послать грамоту с «милостивым словом»<sup>153</sup>. После сообщения о переходе монгольских и табунутских тайшей в русское подданство Ф. А. Головину в мае 1689 г. было послано «похвальное слово» и последовали награды: командному составу были сделаны специальные медали, московским и сибирским бойцам, участвовавшим в боях, — золотые копейки, прочие сибирские служилые люди получили по отрезу кумача, а албазинцы — по золотой копейке и отрезу сукна<sup>154</sup>.

Широко открывая доступ в Забайкалье беженцам из Северной Монголии, Ф. А. Головин опасался «шатости» пришедших халхских тайшей<sup>155</sup>. Весной 1689 г. после ухода Ирдени Контазия Ф. А. Головин решил впредь не принимать больше выходцев из Северной Монголии и попытался отвести уже пришедших беженцев в более глубинные районы Забайкалья, к Удинску и Итанцинскому зимовью, а выходцев-бурят связать порукой с их местными «родниками»<sup>156</sup>.

Итак, к осени 1688 г. обстановка на Дальнем Востоке складывалась для России более благоприятно. Разработанный в Пекине план наступления Очирой Саин-хана на Забайкалье, а маньчжурских войск на Албазин и Нерчинск был сорван русскими войсками; враждебная России группировка халхских феодалов разгромлена Галданом. Вмешательство Джунгарии в северомонгольские дела давало Ф. А. Головину благоприятные шансы в борьбе с пекинским правительством. После поражения, которое понес Очирой Саин-хан сначала от русских, а затем от джунгарских войск, опасность наступления враждебной России группировки халхских феодалов отпадала. Тем не менее Ф. А. Головин отказался от мысли осенью 1688 г. следовать в Приамурье. Однако основная причина, заставившая его задержаться в Западном Забайкалье, заключалась не столько в опасении монгольских беженцев, деморализованных к тому же джунгарским нашествием, и не в хлопотах по принятию их в русское подданство, сколько в боязни маньчжуро-монгольского наступления весной 1689 г. против Галдана. В случае его отступления на запад, в Джунгарию, и вступления войск Канси и Очирой Саин-хана в Северную Монголию коммуникации в Забайкалье могли оказаться под угрозой и русские войска в Приамурье отрезаны от Прибайкалья. Ф. А. Головин вновь зазимовал в Удинске и решил там выжидать до лета 1689 г. прояснения обстановки в Монголии.

<sup>153</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, л. 281об.

<sup>154</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1065, лл. 30—33, 35, 36, 45.

<sup>155</sup> Н. П. Ш а с т и н а, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 152, 157.

<sup>156</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 151, лл. 19—20.

## Заключение Нерчинского мира (1689 г.)

Русское правительство предусматривало мирное урегулирование с Цинской династией на основе сохранения целостности сибирских территорий, аборигены которых приняли российское подданство. Это стремление нетрудно заметить во всех трех наказах, которые были получены Ф. А. Головиным в декабре 1685 г., сентябре 1687 г. и июле 1688 г. В первом наказе, выработанном перед отъездом Ф. А. Головина из Москвы, русское правительство в первых же двух статьях сформулировало свою позицию в территориальном вопросе: «Учинить непременно рубеж по реке Амур, давая знать, что кроме оной реки, издревле разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка, также чтобы подданные обеих государств с одной стороны в другую за реку Амур не переходили, с ясашных людей ясака не собирали и никаких обид им не чинили; пограничные ссоры успокоить; разоренные острожки построить и людьми населить паче прежняго»<sup>1</sup>. В крайнем случае допускалась возможность размежевания границ в пределах территории, уже хозяйственно освоенной русским населением: «По последней мере учинить границу рекою Амуром по реку Быструю, или Зею, в Амур впадающая. Буде же и в сем поупрямятся, то по самой последней мере быть границею Албазину, а промыслы иметь по реке Амуру, Быстрой и по Зее»<sup>2</sup>. Правительство России не собиралось допускать уничтожения хозяйства русских переселенцев и предполагало создать условия, при которых оно развилось бы «паче прежнего». Во всех этих случаях русское правительство не имело в виду нижнее течение Амура, доподлинно не разведанное ни русскими, ни маньчжурами, но хотело обусловить свое право расширять пушные промыслы по течению Амура. Обращает на себя внимание часть формулировки наказа, где говорится, что никакая иная граница, кроме

<sup>1</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 50.

<sup>2</sup> Там же, стр. 50, 51.

Амура, не будет «крепка». В XVII в. русские политики прекрасно понимали значение Амура как весьма удобного пограничного рубежа. Русское правительство оставляло также за собой право требовать убытки с Китая за разорение русских селений, готово было провести обмен перебежчиков и пленных, кроме князей Гантимуровых с детьми, «яко принявших уже святое крещение», установить порядок посольских отношений, не ущемляющих достоинство России, и выражало заинтересованность в ввозе в Россию китайскими торговыми людьми товаров, прежде всего серебра и шелка<sup>3</sup>. Таким образом, проблема территориального разграничения представлялась русскому правительству основной во время предполагаемых переговоров. При отказе маньчжурской стороны признать возможным разграничение на данных условиях русское правительство намерено было продолжать борьбу за сохранение сибирских территорий в составе России.

Русское предложение о частичном разграничении по Амуру вовсе не означало передачу неразграниченных районов той или иной стороне. Русское правительство, предусматривая возможность установления границы по Амуру до устья Зеи или до Албазина, имело в виду именно частичное размежевание и ни в одном наказе Ф. А. Головину не допускало формулировку о переходе прочих приамурских земель «в сторону» богдыхана Кан-си или в его «владение и в державу». Допуская возможность частичного размежевания, русское правительство полагало в дальнейшем, в условиях мирных отношений, обусловить порядок разграничения остальных районов Приамурья.

Основные задачи, стоявшие перед Россией по урегулированию дальневосточной проблемы, достаточно ясно определяются первыми пунктами наказов Ф. А. Головину и усилиями, которые прилагались на протяжении всей обороны с целью задержать маньчжурское наступление. Самоотверженная защита Албазина поставила маньчжурскую армию под его стенами зимой 1686/87 г. в крайне тяжелое положение. Поэтому богдыханское правительство вынуждено было согласиться во время переговоров с Н. Венюковым и И. Фаворовым на перемирие и отвод своих войск до устья Зеи. Тем самым оно согласилось, хотя и не полностью, с предварительным требованием русского правительства об условиях посольского съезда — увести войска с российской территории и в дальнейшем ее не занимать. Никаких иных пунктов соглашения о перемирии не известно. Русское правительство полагало, что богдыхан Кан-си, обратившись в Москву с территориальными претензиями, по нормам международной дип-

---

<sup>3</sup> Там же, стр. 51.

ломатической практики должен был дожидаться приезда русского посла или присылки ответа и не начинать военных действий на российской территории. Эту точку зрения отстаивали в Пекине Н. Венюков и И. Фаворов, и ей же обязывался следовать согласно инструкции Ф. А. Головина, полученной в Нерчинске 30 ноября 1686 г., нерчинский воевода И. О. Власов<sup>4</sup>.

Однако маньчжурские военачальники, следовавшие указаниям из Пекина, затягивали отвод войск и проявляли постоянную настороженность около Албазина. Более всего они опасались прибытия в Албазин русских пополнений, и особенно Ф. А. Головина с его ратными людьми. Неизвестно, чтобы по условиям перемирия численность албазинского гарнизона ограничивалась, однако маньчжуры пропускали из Нерчинска в Албазин только «малых людей», следовавших туда с продовольствием. В конце марта или в начале апреля 1687 г. они задержали отряд казаков в 40 человек, перегонявших в Албазин гурт скота, и пропустили только 11 человек. В начале июня 1687 г., когда А. Бейтон настаивал перед маньчжурскими воеводами о дальнейшем отходе их войск от Албазина, они «много задорных речей чинили» в связи с крайне незначительным усилением гарнизона и готовы были обвинить русских в намерении нарушить перемирие и начать военные действия. А. Бейтон, располагавший в то время всего лишь сотней служилых людей, просил И. О. Власова во избежание провокаций не присылать больше подкреплений. Около Албазина постоянно находились неприятельские посты и разъезды, а маньчжурские воеводы не раз запрашивали А. Бейтона о времени прихода в Албазин Ф. А. Головина и даже считали до его приезда «дни и часы»<sup>5</sup>. Такая заинтересованность в прибытии русского полномочного представителя вовсе не объяснялась желанием ускорить начало мирных переговоров. Только в самом конце августа 1687 г., когда маньчурам стало ясно, что Ф. А. Головин не успеет до конца года достичь Приамурья, они отвели войска к устью Зеи, но отнюдь не оставили мысли о дальнейшей борьбе за Албазин. Перебежчик из маньчжурской армии рассказывал А. Бейтону о их намерении весной 1689 г. вновь осадить русскую крепость, если туда придут русские служилые люди «для войны»<sup>6</sup>. Всякое же усиление албазинского гарнизона маньчжуры рассматривали как

<sup>4</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 965, ч. II, лл. 440—442; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 40—41.

<sup>5</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, лл. 23—33, 37—40, 48—51.

<sup>6</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1588, ч. II, лл. 231—245.

вызов. Уничтожение русских пашен под Албазином осенью 1688 г. показало, что правительство Кан-си соблюдало условия перемирия лишь до тех пор, пока оно отвечало его интересам, и нарушало его, как только оно становилось для него невыгодным.

Русское правительство придавало перемирию очень важное значение. После возвращения Н. Венюкова и И. Фаворова в Москву оно обсуждалось, по-видимому, не в Посольском или Сибирском приказах, а непосредственно «во дворце», так как новый наказ Ф. А. Головину был послан 14 июня 1687 г. именно оттуда, причем за подписью очень близкого к царевне Софье и князю В. В. Голицину человека — начальника Стрелецкого приказа Ф. Л. Шаковитого<sup>7</sup>. Подписание перемирия позволяло царевне Софье надеяться на стремление к миру богдыхана Кан-си. Поэтому во второй наказ, который Ф. А. Головин получил 13 ноября 1687 г., было внесено новое существенное положение. Ф. А. Головин обязывался, как и прежде, добиваться установления мира, но ни в каком случае не нарушать перемирия и «войны же и кровопролития, кроме самой явной от них недружбы и наглых поступков, не всчинать»<sup>8</sup>. Кроме того, русские политики готовы были «по самой конечной мере» уничтожить русские селения и укрепления в районе Албазина, вывести оттуда русское население и не проводить разграничения, с тем, однако, чтобы русские и ясачные охотники могли по-прежнему там вести промыслы. При отказе маньчжурской стороны и от этого предложения Ф. А. Головину надлежало добиваться на основе уже заключенного перемирия «сие дело отложить до инаго времени, пока с обеих сторон государи согласятся посредством взаимного посольства оное дело решить, не возбраняя подданным обеих сторон в тех местах совершения договоров иметь свои промыслы»<sup>9</sup>.

Осенью 1687 г. под влиянием сообщения И. О. Власова, что маньчжуры затягивают отвод войск от Албазина, русское правительство, учитывая возможность отказа богдыхана Кан-си от переговоров, стало склоняться к более жесткой позиции. По указу от 8 октября 1687 г. Ф. А. Головину было предписано в таком случае укреплять Нерчинск. Через две недели, 24 октября 1687 г., последовал новый указ. В нем говорилось, что если маньчжурские войска от Албазина отступят и прибывшему в Даурию Ф. А. Головину «промышлять» будет не над кем, а от посольского съезда представители Кан-

<sup>7</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 53.

<sup>8</sup> Там же, стр. 54.

<sup>9</sup> Там же, стр. 53—54.

си станут уклоняться, то надлежит надежно укрепить Албазин, оставить в нем всех сибирских служилых людей, приведенных Ф. А. Головиным, а ему самому с московскими стрельцами следовать в Москву. Этот указ был подтвержден 28 января 1688 г.<sup>10</sup> На протяжении ноября 1687 г. эта точка зрения была уточнена и по указу от 23 ноября к Ф. А. Головину с новым, третьим наказом выехал подьячий Посольского приказа И. Логинов<sup>11</sup>. К Ф. А. Головину в Удинск он прибыл 7 июля 1688 г., т. е. в момент наступления Галдана на Северную Монголию. Новая инструкция соответствовала относительно благоприятно складывавшейся обстановке. Ф. А. Головину указывалось идти из Забайкалья в Албазин «с великим поспешением, не останавливаясь нигде ни для чего ни на малое время», там дожидаться приезда маньчжурских послов и во время переговоров следовать первым двум пунктам указа от 14 июня 1687 г.<sup>12</sup>, т. е. добиваться установления границы по Амуру или размежевания до Албазина с правом русских промышленных людей вести пушной промысел по рекам Зее и Буре. В крайнем случае по последнему пункту того же указа допускалась возможность ухода русского населения из района Албазина, с тем чтобы граница там оставалась неразмежеванной. На этот раз русское правительство в случае срыва переговоров отказывалось от мысли отложить «до иного времени» подписание мирного соглашения и уполномочивало Ф. А. Головина объявить Амур границей, а если правительство Кан-си учинит «какия ссоры и кровопролития, и то им, китайцам, будет самим от себя»<sup>13</sup>. Иначе говоря, вся ответственность за последующие события возлагалась на противную сторону. Таким образом, перед Ф. А. Головиным выдвигалась определенная программа: переговоры вести в Албазине, где добиваться или установления границы по Амуру, или ее частичного определения в зависимости от возможностей и обстоятельств момента. Указом от 5 января 1689 г. Ф. А. Головину разрешалось в крайнем случае разорить Албазин, а находящихся с ним тысячу сибирских служилых людей указывалось оставить в Удинске для «оберегания» «байкаловских и даурских острогов»<sup>14</sup>.

При первоначальных переговорах в Пекине С. Коровина в принципе было достигнуто соглашение по процедурным вопросам посольского съезда. Его основной пункт заключался

<sup>10</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1588, ч. I, лл. 17, 72—75, 133—134; ч. II, лл. 246—248.

<sup>11</sup> Там же, ч. I, лл. 175—176.

<sup>12</sup> Н. Б а н т ы ш - К а м е н с к и й, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 56.

<sup>13</sup> Там же, стр. 56—57.

<sup>14</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, л. 161.

в установлении равного количества войск при послах во время переговоров (500 человек). Однако информация Ундур-Гэгэна о намерении маньчжуров ввести свои войска в Северную Монголию и в случае упорства Ф. А. Головина при переговорах начать военные действия ставила под сомнение реальность этого соглашения. Становилось очевидно, что маньчжуры намеревались стянуть значительные воинские силы к месту, где предполагались переговоры. После отказа представителей Кан-си от переговоров под Селенгинском пекинские политики на протяжении 1688 г. внимательно следили за действиями Ф. А. Головина. В начале декабря 1688 г. они запрашивали в Албазине о времени и месте приезда в Китай представителя Ф. А. Головина, которого он обещал направить в Пекин еще во время переговоров с маньчжурскими гонцами 1 августа в Селенгинске<sup>15</sup>.

В этом запросе маньчжурские представители подчеркивали стремление Кан-си немедленно выслать своих послов. В связи с захватом Галданом Северной Монголии в Пекине начали серьезно задумываться о необходимости завершения борьбы с Россией. В середине января 1689 г. Ф. А. Головин направил А. Бейтону письмо с извещением о своем намерении прибыть в Албазин и о посылке гонца в Пекин через Нерчинск и Аргунский острог для установления договоренности о посольском съезде. А. Бейтон тотчас послал четырех казаков на Наун и информировал маньчжуров о письме Ф. А. Головина. Известие о его намерении прибыть в Албазин вызвало раздражение; слышались угрозы вновь погубить под Албазином засеянные поля (несмотря на уничтожение урожая маньчжурами осенью 1688 г., в мае 1689 г. пашни на амурских берегах выше Албазина были засеяны вновь)<sup>16</sup>. Казаки сообщили также о военных приготовлениях маньчжуров, заготовке провианта, постройке и ремонте речных судов. Отчет о результатах поездки казаков И. О. Власов получил от А. Бейтона 21 мая 1689 г.<sup>17</sup>.

Ехать в Пекин для переговоров Ф. А. Головин не имел права. Русское правительство, учитывая опыт Н. Спафария, не без основания полагало, что в этом случае посольство будет находиться в полной зависимости от противника. Согласно грамоте Посольского приказа, привезенной И. Логиновым, Ф. А. Головин мог при отказе маньчжурской стороны от переговоров отправить его в Пекин для согласования с правительством Кан-си условий мира. Однако в случае готовности

<sup>15</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 31, л. 2; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 163—164.

<sup>16</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 29, лл. 15, 16; д. 30, л. 4; д. 31, лл. 11—14.

<sup>17</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 29, лл. 5—10.

Кан-си выслать свое посольство навстречу Ф. А. Головину И. Логинов не должен был начинать в Пекине конкретного обсуждения статей будущего договора<sup>18</sup>.

Ф. А. Головин воспользовался предоставленным ему правом и 22 января 1689 г. отправил И. Логинова в Пекин; 9 февраля 1689 г. И. Логинов приехал в Нерчинск и ознакомил И. О. Власова, назначенного вторым членом посольства, с возможными вариантами соглашения. После двухнедельных размышлений И. О. Власов, имевший за плечами тридцатилетний опыт придворной и административной службы, пришел к мысли о целесообразности жесткой позиции на переговорах и согласился на разграничение границы до Албазина как на крайнюю меру. 23 февраля И. Логинов выехал из Нерчинска через Аргунский острог в Китай<sup>19</sup>. От его миссии во многом зависел успех дальнейших переговоров.

В пределы Китая И. Логинов попал 28 марта 1689 г. и уже на Науне от ожидавших его там маньчжурских представителей узнал о намерении богдыханского правительства вступить в мирные переговоры. Поэтому его задача ограничивалась достижением предварительной договоренности о месте и условиях посольского съезда и своевременной информацией Ф. А. Головина. Маньчжурские представители с пышной свитой сопровождали И. Логинова в Пекин и прибыли туда только 13 мая. При этом они всячески мешали русскому представителю своевременно сообщать Ф. А. Головину сведения о результатах поездки. Свою первую отписку Ф. А. Головину с сообщением о склонности маньчжурского двора к миру И. Логинов написал с Науна в первых числах апреля, но его гонца, казачьего пятидесятника С. Сенотрусова, в течение двух недель не отпускали оттуда «из-за отсутствия подвод». Только приведя в порядок своих лошадей, заморенных дальним переходом, С. Сенотрусов смог выехать в Нерчинск. До Ф. А. Головина эта отписка дошла лишь 8 июня 1689 г. Одновременно Ф. А. Головину было доставлено сообщение разведчиков из Албазина о подготовке на Амуре маньчжурами речных судов и многочисленного войска: «Множество возят запасов в нижний городок на усть Зею реку, а в том городке живут бояре, которые приходили под Албазин с войском, а войско де у них все в собранье и никуда не распущено и бусы де готовятца, да слышал де он, Никишка от китайских простых людей, а простые люди от воинских, чтоб не дать под Албазиным русским людям хлеб

<sup>18</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1016, лл. 299—306; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 59—60.

<sup>19</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 31, лл. 7—8; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 194, 195.

снять, для того что де Албазин город крепок и боем доступить его долго, а мочно мором выморить»<sup>20</sup>.

На пути в Пекин маньчжурский представитель поделился с И. Логиновым опасениями о многочисленности собранных при Ф. А. Головине войск и уверял своего собеседника в отсутствии у них войска: «Никаких собранных войск нет, да збирать де не для чего, потому что де мы, холопы ваши, присланным их, которые у нас были на Селенге, объявили, что присланы мы от вас, великих государей для посольских договоров, чтоб учинить между обоими государствами вечную дружбу, а не для войны...»<sup>21</sup>. Этот же представитель не скрыл от И. Логинова намерение богдыханского правительства послать свое посольство в Нерчинск и о подготовке речных судов, на которых по Амуру мимо Албазина повезут «посольские запасы». Есть основания думать, что к приезду И. Логинова в Китай правительство Кан-си выработало свой план действий и намеревалось его осуществлять вне зависимости от результатов договоренности с посланником Ф. А. Головина. План этот заключался, прежде всего, в том, чтобы не допустить прихода Ф. А. Головина с русскими войсками в Албазин.

Поэтому маньчжурские представители весьма охотно обсуждали с И. Логиновым мелкие процедурные вопросы, но сразу же 15 мая 1689 г. категорически объявили ему, что «съезжему месту быть близ Нерчинска, для того что мы... великие и полномочные послы пребывание свое имеем в Нерчинском, и великие де хановы послы из царства пойдут от вышеписанного числа умедля 20 дней» в сопровождении тысячи ратных людей, посылаемых «для чести» послов. К приезду И. Логинова в Китай этот план был не только разработан, но и широко известен маньчжурским властям, осуществлявшим его подготовку. Даже С. Сенотрусову на Науне удалось проведать о намерении маньчжуров посылать послов именно в Нерчинск<sup>22</sup>. Таким образом, место переговоров было определено богдыханским правительством в одностороннем порядке без окончательного подтверждения со стороны Ф. А. Головина. И. Логинов сумел все же проведать от «многих людей», что «китайского хана великие послы будут на посольской съезд со многими ратными людьми, только де сказывают, что миру гораздо ради, а под Албазин войско великое в готовности и зимовали около Зии и иных рек, да и мир де учинить хотят, чтобы Албазин им был отдан, а буде отдан не будет и у них совершенно намерено, чтоб

<sup>20</sup> В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. II, стр. 179, 180.

<sup>21</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1008, лл. 18—41.

<sup>22</sup> Там же, лл. 67, 125—130.

ево разорить. А и чиновные де люди говорят во всяких разговорах с ним, Иваном, приятно и миру желают, только де об Олбазине запность великую имеют...»<sup>23</sup>.

В июне 1689 г. Ф. А. Головин убедился в том, что предположение о возможном весеннем наступлении войск Кан-си в Северную Монголию не оправдалось. Пекинские политики не дали Очирой Саин-хану и Ундур-Гэгэну сразу же втянуть себя в войну с Галданом. Кан-си с осени 1688 г. начал длительные дипломатические переговоры, с тем чтобы помирить Галдана с его северомонгольскими противниками и убедить уйти в Джунгарию, а тем временем добиться выгодного для себя соглашения с Россией. Посредничавшие представители далай-ламы даже привозили Галдану обещание Кан-си выдать его «супостатов», т. е. Очирой Саин-хана и Ундур-Гэгэна<sup>24</sup>.

В январе 1689 г. Кан-си в своем послании Галдану даже возлагал вину за возникновение джунгаро-халхской войны на Очирой Саин-хана и Ундур-Гэгэна: «А одержанная твоя победа над калками от того зделалась, что они неправедным образом наперед тебя задрали. И потому всю вину на калков положить надлежит, а ты перед нами совсем прав... А за то, что они своим безумством подали причину к возбуждению войны, жесточайшими словами наказали»<sup>25</sup>. Свою роль третейского примирителя Кан-си продолжал играть и летом 1689 г.<sup>26</sup>, когда он готовился к переговорам с Ф. А. Головиным. Ему нужно было соглашение с Россией на основе аннексии сибирских земель, после чего он намеревался начать борьбу с Галданом за Северную Монголию. Галдан, разумеется, отнюдь не собирался освобождать Северную Монголию, требовал выдачи Очирой Саин-хана и Ундур-Гэгэна, но по не вполне ясным причинам на протяжении 1689 г. занимал выжидательную позицию. По мнению И. Я. Златкина, Галдан в 1689—1690 гг., «отдавая себе, по-видимому, отчет в подлинном значении и возможных последствиях политики цинского правительства, открыто выступившего в защиту его противников... направил свои усилия к тому, чтобы договориться о военном союзе с Россией»<sup>27</sup>. Однако этот анализ не совсем точен. Именно в 1689 г. Галдан не проявил тактической гибкости. Предлагая России военный союз, он одновременно поднял перед русскими властями вопрос, который мог только их насторожить. В конце июня 1689 г. через Тункинский острог в Иркутск прибыло совместное по-

<sup>23</sup> Там же, лл. 18—41.

<sup>24</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 157—162.

<sup>25</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 277.

<sup>26</sup> Там же, стр. 278, 279.

<sup>27</sup> Там же, стр. 280.

сольство от Галдана и перешедших на его сторону халхских феодалов Цецен-нойона, Ирдени Контазия, Мерген-тайджи, Бату Мерген-тайджи, Очир Дара-хутухбы, Манжик-тайджи. В Иркутске посольство принял Л. Кислянский, который, оставаясь иркутским воеводой, к тому времени был назначен товарищем Ф. А. Головина, «всякие наши, великого государя, дела делать заодно»<sup>28</sup>. Джунгарский посол Цокто-хошучи передал Л. Кислянскому «листы» от Галдана и вместе с другими посланцами утверждал о желании «жить в свете заодно», по-прежнему сохранять торговые связи и просил провести розыск о разграблении ушедшего из Иркутска в 1688 г. бухарского каравана. Основная цель посольства заключалась, однако, в ином. Посланцы поставили вопрос о возвращении из России посольства Ирдени Контазия, посланного еще в марте в Москву, после того как он принял российское подданство. К лету 1689 г. этот монгольский «перелет» оказался уже в подданстве у Галдана. Цокто-хошучи объяснял Л. Кислянскому, что Ирдени Контазий выступил против «приклонившегося» к джунгарам Ирдени Батура; за это брат Батура Цецен-нойон его «погромил» и под Галдана «подвел», который-де не знал о русском подданстве Контазия. В свою очередь монгольские посланники начали хлопотать за тайшей, принявших русское подданство и ныне «желающих» перейти к Галдану. Словом, посольство прозрачно и вместе с тем довольно вызывающе поднимало спор о северомонгольском населении, ушедшем в Россию от джунгарского погрома. Ничего не добившись, оно, крайне раздосадованное, 8 июля отбыло в Монголию. Реакция в Москве на это посольство была, разумеется, не в пользу Галдана<sup>29</sup>. Оно показало русским властям, что разрыва сношений между Джунгарией и пекинским правительством еще не произошло и наступления войск Кан-си и Очирой Саин-хана в Северную Монголию в 1689 г. опасаться не следует.

Ф. А. Головин это понял несколько раньше. Через две недели после получения первой отписки от И. Логинова и за несколько дней до прибытия в Тункинский острог джунгаромонгольского посольства, 23 (или 24) июня 1689 г., он со всеми ратными людьми выступил из Удинска в Нерчинск.

Вторая отписка И. Логинова с информацией о его переговорах в Пекине и о выезде маньчжурских послов была доставлена в Нерчинск И. О. Власову казачьим пятидесятником Л. Дюковым 19 июня и послана навстречу Ф. А. Головину.

<sup>28</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 952, лл. 114, 121; Иркутская приказная изба, д. 151, л. 162.

<sup>29</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 1—5, 62—79; Иркутская приказная изба, д. 151, лл. 121, 123; д. 164, лл. 15—27.

Дальнейшие события приобрели такой характер, что Ф. А. Головину и И. О. Власову больше пришлось думать об обороне, нежели о мирном договоре. Все яснее становилось, что Кан-си нарушает перемирие, заключенное Н. Венюковым и И. Фаворовым, и соглашение, достигнутое С. Коровиным, о «равенственном» числе войска при послах. Об односторонних действиях Кан-си свидетельствовало и то, что, не считаясь с требованием Ф. А. Головина, он направил посольство в Нерчинск до получения окончательного ответа русской стороны относительно места проведения переговоров.

Получив 1 июля 1689 г. вторую отписку И. Логинова, Ф. А. Головин тотчас подтвердил И. О. Власову неизменность своей позиции и наказал передать прибывшему маньчжурскому представителю, что окончательное определение места съезда (в Нерчинске или Албазине) должно произойти в августе, после его приезда в Нерчинск. В маньчжурской «подготовке» к посольскому съезду Ф. А. Головин с полным основанием увидел «воинское поведение» и поручил И. О. Власову передать противнику предупреждение о необходимости соблюдения перемирия и о неправомочности прохода их судов с войсками по Амуру мимо Албазина, «чего нигде в окрестных государствах при великих и полномочных послех и при постановлении посольских договоров не обыкло быти, и что он, дзргучей о том послом своим объявил подлинно, чтоб они, послы конечно водяным путем мимо Албазина на бусах никаким своим людям ходить не велели, чтоб от того с их стороны не дошло вновь до большие ссоры». О том же было сообщено А. Бейтону. Ему предписывалось без замедления убрать с полей созревающий хлеб<sup>30</sup>. Весной 1689 г. неприятельские разъезды появлялись около Албазина и А. Бейтон все время высылал «станции» на разведку вверх и вниз по Амуру<sup>31</sup>.

Посольские переговоры маньчжурский двор использовал для начала нового наступления. Оно началось 3 июня 1689 г., т. е. в момент выезда из Пекина маньчжурского посольства. В этот день неприятельские войска на 60 бусах подошли к Албазину. По-видимому, дожидаясь дальнейших приказов, маньчжурский воевода остановился у Албазина и даже обещал А. Бейтону не губить засеянных полей. Флот, по его словам, посылался к Нерчинску «для споможения запасами их китайских послов». 1 июля приказчик Аргунского острога В. Милованов известил И. О. Власова о вступлении мань-

<sup>30</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1008, л. 25; Нерчинская приказная изба, д. 30, лл. 15—20.

<sup>31</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 30, л. 2.

чжурских отрядов в пределы Нерчинского уезда из-за р. Аргуни. На запрос о причинах нарушения границ маньчжурские офицеры также ссылались на версию о посольских функциях их частей. Уже тогда на Шилке ниже Нерчинска они сконцентрировали табун лошадей в 800 голов<sup>32</sup>, предназначенный для подходов маньчжурской армии. 12 июля И. О. Власов узнал о движении передового отряда маньчжурских судов от Албазина и подходе его к окрестностям Нерчинска. Албазинский гонец казак Ф. Лапшинов донес И. О. Власову, что вся неприятельская флотилия насчитывает 120 бус, на которых находится до 4 тыс. солдат при 45 пушках. Следуя по Амуру, маньчжурский воевода пытался разведать о местопребывании нерчинских ясачных людей. Эти сведения Ф. А. Головину были доставлены 18 июля.

Тем временем московские стрельцы под командой Ф. Скрипицына и сибирские казаки части Т. Грабова и А. Смаленберга с вспомогательными тунгусскими и бурятскими отрядами «за великими грязями» медленно подтягивались со своими обозами к Нерчинску. Ф. А. Головин отдал приказ о боевой готовности нерчинского гарнизона, об уходе до окончания посольского съезда ясачного населения в глубь Забайкалья к Телембинскому и Еравненскому острогам. Он послал своего личного представителя В. Лутовинова навстречу посольству Кан-си, чтобы попытаться остановить подход маньчжурских войск к Нерчинску. В. Лутовинову предписывалось добиваться отхода неприятельских войск от Нерчинска в «неблизкие места» и установления равного количества войска для охраны послов под угрозой срыва переговоров. С ним был послан бурятский шуленга Бамбагай, которому поручалось «обнадеживать» местное ясачное население и противодействовать маньчжурским попыткам его «прельстить»<sup>33</sup>.

Еще 16 июля, когда Лутовинов был в пути, к Нерчинску прибыли маньчжурские гонцы и объявили о следовании посольства через степи от оз. Далайнор и о его прибытии через пять дней. Они же проговорились и о нарушении маньчжурской стороной срока выезда посольства из Пекина. По их словам, И. Логинов был отпущен из Пекина 25 мая, а посольство выехало на пятый день после его отъезда, т. е. почти на неделю раньше обусловленного срока. Нерчинский воевода И. О. Власов послал гонца Ф. А. Головину с просьбой ускорить доставку «легких людей» на помощь местному гарнизону, а сам отправил к командующему флотилией сына

<sup>32</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 32, лл. 1—5.

<sup>33</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 30, лл. 22—29; Сибирский приказ, стлб. 1008, лл. 18—41.

боярского Г. Лоншакова с требованием выше города не подниматься и не травить посевов. Маньчжуры прислали наглый ответ: идут они «для добрых дел», поставят флот, где захотят, а если мир не будет заключен «и не какая диковина и хлеб потолочить». В тот же день маньчжурская флотилия в 70 бус с 34 пушками прошла по р. Шилке и стала на версту выше Нерчинска у противоположного берега. На следующий день И. О. Власов вновь потребовал снятия контроля над проездом в город по Шилке; 18 июля маньчжуры «уступили» и поставили флот напротив Нерчинска<sup>34</sup>. В тот же день к И. О. Власову прибыли очередные маньчжурские гонцы с извещением об остановке посольства на Макарове речке за день пути до Нерчинска. И. О. Власов выслал ему навстречу с небольшим отрядом прапорщика Л. А. Нейтера, который увидел при послах целую армию более чем в 5 тыс. человек с артиллерией. Послы Кан-си передали И. О. Власову просьбу известить Ф. А. Головина о их прибытии. «Днем и ночью» с новой отпиской И. О. Власова Л. А. Нейтер поспешил к Ф. А. Головину. В страхе перед маньчжурским войском «все иноземцы, не только новые выходцы, и старые ясачные люди все розкочевались в дальные, в лесные места», но И. О. Власов продолжал опасаться их «шатости»; «ведая здешне малолюдство, обороны себе не чают»<sup>35</sup>, — писал он.

В. Лутовинов приехал в Нерчинск 22 июля, когда сосредоточение там маньчжурского войска было закончено, а посольство Кан-си расположилось непосредственно около города. На следующий день с эскортом в 30 человек он поехал к маньчжурским воеводам «с выговором» за подход к Нерчинску с ратной силой, «не обослався» с Ф. А. Головиным и ранее его приезда к границам. Маньчжуры клялись в добрых намерениях, ссылаясь на данный им «заказ за смертной угрозой» не чинить никакого разорения, и просили взять для Ф. А. Головина «лист» «о добром деле». Ничего не добившись, В. Лутовинов с этим «листом» 24 июля уехал к Ф. А. Головину<sup>36</sup>. В тот же день наконец объявился в Аргунском остроге старательно опекавшийся маньчжурами И. Логинов<sup>37</sup>.

Получив 22 июля отписку И. О. Власова о подходе маньчжурского флота к Нерчинску, Ф. А. Головин вслед за В. Лутовиновым послал второго своего представителя, подьячего Посольского приказа П. Бабаева, с новым категорическим требованием об отводе войск от Нерчинска и отъезде посольства

<sup>34</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 32, лл. 6—9.

<sup>35</sup> Там же, лл. 10—11.

<sup>36</sup> Там же, лл. 12—14.

<sup>37</sup> Там же, л. 17.

не менее чем на 15 верст от города под угрозой отказа от мирных переговоров. Несколько дней спустя он приказал И. О. Власову объявить всему ясачному населению, чтобы оно, «поставя кочевья свои в крепких местах», выслало к нему всех боеспособных людей<sup>38</sup>.

После ультиматума Ф. А. Головина, переданного П. Бабаевым 27 июля, маньчжуры поставили свой флот на Шилке против устья Нерчи, обозы расположили за Шилкой и не появлялись на путях, связывавших Нерчинск с Забайкальем<sup>39</sup>. Большого добиться от них было невозможно. В последних числах июля маньчжуры «с докукой» стали просить разрешения о посылке навстречу Ф. А. Головину их представителя с официальным приветствием. Численность подходящих к Нерчинску русских войск их явно тревожила. И. О. Власов решил выждать несколько дней, пока все войсковые части соберутся к Ф. А. Головину. «И как впредь станут об отпуске докучать и я их пропущу... а наперед их наспех пошлю с вестью казаков», — писал он Ф. А. Головину. 2 августа маньчжуры вновь стали просить о «пересылке» с русским послом, и И. О. Власов, отправив вперед В. Лутовинова, разрешил их представителям с провожатым, сыном боярским Л. Матвеевым, выехать к Ф. А. Головину<sup>40</sup>. По всей вероятности, они были поражены, увидев отряды тунгусов и бурят в составе русского войска. На восстание ясачного населения у посольства Кан-си были особые надежды. К 6 августа Ф. А. Головин собрал все свои ратные силы у Читинского плотбища и через три дня по Ингоде и Шилке достиг Нерчинска<sup>41</sup>.

Положение в Нерчинске в начале августа 1689 г. складывалось сложное. Все попытки Ф. А. Головина не дать усилением гарнизона Албазина повода маньчжурам для выступления не привели к желаемым результатам. События показали, что пекинские политики намеревались при всех обстоятельствах нарушить уже состоявшиеся соглашения и лишь использовали в своих целях соблюдение Россией этих соглашений. Маньчжурский двор во что бы то ни стало хотел добиться согласия России на его аннексию сибирских территорий и после этого начать борьбу с Галданом. Пекинские политики полагали достигнуть своей цели путем военного и дипломатического давления. Нарушив предварительное соглашение, маньчжурские войска вновь вторглись в Приамурье. Остатки истомленного осадой гарнизона Албазина не могли угрожать маньчжурам. Поэтому, оставляя Албазин в

<sup>38</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 32, л. 17; д. 30, лл. 30—36.

<sup>39</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 32, л. 19.

<sup>40</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 32, лл. 15—16, 18.

<sup>41</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1008, лл. 2—3.

своим тылу, маньчжуры, не опасаясь за свои коммуникации, начали наступление силами своего флота по Амуру к Нерчинску. Галдан в это время еще не вступал в вооруженный конфликт с Цинской династией, и ее сухопутной армии, давно готовившейся к наступлению на Нерчинск от оз. Далайнор, также ничто не угрожало. В результате наступления маньчжурам удалось захватить все приамурские берега и сконцентрировать около Нерчинска до 15 тыс. солдат с 50 пушками и многочисленный флот. В момент наступления им могли противостоять 100 служилых людей в Албазине и до 600 человек в Нерчинске. При таком соотношении сил ни А. Бейтон, ни И. О. Власов не могли и думать об активных военных действиях. После прибытия в Нерчинск Ф. А. Головина русские силы насчитывали около двух тысяч стрельцов и казаков и некоторое количество бурятских и тунгусских воинов. Трудно предугадать исход столкновения обеих армий. Оборона Албазина показала, что маньчжурские войска даже при наличии артиллерии и семи-, восьмикратного численного превосходства не могли одолеть русские части, вооруженные ручным огнестрельным оружием. Под Нерчинском в августе 1689 г. сложилось приблизительно то же соотношение сил. Правда, укрепления Нерчинска уступали албазинским.

В свою очередь русская армия под Нерчинском из-за своей малочисленности не могла вести наступательных операций. Ф. А. Головин и И. О. Власов, безусловно, понимали, что даже в случае успеха обороны под Нерчинском Албазин вряд ли удастся отстоять, а пытаться возвратить его, когда на Амуре противник имел многочисленный флот, было невозможно. Такова была необычная обстановка, в которой происходили мирные переговоры в Нерчинске.

В отечественной литературе мирные переговоры в Нерчинске были наиболее полно описаны в дореволюционное время в трудах В. Паршина, Н. Бантыш-Каменского, С. М. Соловьева, а в советское время—П. Т. Яковлевой<sup>42</sup>. Поэтому подробности переговоров достаточно хорошо известны. Правда, указанные исследователи основное внимание уделяли военному шантажу маньчжурской стороны во время переговоров и в меньшей степени придавали значение такому фактору, влиявшему на исход переговоров, как уже состоявшийся захват российских владений по берегам Амура и Аргуни летом 1689 г.

---

<sup>42</sup> В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, ч. I, стр. 104—126; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 61—65; С. М. Соловьев, История России, кн. VII, стр. 415—420; П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 162—205.

Итак, 12 августа 1689 г. под жерлами пушек Нерчинского острога, с одной стороны, и маньчжурской флотилии — с другой, в полуверсте от города между реками Шилкой и Нерчей состоялась первая встреча посольств. Россию представляли окольный Ф. А. Головин и стольник И. О. Власов. Цинский двор — Сонготу, дядя богдыхана Тун Го-ган, Лантань, командовавший маньчжурскими войсками под Албазином, и другие высшие сановники. Ф. А. Головину на первой же встрече удалось отклонить «исторические» обоснования своих противников на сибирские земли и перейти к конкретному обсуждению вопроса об определении границ. Если в грамотах, посланных в Москву в 1685 г., Кан-си настаивал на передаче ему большей части Восточной Сибири и установлении границы до Якутска, то теперь маньчжурские послы «ограничили» свои требования Забайкальем.

На следующий день — на второй встрече — маньчжурские представители отступились от своего притязания на все Забайкалье и начали требовать уступки захваченных их войсками приамурских земель вплоть до Нерчинска. Русские послы, следуя пунктам наказа, остановились на размежевании по р. Зее. Маньчжурская сторона ответила решительным отказом, а затем распространила свои притязания на территорию вплоть до Охотского моря. 14 августа послы Кан-си сняли свои шатры со «съезжего места» и, чтобы «устрашить» русских представителей и добиться их быстрее согласия на предъявленные условия, начали демонстративные военные приготовления к осаде Нерчинска. Им удалось 16 августа склонить к измене незадолго до того вернувшихся из Монголии 2000 онкотов и бурят. Это был самый напряженный момент. Маньчжуры перевезли через р. Шилку часть своего войска и подвели флот к самому городу. В ответ Ф. А. Головин и И. О. Власов начали усиливать внешние укрепления Нерчинска, а стрелецкие части и казачью конницу вывели из крепости и выстроили в боевой порядок. Тунгусское население с князем Гантимуровым было готово поддержать русские войска.

В этой, фактически боевой, обстановке русские послы продолжили переговоры через «пересыльных людей». 21 августа маньчжурская сторона, убедившись в тщетности своих военных демонстраций, отказалась от притязания на все захваченные территории и предложила установить границу по р. Горбице и Аргуни. Русская делегация вынуждена была учитывать сложившуюся обстановку. После кратковременного падения Албазина в 1685 г. положение под Нерчинском в 1689 г. было наиболее критическим, но Ф. А. Головин и И. О. Власов все же сумели отстоять часть территории, которая была захвачена маньчжурскими войсками накануне

посольского съезда. 23 августа Ф. А. Головин известил посольство Кан-си о своем согласии установить границу по Аргуни и Горбице, уничтожить Албазин и вывести из него русское население, но с тем чтобы на территории Албазинского уезда маньчжуры не основывали никаких населенных и оборонительных пунктов и разрешали русским промышленным людям вести пушной промысел. Последнее предложение маньчжуры отклонили, но согласились не заселять албазинский район, что, по существу, означало их отказ от хозяйственного освоения Приамурья. Район между р. Удью, побережьем Охотского моря, нижним Приамурьем и Приморьем после острых споров был объявлен неразграниченным. Ф. А. Головин доказал отсутствие у него полномочий решить этот вопрос; по-видимому, посольство Кан-си также не имело инструкции относительно этих земель и сняло свои требования.

Подписание договора состоялось на третьем съезде посольств 27 августа 1689 г. под стенами Нерчинска<sup>43</sup>. Условия о территориальном размежевании были внесены в первые три статьи договора. Компромиссный характер имела четвертая статья договора о «беглецах». Русское посольство категорически отказалось выдавать тунгусское население во главе с князьями Гантимуровыми и монголов, пришедших в пределы России; со своей стороны маньчжуры отклонили русское требование о выдаче русских пленных, захваченных в Албазине и в других приамурских острогах. Поэтому стороны согласились никого не разменивать, но впредь обязались выдавать всех перебежчиков. По статье пятой Россия и Китай открывали свои границы для взаимной торговли: «Каким-либо ни есть людем с проезжими грамотами из обеих сторон... приезжати и отъезжати до обеих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно». Наконец, последняя, шестая статья определяла порядок пограничного режима со строжайшим соблюдением границ и «любительными посольскими пересылками» в случае каких-либо пограничных споров.

Первое сообщение о подписании договора прибыло в Москву 31 мая 1690 г., а более подробное — 20 июня, когда правительство царевны Софьи пало<sup>44</sup>. В Посольском приказе придирчиво отнеслись к условиям территориального размежевания, и Ф. А. Головину ставились в вину задержка в Забайкалье и нарушение наказа о безотлагательном прибытии в Албазин<sup>45</sup>. Однако через месяц после возвращения в

<sup>43</sup> «Русско-китайские отношения. 1689—1916». Официальные документы, М., 1958, стр. 9, 10.

<sup>44</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, лл. 82, 83, 162, 163; стлб. 1008, лл. 304—306.

<sup>45</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 203.

Москву Ф. А. Головина и И. О. Власова, 2 февраля 1691 г., им было объявлено государево «милостивое слово» и тем самым одобрена их деятельность<sup>46</sup>.

В исторической литературе в основном оценивались результаты собственно посольской деятельности Ф. А. Головина, причем противоречиво. Г. Ф. Миллер еще в середине XVIII в. указывал на спорность прав Цинской династии на Приамурье и высказал мысль о целесообразности размежевания границ вдоль самого Амура<sup>47</sup>. А. Миддендорф видел в Нерчинском договоре лишь результат малодушия Ф. А. Головина<sup>48</sup>. По мнению известного русского востоковеда В. П. Васильева, Ф. А. Головин, поступая Амуром, не имел понятия ни о выгодах России, ни о трудном положении Китая в связи с угрозой нашествия Галдана и «под влиянием панического страха или насилия» подписал договор, выгодный исключительно для цинского Китая<sup>49</sup>. Та же мысль о неудаче Ф. А. Головина высказывалась и в некоторых других работах<sup>50</sup>. Наоборот, Сычевский и Г. Тимченко-Рубан в дипломатической деятельности Ф. А. Головина видели государственную мудрость. По мнению Сычевского, Ф. А. Головин проявил дальновидность, оставив без разграничения до «благоприятных обстоятельств» район р. Уди<sup>51</sup>. Г. Тимченко-Рубан, по существу, повторил его мысль: из-за слабости военных сил «отстаивать силою оружия поселения на Амуре нам было бы прямо невозможно... Услугу же отечеству он (Ф. А. Головин. — В. А.) вольно или невольно, но оказал несомненно, и эта услуга выразилась в той неопределенности многих пунктов Нерчинского трактата, которые всегда были бы оспариваемы...»<sup>52</sup>.

<sup>46</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 65, 66; «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 208.

<sup>47</sup> Г. Ф. Миллер, Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года, — «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», СПб., 1757, апрель, стр. 321; его же, История о странах при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением, — «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», июль, стр. 3—39; август, стр. 99—130; сентябрь, стр. 194—227; октябрь, стр. 291—328.

<sup>48</sup> А. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, СПб., 1860, ч. I, стр. 145.

<sup>49</sup> В. П. Васильев, Открытие Китая, СПб., 1900, стр. 63—69.

<sup>50</sup> См.: А. Н. Куропаткин, Русско-китайский вопрос, СПб., 1913, стр. 78.

<sup>51</sup> «Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного управления Сычевским в 1846 году», — «Чтения в обществе древностей российских при Московском университете», кн. 2, М., 1875, стр. 4.

<sup>52</sup> Г. Тимченко-Рубан, Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края, стр. 191.

В 20-х годах XX в. Б. Г. Курц отрицал какое-либо значение Нерчинского договора, ибо, по его мнению, условия договора не были претворены в жизнь, границы фактически не размежеваны, а торговля стеснялась маньчжурами<sup>53</sup>. Попытка дать подробный анализ содержания и значения Нерчинского договора была предпринята в 1958 г. П. Т. Яковлевой<sup>54</sup>. П. Т. Яковлева писала: «Столкновение из-за Амура было кратковременным и имело локальный характер, а затем был заключен Нерчинский договор о мире и торговле, на основе которого в течение 200 лет русско-китайские отношения являлись отношениями мира и возраставших взаимовыгодных торговых связей. Этот договор имел важное военное и экономическое значение для обеих стран»<sup>55</sup>. П. Т. Яковлева считает, что основная задача при заключении мира с Китаем состояла в достижении торгового соглашения. «В инструкциях (Ф. А. Головину. — В. А.), — писала она, — главное значение придавалось вопросам установления широкой, свободной и взаимной торговли с Китаем. Россия дорожила своими владениями в Приамурье и поэтому обязывала свое посольство упорно добиваться признания границей реки Амура. Однако вопрос о разграничении земель был для русского посольства в тот момент второстепенным»<sup>56</sup>. В другом месте эта мысль сформулирована еще более определенно: «Россия добивалась мира с Китаем прежде всего ради установления взаимной торговли»<sup>57</sup>. Далее она пишет: «Мир с Китаем, достигнутый Головиным в 1689 г. даже ценой потери Амура и Албазина, отвечал русским интересам», так как Россия добилась наконец взаимовыгодной торговли с Китаем<sup>58</sup>. Взгляды П. Т. Яковлевой не новы. Почти 90 лет тому назад приблизительно те же взгляды высказывал Х. Трусевич<sup>59</sup>. Ту же мысль почти одновременно с Яковлевой высказал и П. И. Кабанов. Он считал, что Ф. А. Головин, исходя из реальной обстановки, последовательно выполнял директивы правительства; пограничная черта была в мирном договоре обусловлена настолько неопределенно, что открывала «самые широкие возможности для новых переговоров об уточнении границ на Востоке». Но, по его мнению, установление торго-

---

<sup>53</sup> Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, стр. 50—55.

<sup>54</sup> П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 189—204.

<sup>55</sup> Там же, стр. 13.

<sup>56</sup> Там же, стр. 134.

<sup>57</sup> Там же, стр. 159.

<sup>58</sup> Там же, стр. 204.

<sup>59</sup> Х. Трусевич, Посольские и торговые сношения России с Китаем, стр. 29.

вых связей «было основной целью нерчинских переговоров»<sup>60</sup>. Эти выводы во многом противоречат действительной обстановке, как предшествовавшей подписанию мира, так и сложившейся после его заключения.

Нерчинский мирный договор — сложный памятник дипломатической истории России. Характеризуя его, прежде всего следует иметь в виду цели борющихся сторон и обстановку, в которой он заключался. Этот договор знаменовал начальный этап государственного территориального размежевания между Россией и Цинской империей, неизбежность которого определялась процессом вхождения восточносибирского населения в состав России и распространением русского, главным образом земледельческого хозяйства во вновь присоединенных сибирских районах. С середины XVII в. и на протяжении последовавших затем 40 лет пекинские политики пытались военным и дипломатическим путем воспрепятствовать росту международного значения России на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, затрудняяшему осуществление захватнических планов богдыханского правительства. Уже в 50-х годах XVII в. приамурское население (дауры и дючеры) испытало на себе систему урона и разорения, которая осуществлялась маньчжурскими войсками. Шестилетняя борьба (1683—1689 гг.) была наиболее крупным военным конфликтом, с которым России пришлось столкнуться в процессе присоединения Сибири. Поэтому борьбу с маньчжурской агрессией расценивать как «кратковременное» и «локальное» столкновение нельзя.

Борьба с маньчжурской агрессией продемонстрировала возможности русского хозяйства в Сибири. Основная ее тяжесть была вынесена местным русским населением, опиравшимся на материальные ресурсы своего многоотраслевого хозяйства и поддержанным сибирским аборигенным населением. Даже в наиболее трудные для России моменты враждебным агентам не удалось спровоцировать сколько-нибудь серьезные выступления ясачного населения Сибири против русских властей. На протяжении всего лишь двух десятилетий (1660—1680 гг.) упрочились торговые связи между русскими рынками и монгольскими землями, определилась внешнеполитическая ориентация отдельных феодальных кругов Монголии на развитие дружественных отношений с Россией. Наиболее дальновидные монгольские политики, как например Ундур-Гэгэн, не могли не понимать, что именно эта политика упрочивала независимость Северной Монголии. Все эти обстоятельства безусловно сказались в 1683—1689 гг.,

---

<sup>60</sup> П. И. Кабанов, Амурский вопрос, Благовещенск, 1959, стр. 21, 22.

когда пекинские дипломаты тщетно пытались добиться объединения выступления халхских феодалов против России. Указанные факторы способствовали упрочению в XVII в. политической роли России на Дальнем Востоке. Ей удалось отстоять забайкальские рубежи, локализовать маньчжурскую экспансию и тем самым спасти восточносибирские народы, а частично и монгольские племена от худших видов порабощения. В то же время, говоря о внешней политике России в XVII в. на Дальнем Востоке, ни в какой степени не следует забывать того, что Нерчинский договор, при подписании которого русская делегация находилась в крайне тяжелых условиях, фактически был ей навязан силой.

В литературе уже не раз отмечалась неясность формулировки первого пункта Нерчинского договора о территориальном разграничении восточнее устья Шилки<sup>61</sup>. Этот вопрос требует специального исследования. Но вне зависимости от окончательного его выяснения следует помнить, что Нерчинский договор был лишь началом в установлении пограничной линии между двумя государствами. Вынужденная территориальная уступка со стороны России могла иметь лишь временный характер.

Разумеется, насильственное ограничение дальневосточных рубежей России по Нерчинскому договору тормозило дальнейшее экономическое развитие всей Восточной Сибири.

Захват Цинской династией части Приамурья и гибель там русского земледелия задержали без малого на 200 лет социально-экономическое, хозяйственное и культурное развитие этого края. «После крушения дауро-дючерского земледелия к русским переходила задача возрождения и развития земледелия в этом районе»<sup>62</sup>, — писал один из крупнейших исследователей истории Сибири, В. И. Шунков. Далее он подчеркивал, что Нерчинский договор «установил русско-китайскую границу, не соответствующую фактической границе русских поселений и границе трудовой деятельности русского населения... Нерчинский договор лишь задержал дальнейшее продвижение на восток амурского земледелия, искусственно ограничил его лишь верховьями Амура, но никак не привел к катастрофе и не уничтожил его. Наличие этого верхнеамурского земледельческого гнезда в течение всего XVIII и в

---

<sup>61</sup> Г. Ф. Миллер, Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года, стр. 305—321; Г. Тимченко-Рубан, Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края, стр. 192—196; П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 195, 196.

<sup>62</sup> В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в., стр. 188.

начале XIX в. позволило позднее в условиях изменившейся политической обстановки приступить к развертыванию земледелия на всем течении Амура»<sup>63</sup>.

Тяжелые территориальные условия договора явились следствием первоначально недостаточного внимания русского правительства к обороне Приамурья и Забайкалья, а затем тактического просчета Ф. А. Головина на заключительном этапе борьбы. Усиление русской обороны началось только в 1684 г., после захвата маньчжурскими войсками бассейнов Буреи и Зеи. Немногочисленные русские силы сумели удержать Албазин — ключевую позицию на Амуре — и отразить монгольское наступление в Забайкалье. С дипломатической и военно-стратегической точки зрения русские политики верно оценили обстановку, сложившуюся к 1687—1688 гг., и отвели много внимания обороне Забайкалья и положению в самой Монголии. Однако неопределенность намерений Галдана после захвата им Северной Монголии слишком настораживала Ф. А. Головина. Опасаясь контрнаступления Очирой Саинхана совместно с маньчжурскими войсками против Галдана в Северной Монголии и нового наступления монгольских войск на забайкальские земли, Ф. А. Головин до лета 1689 г. концентрировал основное внимание на обороне Забайкалья и переоценил степень уважения пекинского двора к заключенному перемирию. Даже при тех ограниченных силах, которыми он располагал, возможно было усилить гарнизон Албазина, после чего маньчжурское наступление летом 1689 г. по Амуру на Нерчинск становилось проблематичным.

Тем не менее Цинская династия, несмотря на перевес сил, более удобную систему военных коммуникаций, нарушение предварительных мирных соглашений, прямой шантаж в момент посольского съезда и территориальный захват, не добилась основной поставленной задачи — Россия сохранила определенные позиции на Дальнем Востоке. Уже в XVIII в., опираясь на порты, созданные на Охотском побережье и на Камчатке, Россия стала в полном смысле слова тихоокеанской державой, и в ее состав вошли земли на побережье Северной Америки.

После подписания Нерчинского договора сложная обстановка на дальневосточных границах сохранялась на протяжении почти 10 лет. Выполнение условий договора затянулось до 1690 г. В сентябре 1689 г. пятидесятник А. Кондратьев привел в Нерчинск 49 албазинцев и вывез часть ценностей. Из-за наступавшей зимы эвакуировать крепостное имущество из Албазина и перенести Аргунский острог на левую сторону

---

<sup>63</sup> Там же, стр. 204—206.

р. Аргуни было невозможно. Ф. А. Головин очень опасался, что маньчжуры воспользуются этой задержкой и нарушат обязательство не заселять амурские берега. Поэтому в декабре 1689 г. он отправил в Китай сына боярского Г. Лоншакова с «листом», в котором обещал летом 1690 г. завершить выполнение мирных условий, а кстати, потребовал выдачи онкотов и бурят, ушедших в маньчжурские пределы в августе 1689 г. В Пекине Г. Лоншаков попытался также вернуться к вопросу о выдаче русских пленных. Маньчжурские чиновники подтвердили обязательство не заселять Амур; они обещали отдать ясачных людей, но уклонились от выполнения этого обещания. Что же касается русских пленных, то маньчжуры отказали в их выдаче, ссылаясь на условия договора. 22 июня 1690 г. Г. Лоншаков выехал из Пекина, и по-видимому на обратном пути, завершил перенос Аргунского острога. Вернулся он в Нерчинск только 6 сентября<sup>64</sup>. Тем временем к августу 1690 г. пятидесятник В. Смирников «разрыл» Албазин, вывез артиллерию, боезапасы, оружие, церковную утварь и с 66 казаками окончательно покинул крепость<sup>65</sup>. Так завершилась славная история Албазина, выстоявшего в тяжелой борьбе и покинутого без боя.

После подписания Нерчинского договора проблема отношений с монгольскими феодалами по-прежнему привлекала внимание русской дипломатии. Галдан после длительного колебания наконец определил свою политику в Северной Монголии. Весной или в начале лета 1689 г. против Галдана выступил его племянник, сын Сенге, Цэван-Рабдан, который захватил ставку своего дяди в Джунгарии<sup>66</sup>. По мнению И. Я. Златкина, в этих условиях Галдану ничего не оставалось, кроме борьбы за Северную Монголию. Из своей походной ставки, разбитой в верховьях Селенги на урочище Хобдо, он в феврале 1690 г. прислал в Иркутск к Ф. А. Головину посла зайсана Дархана с «листом». Галдан извещал о своем намерении продолжать войну с халхскими феодалами и просил поддержать его русскими войсками. О возможной войне с Китаем в это время джунгарский посол дипломатично умолчал, хотя продолжение борьбы с Очирой Саин-ханом безусловно ее подразумевало. Еще во время переговоров в Нерчинске с маньчжурами Ф. А. Головин отклонил обсуждение каких-либо вопросов относительно Северной Монголии, ссылаясь на отсутствие у него полномочий и неопределенность там политического положения. Официального соглаше-

<sup>64</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 80—82, 294, 304, 487—491, 493.

<sup>65</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1044, лл. 117—119, 295—299; В. Паршин, Поездка в Забайкальский край, стр. 196—202.

<sup>66</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 279.

ния о прекращении военных действий между Россией и группировкой Очирой Саин-хана не состоялось. Поэтому Ф. А. Головин передал Галдану о готовности к совместной борьбе с «неприятельскими мунгальскими людьми» и просил информировать о ходе военных действий и предложениях, которые будут поступать к Галдану со стороны маньчжуров. С джунгарским послом Ф. А. Головин послал «для полного разведования» иркутского казака Г. Кибирева. По поводу этих переговоров Н. П. Шастина делала предположение: «Неизвестно, каков был бы ход событий второй половины 1689 г., если бы Галдан выступил со своим предложением на 8—9 месяцев раньше, когда Головин просил прислать из Москвы официальную грамоту к ойратскому князю, который, по его мнению, мог бы стать его союзником в предстоящих переговорах»<sup>67</sup>. При всей заманчивости такого допущения не следует забывать, что Ф. А. Головин по-прежнему недоверчиво относился к Галдану и наказывал Г. Кибиреву выяснить, не заключил ли он какого-либо соглашения с Кан-си и не предусматривает ли возобновления спора о монголах, ушедших от его погрома в Забайкалье<sup>68</sup>. К марту того же, 1690 г. в Селенгинске стало известно о сношениях с монгольскими тайшами, оставшимися на р. Толе, Ундур-Гэгэна и Очирой Саин-хана, которые со своими сторонниками кочевали около Калгана «по край китайских людей», и о сборах Галдана в поход с 70-тысячным войском<sup>69</sup>. К июню 1690 г. Галдан прошел Северную Монголию и оказался в шести днях пути от Нерчинска, куда 25 июня к воеводе Ф. Скрипицыну прибыл его посол Аюка Дархан уже с предложением заключить союз против Кан-си и халхских феодалов. Галдан наказывал послу передать: «Я крепко в правде стою и тебе б то все возвестить, чтоб их государский указ також де ко мне с послами обо всем был прислан»<sup>70</sup>. О дальнейших дипломатических усилиях этого посла сохранились известия в донесениях иркутского и тобольского воевод—Л. К. Кислянского и С. И. Салтыкова. В Иркутске Аюка Дархан предлагал России продолжить войну с Кан-си и очистить Амур от неприятеля «до моря». В этот момент Галдан вполне серьезно рассчитывал на объединение с русскими силами и предполагал укрепиться и построить «город» у озера Далайнор, т. е. около самой

<sup>67</sup> Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII в., стр. 164.

<sup>68</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 83—88; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 165, 166.

<sup>69</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, лл. 14—17.

<sup>70</sup> Там же, лл. 69, 70, 73—76; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 168, 169.

русско-китайской границы в непосредственной близости от Нерчинска. Приехав в Тобольск в августе 1690 г., джунгарский посол просил пропустить его в Москву для переговоров<sup>71</sup>. Летом 1690 г. начались военные действия между войсками Кан-си и Галдана. После блестящего первоначального успеха Галдан вторгся в пределы Внутренней Монголии и в августе в местности Улан-Бутун столкнулся с основными силами Кан-си. Основываясь на реляции командующего цинской армией, И. Я. Златкин пишет, что 1 августа в решительном сражении Галдан потерпел поражение, после чего его армия стала отступать в район Кобдо<sup>72</sup>. Русские источники не подтверждают эту версию. Г. Кибирев, находившийся при войске Галдана, рассказывал только о сражении 1 сентября 1690 г., когда Галдан, углубившись в «китайское царство» на 10 дней пути, на р. Шандахае нагнал Очирой Саин-хана и Ундур-Гэгэна и столкнулся с подошедшей маньчжурской армией в 100 тыс. человек. Сражение продолжалось с середины дня до темноты и кончилось отступлением маньчжуров и монголов. Далее Галдан откочевал на р. Онон (приток Шилки) и уничтожил поставленные там около русской границы маньчжурские части. Приблизительно та же версия была передана в Удинске двумя бурятскими шуленгами, вышедшими в ноябре 1690 г. из Монголии. Они рассказывали о бое, состоявшемся в двух днях пути от Малого Калгана, о победе Галдана, пленении дяди Кан-си Тун Го-гана, осаде Калгана и намерении Галдана зимовать около озера Далайнор<sup>73</sup>. Одновременно Галдан предпринял новую настойчивую попытку получить поддержку от России. В январе 1691 г. с Г. Кибиревым в Нерчинск прибыло новое джунгарское посольство во главе с Ачин-Кашка<sup>74</sup>. Г. Кибирев представил подробнейший отчет (статейный список) о своей посольской деятельности с интереснейшими данными о положении в Монголии и начале джунгаро-маньчжурской войны. Ачин-Кашка выражал крайнее сожаление Галдана по поводу заключения Нерчинского мира: «Не ведал де Бушухту хан их, что были в Нерчинску китайские послы; а толко б де про то ведомо было, поспешили б де от него великие войска, ино так бы де с ними пословатца». По словам Ачин-Кашка, Галдан будто бы даже предполагал наступать в Маньчжурию к Науну и послал к Кан-си «с выговором, чтоб он, богдыхан великих государей Албазинской город построил лутче прежняго, и разо-

<sup>71</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, лл. 88, 89, 104, 109.

<sup>72</sup> И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, стр. 284—295.

<sup>73</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 144—153, 238—248; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 120, лл. 5—8.

<sup>74</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 138—143; стлб. 1098, л. 260; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 120, л. 31.

ренье заплатил и реку Амур очистил до моря»<sup>75</sup>. В начале марта 1691 г. в Ильинской слободе под Удинском состоялись переговоры между джунгарским посольством и иркутским воеводой Л. К. Кислянским. В присланном «листе» Галдан явно торопил русских дипломатов с принятием решения: «А как великое дело на чем учинится и договор, а после того для того письмо послано с посланцом, а послан он на срок, чтоб ему приехать скорым делом, и в том бы учинить радение, и после того какое учинитца дело и вам бы радение учинить заедин собча, мне и себе чтоб учинить все доброе»<sup>76</sup>. Джунгарские послы, обнаружив безусловные познания в географии, вновь утверждали, что богдыхан «вклепался напрасно» на Амур, так как ниже Албазина вниз по реке никаких маньчжурских городов и слобод нет и не бывало<sup>77</sup>. Мысль о стремлении Кан-си захватить чужую землю проводилась и в джунгарской грамоте, присланной в Москву. В этой грамоте Галдан призывал к союзу против любых неприятелей, к развитию торговых связей и доброжелательному разрешению пограничных ссор<sup>78</sup>. Вопреки указу о запрещении пропускать джунгарские посольства в Москву Л. К. Кислянский все же решил отправить Ачин-Кашка в Москву, опасаясь «ссоры» с Галданом<sup>79</sup>. Однако тобольский воевода С. И. Салтыков задержал посла и стал дожидаться официального разрешения из Москвы. В Сибирском приказе отрицательно отнеслись к инициативе Л. К. Кислянского. Первоначально 25 октября 1691 г. глава приказа князь И. Б. Репнин приказал отписать в Тобольск о возвращении посла назад. Только под влиянием вернувшегося в Москву Ф. А. Головина И. Б. Репнин 25 декабря согласился, как исключение, ввиду «вспоможения» Галдана в борьбе с Очирой Саинханом пропустить посольство в столицу. В апреле 1692 г. Ачин-Кашка добрался до Москвы. Переговоры с ним затягивались, и только 21 ноября в Столовой палате состоялся царский прием. Русское посольство отклонило предложения Галдана и его просьбу о продаже оружия, пушек и боеприпасов<sup>80</sup>. Холодность этого приема, по-видимому, объяснялась не только нежеланием воевать на Дальнем Востоке. Русское правительство, по всей вероятности, сочло бесперспективным строить какие-либо дипломатические планы в расчете на

<sup>75</sup> ДАИ, т. X, № 67/XXVIII.

<sup>76</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, л. 167.

<sup>77</sup> Там же, л. 200.

<sup>78</sup> Там же, лл. 230—233.

<sup>79</sup> Там же, лл. 154—156.

<sup>80</sup> Там же, лл. 248—250; ч. II, лл. 265, 361—367, 508, 517; Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 171—172.

Галдана в связи с выступлением против него Цэван-Рабдана и не хотело ввязываться в междоусобную борьбу среди джунгарских феодалов. В апреле 1691 г. стало известно, что младший брат Галдана Мунчук перешел на сторону Рабдана. Галдан, по-видимому, потерпел поражение весной 1691 г., после чего начал отступление в Джунгарию. В июне 1691 г. у томского воеводы С. Путьятина Цэван-Рабдан через своего посланника Малай-Кашка проводил зондаж о возможности принятия русского подданства. Мятежный племянник явно опасался за исход борьбы. В июле 1691 г. посланник Галдана появился в Томске и известил о его приходе на р. Кемчик (верховья Енисея). В октябре 1691 г. в Тобольске от посланника Дархан Гелюка стало известно о возвращении Галдана в Джунгарию, на урочище Кырмычак, находившееся в 20 днях пути от Ямыш-озера<sup>81</sup>.

О переговорах между Россией и Джунгарией стало известно в Пекине. Известия о них вызвали там явное волнение. 10 января 1691 г. в Нерчинск прибыл маньчжурский дипломатический представитель Кишты с письмом к И. О. Власову от «большого и думного боярина» Сонготу. Содержание письма свидетельствовало о боязни русско-джунгарского союза. В любезном тоне Сонготу прежде всего вспомнил встречу во время переговоров в Нерчинске: «Мы с лица на лицо сошлись и обжились промеж собою советством». Эту мысль далее он еще более уточнил: «Вместе сошлись, накрепко ожились, чтоб в вечном советстве жить». Сонготу предостерегал о захватнических планах и коварности джунгар, которые «промеж нами обманом ходят», и дипломатично просил не помогать им войсками: «Ваши б люди с ними не мешались, чтоб их не побить». В конце письма Сонготу не смог скрыть явной озабоченности и просил прислать ответ «наскоро». Нерчинский воевода Ф. Скрипицын снесся, по всей вероятности, с Тобольском и в июле 1691 г. с пятидесятником А. Плотниковым послал в Пекин успокоительный ответ<sup>82</sup>. Маньчжурские власти простерли в этот момент свое внимание до того, что в виде исключения приняли на свой счет содержание многочисленного русского торгового каравана, прибывшего летом 1691 г. в Китай с А. Плотниковым<sup>83</sup>. Эти любезности, впрочем, не произвели впечатления в России. В июне 1691 г. из Москвы был послан в Тобольск тайный наказ сибирской разведке «наскоро» проведывать из Иркутска о по-

<sup>81</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. I, лл. 253, 255, 256—258; стлб. 1038, лл. 219—224, 234—235, 237, 238, 342—343.

<sup>82</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 36, лл. 89—95, 98—110; Сибирский приказ, стлб. 544, ч. II, лл. 272—274, 303, 356—358; стлб. 1555, лл. 12—14.

<sup>83</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. II, лл. 398—400.

ложении на границе — не заметно ли там каких-либо «воинских замыслов» маньчжуров<sup>84</sup>.

Пекинское правительство беспокоила не только опасность русско-джунгарского союза. С конца 1690 г. из порубежных монгольских районов в русские пределы начало уходить население. За короткое время оно успело почувствовать маньчжурское иго, усугублявшееся тяготами маньчжуро-джунгарской войны. В конце 1690 г. к Нерчинску прикочевало до 200 бурятских юрт ботороева рода, ушедших вместе с онкотами к оз. Далайнор в 1689 г. В Монголии эти буряты были вовлечены в войско Галдана и после его боев с войсками Кан-си, Очирой Саин-хана и Ундур-Гэгэна ушли в Россию. Вслед за ними в ноябре 1691 г. в Нерчинск оттуда же пришло еще 400 бурятских юрт, также ушедших за рубеж в 1689 г.<sup>85</sup> Маньчжурское правительство решило вернуться к вопросу о дальнейшем пограничном разграничении, с тем чтобы распространить условие 6-й статьи Нерчинского договора о возвращении всех перебежчиков на население Северной Монголии, которое богдыхан Кан-си с 1691 г. рассматривал как официально ему подвластное. Г. Лоншаков во время своего пребывания в Пекине весной и летом 1691 г. слышал «в разговорах» даже о намерении маньчжурского правительства послать своих послов в Москву. В январе 1692 г. Сонготу прислал Ф. И. Скрипицыну официальное письмо с просьбой начать переговоры об определении границы между Халхой и русской территорией, отклоненные в 1689 г. Ф. А. Головиным<sup>86</sup> на том основании, что Северная Монголия была независимой страной и за нее никто не вправе решать вопросы о ее границах. Первоначально русское правительство, руководствуясь договоренностью, достигнутой в Нерчинске о возобновлении переговоров для дальнейшего размежевания границ, 25 ноября 1691 г. решило согласиться на приезд в Москву маньчжурского посольства<sup>87</sup>. Об этом в мае 1692 г. были посланы соответствующие указания в Иркутск и Нерчинск. Правда, из-за отсутствия данных трудно судить о готовности русского правительства обсуждать вопрос именно о монгольской границе. Однако русское правительство, настороженно следившее за исходом джунгаро-маньчжурской войны, прежде чем принимать какие-либо конкретные решения относительно русско-монгольской границы, решило предварительно выяснить реакцию в Пекине на Нерчинский договор и перспективы дальнейших отношений с Китаем. Для

<sup>84</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1059, л. 190.

<sup>85</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 120, лл. 1—3, 5—8; Нерчинская приказная изба, д. 36, лл. 5—12.

<sup>86</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. II, лл. 504—506.

<sup>87</sup> Там же, лл. 387, 388; ДАИ, т. X, № 67/XXX.

этой цели в январе 1692 г. было решено послать с торговым караваном полуофициальную миссию в Пекин, во главе которой был поставлен Избранд Идес. Записки Избранда Идеса и одного из его спутников, Адама Бранда, а также статейный список посольства служат важным источником по этнографии народов Сибири и истории дипломатических сношений с Китаем<sup>88</sup>. Официальная задача Идеса заключалась в выяснении отношения маньчжурского двора к договору 1689 г., возможности возвращения ушедших бурят и онкотов, а также русских пленных и в достижении договоренности о развитии торговых связей; русское правительство хотело добиться фактического установления двусторонней торговли, привлечения китайских купцов на русские рынки и получения из Китая серебра и драгоценных камней<sup>89</sup>. Маньчжурский двор отклонил просьбу и предложения русского правительства. Тем не менее посольство Идеса нельзя считать безрезультатным. Задачи информационного порядка посольство в основном выполнило. Идесу удалось выяснить, что богдыхан Кан-си удовлетворен условиями договора и не предполагает нарушать мира<sup>90</sup>. Идесу стало также известно, что богдыханское правительство решило добиваться согласия России на размежевание монгольской границы путем стеснения торговых связей, установление которых гарантировалось Нерчинским договором. Вернувшись в Москву, он извещал царя Петра I: «Буде отделение монгольской земли вскоре учинено не будет, то не чаает, чтоб китайцы торговлю поволрили, а как то учинится и тогда продолжение торговли чаает и буде купчина пойдет явным именем, то доброй торговли ожидать возможно»<sup>91</sup>. В это же время китайские торговцы узнали от русских купцов о возможностях русских рынков, и Идес узнал от них «в разголоске» слух о намерении маньчжурского правительства послать в Россию посольство вместе с купцами<sup>92</sup>. После возвращения посольства Идеса в Москву правительство Петра I решило сохранять сдержанность по отношению к маньчжурскому двору. В ноябре 1696 г. нерчинским властям был послан из Москвы наказ: на маньчжурские запросы отвечать, что Галдан воюет с Кан-си самостоятель-

---

<sup>88</sup> Избранд Идес и Адам Бранд, Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695), М., 1967.

<sup>89</sup> Там же, стр. 337, 338; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 67, 68.

<sup>90</sup> Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 74; Избранд Идес и Адам Бранд, Записки о русском посольстве в Китай, стр. 343—346.

<sup>91</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1283, ч. I, лл. 124—133.

<sup>92</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1185—1186, л. 39.

но, помощи ему Россия не оказывает, и потому нет оснований нарушать условия мирного договора и создавать помехи торговым связям<sup>93</sup>. Главе русского торгового каравана в Пекин С. Лянгузову в 1697 г. было наказано сообщить пекинскому двору о том, что русское правительство готово прислать своих представителей для переговоров о монгольской границе, но не может этого сделать «за многою войною в степях калмыков с мунгалы». С. Лянгузову поручалось, кроме того, сделать запрос о причинах посылки маньчжурского отряда в 3 тыс. человек к монгольским тайшам, кочевавшим недалеко от Селенгинска, и передать очередной протест против набегов этих тайшей на Забайкалье. В целом же С. Лянгузову рекомендовалось в словах быть «осторожну»<sup>94</sup>.

Одновременно с посылкой в Пекин Избранда Идеса сибирская администрация со своей стороны пыталась нормализовать положение на границе. В 1692 г. из Иркутска через Нерчинск был отправлен в Китай сын боярский С. Молодой для переговоров о выдаче ушедших из русского подданства табунутов и с протестом против их набегов на Забайкалье<sup>95</sup>. Маньчжурские власти отнюдь не предполагали выдавать табунутов, но в то же время старались явно не обострять отношений с Россией. В сентябре 1694 г. на р. Толу в монгольские улусы прибыл маньчжурский чиновник «для всякой росправы» и приказал вернуть отогнанный из Забайкалья скот. Пограничные «ссылки» с маньчжурскими представителями по поводу налетов продолжались и в дальнейшем<sup>96</sup>. В начале 1695 г. из Иркутска в Китай был послан сын боярский С. Шестаков с новым протестом против отгона скота табунутами и помех русским торговым людям со стороны маньчжурских властей. На этот раз маньчжурские власти предупредительно известили русского гонца о своем плане борьбы с Галданом, о возможном отступлении его войск к русским рубежам и тем самым заранее попытались отвести дальнейшие русские протесты<sup>97</sup>. Из-за постоянных набегов в Забайкалье, особенно участвовавших с 1695 г., в русских острогах жили с «большим береженьем» и «тайным обычаем» все время стремились проведать о замыслах монгольских тайшей<sup>98</sup>. Табунутское население, спровоцированное к уходу из России в 1692 г., в Северной Монголии попало в очень

<sup>93</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 795, л. 190.

<sup>94</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1555, лл. 23—28.

<sup>95</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 281, лл. 4—19.

<sup>96</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 201, лл. 83—91, 144—148.

<sup>97</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 377, лл. 67—72; Сибирский приказ, стлб. 1555, лл. 15, 16.

<sup>98</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 344, лл. 8, 9; д. 350, лл. 7, 8, 15, 61, 81, 82; ДАИ, т. X, № 67/XXXIV.

тяжелое положение, так как его разоряли войска и Галдана и Кан-си. В декабре 1695 г. к Селенгинску вернулся со своими людьми табунут Окин-зайсан<sup>99</sup>. В 1696 г. к Нерчинску попытались выйти семь монгольских тайшей с многочисленными улусами. Маньчжурским войскам удалось их задержать; только тайша Шандукугун с 70 своими людьми пришел в Нерчинск. Остальные 640 человек из его улуса остались в Монголии<sup>100</sup>. В связи с этими уходами маньчжурские власти в свою очередь стали присылать сибирским воеводам протесты<sup>101</sup>. Чтобы воспрепятствовать уходу населения Северной Монголии в Россию, маньчжуры прибегли к своему излюбленному средству и «загнали» к 1699 г. табунутов к Великой Китайской стене; 500 юртам удалось вновь уйти в Монголию. Спасаясь от погони, они хотели вернуться в Забайкалье, но, по-видимому, не сумели<sup>102</sup>.

К 1696 г. Галдан потерпел окончательное поражение и вскоре умер. После окончания маньчжуро-джунгарской войны в Северную Монголию стали возвращаться бежавшие в пределы Китая халхские феодалы. Маньчжурам уже ничто не мешало укреплять свою власть в Северной Монголии, и богдыханское правительство стало действительно стремиться к нормализации пограничного режима и «крепко наказывало» подвластным им монголам с русскими «ссор» не заводить<sup>103</sup>. Е. М. Залкинд, изучавший историю бурятского населения Забайкалья, отмечал, что в начале XVIII в. на русско-монгольских рубежах проявлялась тенденция к нормализации отношений и «фактически устанавливается граница, еще слабо охраняемая, еще не признанная никаким договорным актом, но уже серьезно и не оспариваемая»<sup>104</sup>. Эта фактически установившаяся граница была санкционирована в 1727 г. Буринским трактатом.

В результате событий 60—90-х годов XVII в. внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке сильно изменилась. С конца XVII в. она целиком стала определяться только взаимоотношениями между Россией и богдыханским Китаем. Официальное урегулирование этих взаимоотношений имело длительную историю — с конца XVII и до второй половины XIX в. Нерчинский мирный договор был только первым этапом в этой истории.

<sup>99</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1555, лл. 29, 30; Иркутская приказная изба, д. 88, л. 65; д. 377, лл. 5—9; д. 394, лл. 3—9.

<sup>100</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 377, лл. 15, 16.

<sup>101</sup> ДАИ, т. X, № 67/XXXII.

<sup>102</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 457, лл. 47, 48.

<sup>103</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 385, лл. 10, 13—17, 32—34; Сибирский приказ, стлб. 1422, ч. III, лл. 578—584; ДАИ, т. X, № 67/XXXVI.

<sup>104</sup> Е. М. Залкинд, Присоединение Бурятии к России, стр. 110, 111.

**Русско-китайская торговля через Нерчинск в конце XVII в.**

После подписания Нерчинского договора русское купечество сразу же воспользовалось открывшейся возможностью упрочить ранее определившиеся торговые связи с Китаем.

Период 1689—1697 гг., когда еще не было организовано государственной торговли с Китаем, составил определенный этап в истории русско-китайской торговли. Его отличительная особенность заключалась в том, что развитие внешней торговли с Китаем было результатом активной деятельности почти исключительно русского купечества. Из-за джунгаро-маньчжурской войны русские кунцы не могли использовать пути в Китай через Северную Монголию. Поэтому они стали использовать в качестве отправного пункта Нерчинск, откуда караваны шли к Науну и далее в Пекин. Поскольку события в Монголии в 80—90-х годах нанесли сильный удар бухарской торговле, русское купечество, опиравшееся на свою торговую приграничную базу в Нерчинске, сразу же заняло господствующее положение в вывозе китайских товаров в Россию. В первое же десятилетие товарооборот через Нерчинск достиг таких значительных размеров, что стал соперничать с оборотами русской внешней торговли со Средней Азией, имевшей за собой вековую историю, и превосходил обороты торговли с Западом через Псков, Тихвин, Смоленск.

Государственная торговля с Китаем, которую русское правительство стало организовывать только в последние годы XVII в. на основе уже вполне сложившихся экономических взаимоотношений, созданных усилиями русского купечества, довольно подробно исследована в старых работах А. Корсака, Х. Трусевича, Б. Курца<sup>1</sup>. На период же частнокупеческой инициативы только недавно было обращено внимание.

Анализ русско-китайской торговли в 1689—1697 гг. пока-

<sup>1</sup> Б. Г. Курц, Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст., Киев, 1929; Х. Трусевич, Посольские и торговые сношения России с Китаем; А. Корсак, Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем, Казань, 1857.

зывает, что Нерчинский договор лишь создал более благоприятные условия для развития экономических взаимоотношений между Россией и Китаем, уже сложившихся к 80-м годам вопреки политике богдыханского двора. Эти взаимоотношения определялись уровнем развития рынков обоих государств, в частности созданием сибирских областных рыночных связей и включением сибирских торговых центров в систему складывавшегося всероссийского рынка. Существенной слабостью торговли с Китаем был ее односторонний характер. Богдыханское правительство вынуждено было считаться с заключенным соглашением с Россией и с запросами китайских рынков, но оно не хотело способствовать развитию китайского купечества и не разрешало ему выезжать за пределы страны, в частности на сибирские рынки. Поэтому торговые операции в основном совершались только на китайских рынках, когда в Пекин прибывали русские купеческие караваны.

По условию, поставленному маньчжурскими властями, русские караваны могли приходить в Пекин один раз в три года, но фактически в течение 1689—1698 гг. они ходили почти ежегодно. Часто отправление караванов совпадало с отъездом из Нерчинска в Китай дипломатических русских представителей. В таких случаях создавались объединенные караваны под единым конвоем.

Уже в декабре 1689 г. в Китай проследовал первый торговый русский караван. Он был отпущен по разрешению самого Ф. А. Головина, прямо «из разрядного шатра» одновременно с сыном боярским Г. Лоншаковым, о миссии которого упоминалось выше<sup>2</sup>. Посылкой этого каравана Ф. А. Головин преследовал, конечно, и дипломатические цели, стремясь подчеркнуть важность условий только что подписанного мирного договора. В то же время быстрота, с какой русские купцы сумели организовать такое сложное предприятие, свидетельствует об их заинтересованности в торговле с Китаем и знании ее. Состав торговцев был весьма показательным: в основном они были представлены приказчиками, лавочными сидельцами и «людьми» крупных оптовиков, гостей Евстафия Филатьева, Семена Лузина, Ивана Ушакова и Гаврилы Никитина<sup>3</sup>.

В июне 1691 г. из Нерчинска отправился второй, более многочисленный торговый караван, во главе которого был поставлен нерчинский пятидесятник А. С. Казаринов<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 544, ч. II, лл. 294—302.

<sup>3</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1063, лл. 169об.—178об.; стлб. 544, ч. II, л. 278.

<sup>4</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1063, лл. 179—204; стлб. 544, ч. II, лл. 398—400; Иркутская приказная изба, д. 36, лл. 96—100, 119—121.

В ноябре—декабре 1692 г. с иркутским сыном боярским С. Молодым вышел третий караван<sup>5</sup>.

В июле 1693 г. из Нерчинска в Китай выехал русский посол Избранд Идес. Под прикрытием его конвоя отправился новый многолюдный купеческий караван, состоявший почти целиком из агентов гостей<sup>6</sup>.

Пятый караван двинулся в путь в мае 1695 г.<sup>7</sup>, шестой — в 1696 г.<sup>8</sup>, седьмой — в июле 1697 г.<sup>9</sup>. Состав участников караванов виден из следующих данных:

	1689 г.	1691 г.	1692 г.	1693 г.	1695 г.	1696 г.	1697 г.
Агенты гостей и купцов гостинной сотни	9	23	1	26	5	17	2
Торговые люди . . .	4	12	—	2	13	13	8
Промышленные, гулящие, работные люди	более 35	42	17	158	98	113	...
Служилые люди (в том числе конвой)	40	19	37	23	41	...	...
Всего . . .	88	96	55	209	157	...	...

Таким образом, представители крупного купеческого капитала (гостей и купцов гостинной сотни) занимали преобладающее положение в русской караванной торговле с Китаем по сравнению с прочими торговыми людьми. Восточная караванная торговля ввиду сложности ее организации и необходимости больших капиталовложений была доступна только состоятельному купечеству.

Торговля «в Китайях» была трудным, хлопотливым и, главное, очень длительным предприятием, требовавшим значительных капиталов и многочисленного штата агентов и работных людей. Только одно расстояние от Москвы до Пекина почти в 9 тыс. верст определяло длительность товарооборо-

<sup>5</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 90—120; кн. 1063, лл. 206—213; Иркутская приказная изба, д. 281, лл. 4—19. П. Т. Яковлева ошибочно датирует отправку каравана А. С. Казаринова летом 1690 г., а каравана, ушедшего с С. Молодым, декабрем 1691 г. (см.: П. Т. Яковлева, Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.), — «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», М., 1966, стр. 135, 137).

<sup>6</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1063, лл. 230—240; кн. 1037, лл. 90—120, 206—250, 255—317.

<sup>7</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 411—429, 463—480, 495—500; кн. 1124, лл. 1—49, 122—205; Иркутская приказная изба, д. 344, лл. 8, 9.

<sup>8</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1124, лл. 50—98; кн. 1133, лл. 242—289, 365—442, 490—537; стлб. 1292, л. 193.

<sup>9</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1133, лл. 290—303, 317—336; кн. 1221, лл. 359—364.

та. В среднем торговая поездка от Москвы до Пекина и обратно длилась не менее трех лет. Так, Димитрий Григорьев Греченин проезжую грамоту в Москве получил в ноябре 1689 г., выехал из Нерчинска только в июне 1691 г., вернулся в Нерчинск к марту 1692 г. Назад в Москву он мог попасть в лучшем случае к осени того же года. Участники каравана 1696 г. получали грамоты в Москве в январе — марте 1695 г., когда у них были уже наняты работные люди, и вернулись из Китая в Нерчинск только к ноябрю 1697 г.<sup>10</sup>. По свидетельству Ибранда Идеса, путешествие из Даурии в Пекин и обратно занимало при благоприятных обстоятельствах восемь месяцев. В случае задержки каравана маньчжурскими властями оно могло значительно затянуться. Время пребывания в пути караванов 1691—1697 гг. подтверждают слова Ибранда. Путешествие караванов, отпущенных из Нерчинска в 1691, 1692, 1695, 1696 гг., длилось 10—12 месяцев.

Снаряжение караванов начиналось задолго до прибытия купцов в Нерчинск. Преодолевая тяготы путешествия по Сибири, торговые люди, еще не достигнув Байкала, в Балаганском остроге приобретали по дешевой цене верблюдов и быков, необходимых для перевозки грузов. Эти закупки делались также в Удинске и в самом Нерчинске, но там они обходились дороже<sup>11</sup>. От Нерчинска путь караванов шел к р. Аргуни и далее к китайским селениям на р. Наун. Путь от Нерчинска до Аргуни покрывался в три недели, столько же времени уходило на путь до р. Наун и около полутора месяцев далее, до Пекина<sup>12</sup>, всего, таким образом, только на преодоление пути от Нерчинска до Пекина требовалось в один конец около трех месяцев. Наиболее тяжелым был путь от Аргунского острога до р. Наун. Отсутствие населенных пунктов, горы и болота, частые степные пожары, шайки разбойников делали этот участок пути крайне опасным. Ибранд дал очень яркое описание злоключений каравана, возвращавшегося к русской границе. Сбившись с пути в выжженной степи, люди голодали, множество верблюдов и лошадей пало от бескормицы. Товары были благополучно доставлены в Аргунский острог только потому, что купцы предусмотрительно закупили в Пекине верблюдов и лошадей значительно

<sup>10</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 342, лл. 1—42.

<sup>11</sup> Ибранд Идес и Адам Бранд, Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695), М., 1967, стр. 133, 140, 156, 158, 159.

<sup>12</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 65, л. 20; Ф. Туманский, Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, ч. 1, СПб., 1787, стр. 106—107. Данные о длительности пути от Науна до Китайской стены противоречивы: от 3 до 13 дней.

больше, чем их нужно было первоначально для подъема клади<sup>13</sup>.

От Науна хлопоты по обеспечению каравана подводами и провиантом брали на себя маньчжурские власти. Поэтому они ограничивали срок пребывания русских торговцев в Пекине. Еще в «Ведомости о Китайской земле и глубокой Индеи», составленной не позже 1669 г., указывалось, что маньчжуры «с торговых с приезжих людей пошлин не емлют и дают торговым приезжим людям корм; а болши дву месяц жить не дают; хто откуды приехал, и высылают вон». Этот же порядок сохранялся и в конце XVII в. Маньчжурское правительство хотело даже, правда безуспешно, ограничить путешествия русских купцов районом р. Наун. Еще Н. Спафарий писал, что «на Науне можно торговать китайским товаром, потому что наунские в Царство (Пекин. — В. А.) ходят непрестанно и дешевле продают, чем мунгалы». В 1693 г. одно из сел было превращено в «крепкий» город с «великим» торгом, где насчитывалось несколько сотен лавок<sup>14</sup>. Этот город — Цицикар — превратился в крупный транзитный пункт, на котором «расторговывались» некоторые купцы. Там же оставалась основная часть работных людей, обслуживавших караван на пути от Нерчинска.

Каждый караван, вышедший из Нерчинска, обязательно сопровождался отрядом служилых людей. Командиру конвоя вручался наказ, по которому он должен был не только следить за безопасностью и порядком в караване, но и выполнять определенные дипломатические поручения. Чаще всего они сводились к тому, чтобы маньчжурские чиновники не задерживали караван в Науне, выдавали подводы и провиант, отводили «стоялые дворы». В Пекине он должен был доложить о себе богдыхановым «ближним людям», передать им «лист» от нерчинских властей и просить разрешения на свободную торговлю<sup>15</sup>. Перед начальниками караванов нередко возникали трудности. Караван 1697 г., например, прежде чем был «взят в царство», потерял в Науне более полутора месяцев. Поэтому на должность начальника конвоя обычно назначались уже опытные люди, какими были пятидесятники А. С. Казаринов, А. Плотников и другие, не раз ходившие с различными поручениями в Китай. В Пекине

<sup>13</sup> Избранд Идес и Адам Бранд, Записки о русском посольстве в Китай, стр. 240—242; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1185—1186, л. 11.

<sup>14</sup> С. О. Долгов, Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи, стр. 14—35; Николай Милеску Спафарий, Сибирь и Китай, стр. 179; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1211, л. 2; стлб. 1185—1186, лл. 17—19.

<sup>15</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 36, лл. 111—117; д. 51, лл. 1—3.

после соблюдения всех формальностей русским купцам разрешалось начать торговлю. Н. Спафарий писал, что в Пекине собирается «великое множество людей» — бухарцы, татары, калмыки, монголы, португальцы, индийцы, арабы, турки. В городе было семь мечетей «магометанского и бусурманского закона». В столице «всего китайского государства богатство собирается, и всякие торги и товары в нем происходят, но все обретается в Китайском том государстве и с излишеством в нем сыщется»<sup>16</sup>.

Как известно, крупному купечеству принадлежало господство во внешнеторговых оборотах, осуществлявшихся через западные границы России. Та же картина наблюдалась и в Сибири. Один из первых советских исследователей сибирской торговли, К. В. Базилевич, отмечал: «Только крупный купеческий капитал мог в полной мере воспользоваться всеми преимуществами, приобретающимися в сибирских операциях, вызывавших значительные затраты капитала и требовавших большого промежутка времени»<sup>17</sup>.

Преобладание крупного купеческого капитала в китайской торговле за 1689—1698 гг. проявилось весьма отчетливо и вместе с тем своеобразно. Круг русских торговцев «в Китаях» был довольно ограничен и специфичен по составу. Во главе их стояли всего лишь четыре фамилии крупнейших купцов. Систематически посылали крупные партии своего товара в Китай Е. Филатьев (а после его смерти наследники), С. Лузин, И. Ушаков и Г. Никитин. Помимо них более или менее постоянно участвовали в этой торговле только те торговые люди, которые имели давние экономические связи с Сибирью.

На первый взгляд может показаться странным, что на протяжении десяти лет в этой торговле, доходность которой не вызывает сомнений, не принял участия ни один гость, кроме вышеуказанных, а отдельные члены гостиной сотни ограничивались эпизодическими посылками товаров, причем нередко на сравнительно небольшие суммы. Этот факт объясняется системой организации сибирской торговли, созданной представителями крупного купеческого капитала. Хотя вышеперечисленные купеческие фамилии при всем своем стремлении не смогли добиться в XVII в. ни юридически, ни фактически установления своей монополии на пушные промыслы и торги в Сибири, только они имели возможность содержать штат своих агентов в различных сибирских городах, что и позволяло им подчинять промыслы и рынки своему влиянию

<sup>16</sup> Николай Милеску Спафарий, Сибирь и Китай, стр. 229—230.

<sup>17</sup> К. В. Базилевич, Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в., Л., 1933, стр. 25.

и широко осуществлять скупку мехов в различных городах Сибири<sup>18</sup>. Участники крупной торговли с Китаем задолго до 90-х годов были хорошо знакомы с рынками Восточной Сибири и с другими пушными рынками страны.

Помимо чисто торговых операций И. Ушаков, Филатьевы, Г. Никитин занимались предпринимательством, ростовщицеством, брали откупа, подряды и т. п.

С 1635 г. и на протяжении последующих 40 лет на крупнейшем пушном рынке Соли Вычегодской среди приезжих купцов Филатьевы выделялись постоянным и неослабевающим интересом к скупке пушнины. Их обороты на местной ярмарке во второй половине XVII в. не спускались ниже 25% по отношению к общему обороту ярмарки, а, как правило, колебались от 42 до 100%<sup>19</sup>. По данным 1687—1689 гг., филатьевские приказчики отправлялись с торгами из Тобольска в Якутск, Енисейск, Томск, Илимск, Сургут и другие города Сибири. Торговое дело, начатое гостем Богданом Филатьевым, перешло к его наследникам. Имя Евстафия Филатьева вместе с именами его сыновей, Василия и Алексея, не сходило с листов нерчинских таможенных книг последнего десятилетия XVII в. Помимо торговли Евстафий Филатьев занялся в широких масштабах предпринимательством, скупая земли в Соли Камской и основывая там соляные промыслы. Он же посылал своих «покрученников» на сибирские соболиные промыслы. Филатьеву принадлежали промысловые зимовья в Мангазейском уезде, «по Енисею реке за губой», т. е. на побережье Ледовитого океана; его «покрученники» добывали соболей в Прибайкалье; только в одном 1693 г. они «явили» в Нерчинске 10 сороков соболей<sup>20</sup>.

Такие же прочные торговые связи с Солью Вычегодской и Сибирью имел другой крупнейший торговец конца XVII в., гость Гаврила Романович Никитин. С сибирской и китайской торговлей он познакомился на собственном опыте, еще будучи приказчиком Е. Филатьева. В дальнейшем он самостоятельно развил широкую торговую и ростовщическую деятельность в Сибири<sup>21</sup>.

Сравнительно немного сведений сохранилось о сибирских

---

<sup>18</sup> Об этом см.: В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., гл. 9, 11.

<sup>19</sup> И. С. Макаров, Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в., — «Исторические записки», кн. 14. 1945, стр. 166—168.

<sup>20</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 73, 74; стлб. 1066, лл. 64—73; стлб. 1110, лл. 146, 147; «Очерки по истории Коми АССР», т. I, Сыктывкар, 1955, стр. 123, 124; Н. К. Ауэрбах, Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива, — «Северная Азия», 1928, № 5—6, стр. 138; Н. В. Устюгов, Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке, М., 1957, стр. 74, 75, 86, 112—115 и др.

<sup>21</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, М., 1955, стр. 226—251.

торгах гостя Семена Лузина. Известно только, что с другими торговыми людьми он сбывал сибирские меха западноевропейским торговцам на Архангельской ярмарке и имел постоянные торги в Сибири совместно со своим братом Андреем Лузиным, который одно время был оценщиком мягкой рухляди в Сибирском приказе<sup>22</sup>.

Не менее колоритной фигурой был гость Иван Ушаков. Если Филатьевы и Никитин представляли в Сибири крупное московское купечество, то Иван Ушаков и его брат купец гостиной сотни Алексей были представителями нарождавшегося сибирского купечества. Устюжане по рождению, они были уже в 80-х годах крупнейшими сибирскими торговцами и предпринимателями. Прочно обосновавшись в Енисейске, они путем подрядов монополизировали крупную хлебную торговлю Сибири, имели соляные варницы, пахотные земли. Особенное внимание они уделяли в 80—90-х годах XVII в. Восточной Сибири<sup>23</sup>. Непосредственная связь с Сибирью позволила им выступить и в роли крупных пушных торговцев на китайском рынке.

По справке приказа Большой казны, к 1690 г. имущество и торговые обороты Филатьевых оценивались в 16 тыс. руб., Лузиных — в 8400 руб., Никитина и Ушаковых — по 1000 руб.<sup>24</sup>. Следует полагать, что эти сведения, представленные по поводу сбора десятой деньги, были преуменьшены. Однако они позволяют в некоторой степени дифференцировать экономические возможности указанных купеческих «домов» и особенно выделить Филатьевых, которые, как увидим ниже, играли важнейшую роль в китайских торгах через Нерчинск.

Вплоть до конца XVII в. другие крупные оптовики появлялись в Нерчинске лишь эпизодически.

Из более мелких купцов чаще всего в Нерчинске можно было видеть лаличей, яренчан, устюжан и сольвычегодцев, издавна связанных торгами с Сибирью и Москвой. По образному выражению И. С. Макарова, «Лальск был настоящим приказчицким гнездом не только для Поморья, но и для центральных городов» (Норицыны, Саватеевы и др.)<sup>25</sup>. Многие из них — выходцы из крестьянской среды; начиная свою деятельность в качестве приказчиков, они впоследствии выбивались на путь самостоятельной деятельности и, разбогатев,

<sup>22</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 921, лл. 224—226; стлб. 1035, ч. I, лл. 18—20; стлб. 1110, лл. 3—5 и др.

<sup>23</sup> Подробнее о них см.: В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., гл. 10, § 2.

<sup>24</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1035, ч. I, лл. 18—20.

<sup>25</sup> И. С. Макаров, Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в., стр. 158, 159.

занимали видное положение среди именитого купечества. В середине XVII в. такими влиятельными сибирскими торговцами были яренчане Осколковы и Шангины<sup>26</sup>. Один из Осколковых, Афанасий Андреевич, был ранее знаком с китайской торговлей, ибо еще до 1675 г. Крижанич посылал с ним в Москву свое «писмецо о Китайском торге», к сожалению не сохранившееся до настоящего времени<sup>27</sup>. Его наследники нередко потом посещали Нерчинск и ходили в Китай. Григорий Афанасьевич Осколков снаряжал в 1696 г. в Нерчинске своих «покрученников» на соболиные промыслы<sup>28</sup>. Торговавший с Китаем в 1691 г. сольвычегодец купец гостинной сотни Ф. Курилов и в дальнейшем сохранял связи с Забайкальем; так, в январе 1699 г. он тягался с А. Ушаковым и М. Пивоваровым за квасной откуп в Иркутске<sup>29</sup>. С Лальским погостом была, вероятно, связана по своему происхождению богатая семья крестьянина тобольского Софийского дома Игнатия Артемьева Заровняного<sup>30</sup>. Его торговые агенты ездили в Казань, Верхотурье и в течение 90-х годов трижды ходили в Китай<sup>31</sup>. Из торговых крестьян Заровняные вырастали в представителей нарождавшегося сибирского купечества.

Кроме них, в 90-х годах торговали через Нерчинск с Китаем Иван и Степан Шангины, сольвычегодец купец гостинной сотни М. Ростовщиков, лаличи Д. Муромской, М. Месяцев, Норицыны, Бобровские (Григорий, Никита Андреевич, Иван Федорович), яренчане Е. Архипов, Ф. Ю. Попов, купец гостинной сотни И. Саватеев и др.

В силу экономической слабости сибирских посадов местные посадские люди только начинали участвовать в междугородной, а тем более в заграничной торговле. Среди них выделялся иркутский посадский человек И. Штинников, поставлявший по подряду вино в Иркутск, арендовавший на земле И. Ушакова соляные варницы, пашни, а затем ходивший в 1695 г. с торгом в Китай<sup>32</sup>.

Определенный интерес представляют также и другие крупные купцы, эпизодически появлявшиеся в Нерчинске и торго-

---

<sup>26</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, II, М., 1954; стр. 126—127; «Очерки по истории Коми АССР», т. I, стр. 113—115.

<sup>27</sup> В. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, стр. 44.

<sup>28</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 489—494.

<sup>29</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 486, лл. 163, 164.

<sup>30</sup> В 80-х годах XVII в. в Тобольске и Верхотурье бывал лалетин Василий Иванов Заровняный (ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1066, лл. 64—73).

<sup>31</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1066, лл. 10—17, 64—73.

<sup>32</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1031, лл. 31, 32; Иркутская приказная изба, д. 486, л. 109.

вавшие с Китаем. Как и прочие, они были связаны с сибирскими рынками, а некоторые занимались предпринимательством. Купец гостиной сотни С. Лянгусов был тесно связан с Сибирским приказом. Широкую инициативу проявлял купец гостиной сотни казанец И. Микляев, в 1696 г. со своим сотоварищем И. Олиным отправивший в Китай товаров на 4308 руб. И. Микляев вел крупную торговлю в Европейской России, был связан с иностранными купцами в Астрахани и Архангельске. В Поволжье он имел винокурни и предприятие по выделке кож. Позднее, в 20-х годах XVIII в., Микляев стал компанейщиком полотняной мануфактуры в Москве, владельцем суконной мануфактуры в Казани, не прекратив в то же время торговых операций в Китае<sup>33</sup>.

Среди торговцев, стремившихся в Нерчинск, обращает на себя также внимание тульский посадский человек Конон Бабкин. Он привез по ярославской выписи «земский» (вероятно, принадлежавший посадской общине) товар в Якутск (ткани и кожи), там его реализовал, купил меха и пытался проехать в 1695 г. в даурские остроги, но был ограблен на дороге<sup>34</sup>. Все эти купцы в силу своих возможностей также тянулись к зарубежным торгам и составляли определенную конкуренцию Ушаковым, Филатьевым, Г. Никитину и С. Лузину.

Материалы нерчинской таможни позволяют конкретно представить рост общего товарооборота русско-китайской торговли (см. табл. 1) и удельный вес в ней операций отдельных купцов (см. табл. 2), а также спецификацию товаров.

Данные таблиц, несмотря на некоторую приблизительность подсчетов, свидетельствуют о быстром росте оборотов.

Из таблицы 2 видно, что, как правило, более половины всех товаров принадлежало наиболее крупным купцам, среди которых первое место, бесспорно, занимали Филатьевы. Только они сумели организовать ежегодный отпуск товаров в Китай.

Из других крупных торговцев трижды за рассматриваемое время отправляли свои товары в Китай Заровняные (в 1693 г. — на 806 руб., в 1696 г. — на 576 руб., в 1697 г. —

<sup>33</sup> Е. И. Заозерская, Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв., — сб. «Петр Великий», М.—Л., 1947, стр. 224—225; «Очерки истории СССР» (Первая четверть XVIII в.), М., 1954, стр. 135. Связи И. Микляева с иноземными рынками были, по видимому, потомственными; в 1660 г. гость Петр Микляев выполнял поручения правительства в Голландии, затем ездил в Голштинию (Н. А. Баконова, Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в., стр. 21, 28). С. Я. Лянгусов торговал в Сибири еще в 60-х годах (ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 588, л. 156).

<sup>34</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1321, лл. 102, 107.

## Общий товароборот частной караванной русско-китайской торговли (1689—1698 гг.)

Время отправления каравана из Нерчинска	Время возвращения в Нерчинск	Стоимость товаров, руб.		Примечания
		вывезенных	ввезенных	
Декабрь 1689 г.	1690 г.	...	14 473	По нерчинской оценке То же
Июнь 1691 г.	Март 1692 г.	7 563*	23 952	
Декабрь 1692 г.	Октябрь 1693 г.	5 593	13 015	"
Июль 1693 г.	Октябрь 1693 г. (из Науна)	14 043**	25 562	
Август 1695 г.	Июнь 1694 г.		16 909*	12 381
Лето 1696 г.	Октябрь 1696 г.	16 909*	57 000***	
Июль 1697 г.	Лето 1697 г.	49 300*	240 000	По московской оценке
	Август 1698 г.	25 704*	...	...

\* Стоимость товаров служилых людей не учитывается.

\*\* Стоимость казенных товаров, отправленных с Избрандом Иде-сом, и товаров служилых людей не учитывается.

\*\*\* В нерчинской таможенной книге стоимость товаров не указана, а пошлина бралась не деньгами, а натурой. Поэтому общая стоимость товаров этого каравана определена ориентировочно, в частности без учета стоимости драгоценных камней, жемчуга и шелка.

Таблица 2

## Стоимость товаров, отпущенных крупнейшими гостями в Китай, руб.

Год	Г. Никитин		И. Ушаков		Флятьевы		С. Лузин		Всего	
	руб.	%*	руб.	%*	руб.	%*	руб.	%*	руб.	%*
1691	450	5,9	1 213	16	2 410	31,9	89	1,2	4 162	55,0
1692	—	—	—	—	4 525	80,9	—	—	4 525	80,9
1693	2 172	15,5	1 137	8,1	3 629	25,8	2 033	14,5	8 971	63,9
1695	—	—	—	—	11 091	65,5	1 817	10,8	12 908	76,3
1696	5 142	10,4**	6 067	12,3	10 299	20,9	2 445	4,9	23 953	48,5
1697	7 239	28,1	—	—	3 521	13,7	—	—	10 760	41,8
Итого	15 003		8 417		35 475		6 384		65 279	

\* К общей стоимости купеческих товаров всего каравана за данный год.

\*\* С. В. Бахрушин ошибочно относил отправку товаров гостем Г. Никитиным к 1695 и 1696 гг. На самом деле эти партии ушли из Нерчинска в Китай в 1696 и 1697 гг. (см. С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 240).

на 4723 руб.); по два раза ходили в Китай лалетин М. Месяцев (в 1693 г. товаров на 480 руб., в 1697 г. — на 2689 руб.), Г. А. Осколков (в 1691 г. — на 260 руб., и в 1695 г. — на 903 руб.), лалетин И. Бобровский (в 1691 г. — на 136 руб. и в 1697 г. — на 2270 руб.). Остальные купцы участвовали в китайской караванной торговле в 1689—1698 гг. по одному разу. Наиболее крупные партии товаров были отправлены в 1693 г. купцом гостиной сотни Спиридоном Лянгусовым (на 3667 руб.), в 1696 г. купцами гостиной сотни Б. Карамышевым (на 1436 руб.), Я. Старцевым (на 1099 руб.), И. Микляевым и И. Олиным (на 4308 руб.), И. Саватеевым (на 2336 руб.), торговыми людьми И. Осколковым (на 1685 руб.), В. Малафеевым (на 2311 руб.), московскими посадскими людьми — Кадашевской слободы М. Я. Гусятниковым (на 2162 руб.), Огородной слободы Т. Васильевым (на 1915 руб.) и Кошельной слободы А. Федотовым (на 2676 руб.). В 1697 г. крупная партия товаров пошла в Китай с лаличами Григорием и Никитой Бобровскими (на 2094 руб.).

Таким образом, в караванах, ходивших в Китай, преобладали представители крупного купеческого капитала. Другие оптовики участвовали в них только эпизодически. Тем не менее в поисках высокой прибыли они не останавливались перед опасностью конкуренции со стороны гостей. Их задерживало другое — «скудота денег», «бескапитальность». Отсутствие дешевого и организованного кредита в XVII в. в России остро и болезненно ощущалось купечеством<sup>35</sup>. Это обстоятельство ярко отражено в челобитной купцов, собравшихся в 1699 г. в Нерчинске и просивших местного воеводу не задерживать отправку каравана в Китай. В ней указывалось, что товары и деньги «на китайскую руку» они брали у своей братии «великой ценой», подписывали краткосрочные кабалы, несмотря на возможность разорения в случае задержек в пути<sup>36</sup>. Крупным ростовщиком выступал Г. Никитин, который, предоставляя свои средства в кредит, получал возможность держать в зависимости своих же конкурентов в торговле.

Некоторую роль в караванной торговле играли служилые люди, отправлявшиеся в качестве конвоя, а также промышленные и гулящие люди, находившие в Нерчинске у торговых людей работу по найму. Известны случаи, когда служилые люди в своей массе вывозили из Китая товары на несколько сот рублей. В 1692 г. 37 служилых людей провезли товаров

<sup>35</sup> С. Я. Боровой, Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII в., — «Исторические записки», кн. 33, 1950, стр. 96 и др.

<sup>36</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1422, ч. II, лл. 268—272; Иркутская приказная изба, д. 412, л. 7.

на 927 руб.; в 1695 г. товары были провезены 38 служилыми, 42 промышленными и гулящими людьми.

Однако считать их самостоятельными участниками крупной международной торговли, как полагает О. Н. Вилков<sup>37</sup>, конечно, нельзя, так как они находились «в работе» у крупных торговцев и «начальных людей» конвоя.

Правда, китайская торговля способствовала определенному обогащению служилой верхушки. Материалы воеводских сысков конца XVII в. дают интересные свидетельства об имуществе некоторых из них. Так, известно, что иркутский воевода Аф. Савелов взял «сильно» у селенгинского сына боярского И. Уварова китайских тканей на 860 руб., у селенгинского пятидесятника Д. Таракановского — на 465 руб.; нерчинский воевода Антон Савелов овладел имуществом сына боярского Н. Варламова на 600 руб. Можно привести еще ряд примеров<sup>38</sup>.

Основной ассортимент товаров, проходивших через Нерчинск в Китай и обратно на «Русь»<sup>39</sup>, определился очень быстро и был более устойчивым, чем на каком-либо другом направлении русской внешней торговли. Основу его, с одной стороны, составляла сибирская пушнина (соболи, песцы, рыси, белки, лисы), с другой — китайские ткани. Взаимная заинтересованность России и Китая в этих товарах привела на протяжении 1689—1698 гг. к быстрому росту оборота русско-китайской торговли. Главный поток пушнины шел в Нерчинск из Енисейска и Якутска через Иркутск, который стал играть важную роль перевалочного пункта на перекрестке торговых путей.

С июня 1691 г. по июнь 1692 г. нерчинская таможня зафиксировала 37 явок пушнины на 7452 руб.<sup>40</sup>. Из них в 15 случаях была явлена пушнина по якутским проезжим грамотам (на 3455 руб.) и в 9 случаях — по иркутским проезжим грамотам (на 2551 руб.)<sup>41</sup>. Остальная часть мехов поступала от купцов, имевших енисейские, илимские, усть-киренские проезжие грамоты. В 1693 г. в Нерчинск поступило пушнины по 40 явкам на 18 882 руб., в том числе из Якутска по 8 явкам поступило пушнины на 1859 руб., из Илимска, Усть-Киренска и Верхоленска по 11 явкам — на 1832 руб.,

<sup>37</sup> О. Н. Вилков, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 17.

<sup>38</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1221, лл. 356, 357; Иркутская приказная изба, д. 429, лл. 47—66.

<sup>39</sup> Далее при упоминании слова «Русь» всюду имеется в виду Европейская Россия, а под «русскими товарами» — товары, вывозившиеся из Европейской России, в отличие от местных сибирских товаров.

<sup>40</sup> Пять явок на 1007 руб. со смешанным товаром (меха и промышленные русские товары) не учтены.

<sup>41</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1112, лл. 16—47.

из Иркутска по 12 явкам — на 8603 руб., из Енисейска по 5 явкам — на 1307 руб. и из Тобольска поступила крупная партия, оцененная в 3283 руб. В 1695 г. наибольшее количество пушнины поступило от купцов, имевших якутские и усть-киренские проезжие памяти, — на 7285 руб. (общий привоз на 16 759 руб.) и т. д.

Возможность быстро составить большие партии пушного товара зависела не только от экономического положения крупных купцов, но и от количества у них торговых агентов, разбросанных по всей Сибири. Именно благодаря этим агентам Филатьевы смогли раньше своих конкурентов начать систематическую торговлю с Китаем сразу же в крупных размерах. Один из них свозил товары в Нерчинск, другие отправлялись в Китай или увозили «на Русь» иноземные товары. Всего, по данным нерчинских таможенных книг, в течение 1689—1698 гг. в этой деятельности принимало участие 17 приказчиков, 6 «людей» и 18 лавочных сидельцев Филатьевых. Среди них выделялись наиболее доверенные люди, осуществлявшие операции в Китае — приказчики А. Путимец, И. Байтерек, П. Худяков, И. Калуга, В. Лобанов, Ф. Кочетов и «человек» Н. Климов. «Персонал» Г. Никитина состоял из 2 приказчиков, 6 «людей» и 6 лавочных сидельцев<sup>42</sup>.

В дальнейшем при расширении китайской торговли даже штат Филатьевых оказался не в состоянии обеспечить скупку пушнины в Сибири в необходимом количестве. Вероятно, с 1695 г. для «отпуска» в Китай началась крупная скупка пушнины в русских торговых центрах, где можно было совершать широкие оптовые сделки. Эта пушнина составила 70% от всей отправленной в 1696 г. в Китай, в 1697 г. — более 50%. Таким образом, значительная часть сибирских мехов, доставленных «на Русь», начала совершать путешествие назад в Сибирь. Об этом свидетельствуют следующие данные о стоимости мехов разной покупки, отправленных из Нерчинска в Китай в 1696 и 1697 гг. (руб.):

Год	Нерчинская покупка	„Русская“ покупка	Восточно- сибирская покупка	Тобольская покупка	Неизвест- ного про- исхождения	Всего
1696	1593	34 772	8 542	549	2044	47 500
1697	1093	13 056	11 318	—	—	25 467

Белки, горностаи, особенно соболи и собольи пупки, по данным нерчинской таможни 1696 и 1697 гг., по большей части были «русской» покупки. В 1696 г. в Китай было вывезено почти 135 сороков соболей (5400 шт.), 589 сороков 29 штук

<sup>42</sup> С. В. Бахрушин насчитал 9 приказчиков и 10 «людей», осуществлявших операции Г. Никитина в Сибири и Китае (С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 230, 231).

пушков собольих (23 589 шт.), 264 меха беличьего, 362 280 шкурки белки и 200 397 шкурок горностаев «русской» покупки; в 1697 г. — 67 сороков соболей (2680 шт.), 111 500 шкурок и 650 мехов беличьих, 82 600 шкурок горностаев.

Можно полагать, что партии мехов «русской» покупки приобретались не столько в Москве, сколько на других рынках, имевших уже в то время всероссийское значение в пушной торговле. Такими центрами могли быть Устюг Великий и Соль Вычегодская. С ними, вероятно, и были связаны торговые люди, прибывавшие в Нерчинск. В указе 1698 г., согласно которому немосковскому купечеству разрешалось ездить в Китай без проезжих грамот Сибирского приказа, эта льгота мотивировалась именно тем, что поездка в Москву за получением грамот только отнимала «скорое зимнее время» у купцов<sup>43</sup>. При этом следует иметь в виду, что стоимость мехов на русских рынках была значительно выше, чем в Сибири. И. С. Макаров, например, приводит отдельные данные, свидетельствующие о том, что стоимость соболей, вывозимых из Сибири, в Соли Вычегодской повышалась на 20—40%<sup>44</sup>.

Некоторое количество пушнины обращалось непосредственно на нерчинском рынке. Обычно ее привозили торговые люди, ограничивавшиеся операциями по приобретению китайских тканей в Нерчинске. Значительная часть ее, преимущественно крупные партии, покупалась в Нерчинске приказчиками гостей и другими торговыми людьми, отправлявшимися в Китай. Приказчики Филатьевых, например, в 1696 г. на средства, вырученные от продажи «русского товара», и на привезенные деньги купили в Нерчинске у лавочного сидельца гостиной сотни И. Гостева и трех других торговых людей (Н. Бушковского, А. Шемякинского, В. Брехнева) мехов на 1357 руб.

В отдельные годы пушнина, свозимая в Нерчинск для отправки в Китай, по стоимости мало уступала партиям мехов, привозимым в Москву и вывозившимся на Запад (см. табл. 3).

По количеству шкурок вывоз мехов (кроме собольих) через Нерчинск в Китай был не менее крупным, чем через Архангельск в Западную Европу. Родес в середине XVII в. определял стоимость мехов, вывозимых через Архангельск, почти в 100 тыс. руб., причем в эту сумму входила и стоимость мехов, принадлежавших казне, прежде всего наиболее ценных собольих шкурок.

<sup>43</sup> ПСЗ, т. III, № 1654; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1366, лл. 33, 34.

<sup>44</sup> И. С. Макаров, Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в., стр. 162.

Количество пушнины, вывозившейся через Нерчинск в Китай\*, через Архангельск в Западную Европу\*\* и ввозимой в Москву\*\*\*, штуки

	1691 г.		1692 г.		1693 г.		1694 г.	
	В Китай	В Москву						
Соболи . . . . .	638	25 680	23	17 120	2 149	18 160	—	20 555
Белки . . . . .	49 650	...	83 447	91 680	69 650	8 560	—	188 212
Лисы (разные) . . . . .	121	...	—	2 682	173	1 997	—	1 407
Горностаи . . . . .	20 370	...	18 880	5 890	53 771	...	—	...
Собольи хвосты . . . . .	—	...	—	12 397	—	5 594	—	7 645
Собольи пупки . . . . .	1 130	...	—	313	4 340	240	—	2 451
«Кошки разные» (главным образом рыси) . . . . .	120	...	22	...	138	...	—	...
Песцы . . . . .	2 730	...	266	...	2 150	4 283	—	1 768
Меха беличьи . . . . .	62	...	—	...	48	...	—	...
Меха заячьи . . . . .	80	...	300	...	260	...	—	...
Выдры . . . . .	70	...	100	...	...	...	—	...

	1695 г.		1696 г.		1697 г.		1650-е г.
	В Китай	В Москву	В Китай	В Москву	В Китай	В Москву	Через Архангельск в Западную Европу
Соболи . . . . .	730	16 502	7 849	6 329	3 822	12 537	23 160
Белки . . . . .	141 430	34 010	586 660	15 053	244 990	2 300	355 950
Лисы (разные) . . . . .	52	1 170	5 973	676	4 108	337	15 970
Горностаи . . . . .	99 680	...	265 499	...	166 410	...	11 520
Собольи хвосты . . . . .	—	4 100	...	2 700	—	5 569	18 748
Собольи пупки . . . . .	2 328	506	24 309	150	3 040	29	28 795
«Кошки разные» (главным образом рыси) . . . . .	10	...	133	...	26	...	...
Песцы . . . . .	410	1 758	8 241	5 798	1 600	929	...
Меха беличьи . . . . .	19	...	283	...	705	...	...
Меха заячьи . . . . .	345	...	476	...	315	...	...
Выдры . . . . .	340	...	113	...	10	...	...

\* По данным нерчинских таможенных книг.

\*\* По данным И. де Родеса («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1915, кн. II, стр. 163—165).

\*\*\* По данным приказа Большой казны, ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1100, лл. 81—84; стлб. 1186 (обрывок документа о привозе соболей в Москву в 1691 г.); Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 473.

Правительство ограничивало частный вывоз за границу ценных собольих шкурок, а с 1698 г. установило на них государственную монополию. Поэтому вывоз соболей через Нерчинск состоял из низкосортных шкурок. Даже довольно значительное количество соболей, вывезенных в Китай в

1696 и 1697 гг., оценивалось соответственно в 4594 и 1941 руб. Несмотря на это, стоимость мехов, принадлежавших частному купечеству и вывезенных в 1696 г. в Китай через Нерчинск, равнялась почти 50 тыс. руб. Другие меха, составлявшие существенные статьи во внешней торговле, а именно: собольи пупки, беличьи и горностаевые шкурки, в отдельные годы вывозились через Нерчинск в значительно больших размерах, чем через Архангельск в Западную Европу в 50-х годах. Горностаи в 1696 и 1697 гг. составляли более половины стоимости всех мехов, вывезенных в Китай.

Из таблицы 3 видно, что горностаи, белки, пупков собольих в Китай вывозилось больше, чем привозилось в Москву. По свидетельству Избранда, наиболее ходовыми товарами в Китае были обские и уфимские горностаи, обские и енисейские белки, томские, обские, якутские, черные даурские соболи, даурские рыси, песцы, заячьи и беличьи «черевьи» меха, обские черные лисы и «на камнях живущие лисицы или корсаки»<sup>45</sup>.

Еще Кильбургер в 70-х годах XVII в. отмечал, что лучшие сибирские горностаи вследствие большого спроса на них восточных купцов перестали появляться в Москве, а наиболее дорогая сибирская белка по той же причине на московском рынке отмечалась несравненно реже, чем раньше<sup>46</sup>.

По сравнению с пушниной изделия русского ремесла привозились в Нерчинск на значительно меньшие суммы. Партии этого товара ежегодно оценивались там в 3—4 тыс. руб. Некоторое количество его шло в Китай, а основная масса расходилась среди населения Нерчинска и его округа<sup>47</sup>. В 1692/93 г. в Нерчинск поступило русского товара более чем на 4 тыс. руб., в 1695 г. — на 2369 руб., в 1696 г. — на 3838 руб.<sup>48</sup> и в 1697 г. — на 1486 руб.<sup>49</sup>. Из этого количества в Китай было вывезено в 1692/93 г. на 2044 руб., в 1695 г. — на 918 руб., в 1696 г. — на 987 руб. и в 1697 г. — на 173 руб. Привоз ремесленных изделий в основном обеспечивался торговыми людьми, стремившимися их реализовать на китайском рынке или в Нерчинске, с тем чтобы на вырученные средства приобрести китайские ткани. Крупные торговцы обычно провозили партии этого товара через Сибирь сразу в Нерчинск, другие частично реализовали его по дороге. Ассортимент русского товара был весьма широк и рассчитан

<sup>45</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1185—1186, лл. 16—26.

<sup>46</sup> Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, стр. 96, 97.

<sup>47</sup> Розничная продажа изделий ремесла среди местного населения в нерчинских таможенных книгах не фиксировалась.

<sup>48</sup> Две смешанные партии (меха и русские товары) на 839 руб. не учитываются.

<sup>49</sup> Вместе со стоимостью 39,5 пуда хмеля.

на самые разнообразные потребности<sup>50</sup>. В 1696 г. нерчинская таможня зафиксировала около сотни названий самых различных товаров. Подавляющее большинство их поступило в очень ограниченных количествах, но грубых, дешевых тканей, пользовавшихся спросом среди местного населения, было много — 29 250 аршин холста хряща и среднего, 2050 аршин холста льняного, 3075 аршин крашенины и 795 аршин сукна сермяжного. Среди товаров были также устюжские и «немецкие» ножицы, усольские ножи, вятские ложки, ярославские зеркала, нижегородская пестрядь, ивановские полотна. Для местной служилой верхушки предназначались дорогие западноевропейские сукна, серебряные кружева, «золотные» кокошники, золотые и серебряные изделия, перец, рис.

В Китай русские товары шли в более узком ассортименте. В значительном количестве отправлялись только сафьян и выделанные красные и черные кожи (в 1691 г. — 90 юфтей, в 1693 г. — 150 юфтей и 5 бунтов, в 1696 г. — 102 юфти и 66 бунтов). Остальные товары брались для нужд каравана в его годичном путешествии (чулки, сапоги, крашенина, холст, топоры, ножи, бумага писчая, порох), для выяснения спроса китайского рынка на изделия русского, западноевропейского и персидского ремесла, а также в качестве подарков различным административным лицам в Китае (сукна, часы, зеркала, подзорные трубы, «золотные» кружева, серебряная посуда). Избранд писал, что из «немецких» товаров наибольшим спросом пользовались в Китае карманные и «малые столовые» часы.

Пушнина и русский товар, обращавшиеся на нерчинском рынке, связывали его с крупнейшими торговыми центрами страны. По мере роста потребностей многолюдного торгового города увеличивалось поступление на местный рынок крупного рогатого скота, различной рыбы и других товаров. Торговля скотом связывала Нерчинск с районом Байкала. Она способствовала развитию товарно-денежных операций среди местного сибирского населения. Если в 1691/92 г. в Нерчинск поступила только одна, правда крупная, партия скота, оцененная в 160 руб., то уже в 1692/93 г. количество пригонного скота резко возросло. За это время в город было пригнано по 16 явкам 401 голова крупного рогатого скота на сумму 1752 руб., в основном по иркутским, верхоленским, ильинским выписям и проезжим грамотам. В последующие годы скот продолжал поступать также из Прибайкалья или Забайкалья (в 1695 г. — не менее 130 голов на 580 руб.; в 1696 г. — 151 голова и 15 лошадей на 705 руб.; в 1697 г. — 171 голова на 1030 руб.). Торговлей скотом, как правило, занимались

<sup>50</sup> Подробный перечень см.: С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 243—245.

местные сибирские жители, служилые и посадские люди, крестьяне. Одни из них скупали рогатый скот, а затем гнали его в Нерчинск, другие пригоняли «домокормленную» скотину. Среди них постоянно встречались одни и те же лица, пригонявшие в Нерчинск скот за тысячу с лишним верст. Например, енисейский посадский человек Д. Шукин пригонял скот из Кабаньей заимки (около Байкала) в 1691/92, 1693, 1696 и 1697 гг., енисейский казак Л. Кустов и балаганский казачий десятник П. Кузнецов — в 1693 и 1695 гг., иркутские пашенные крестьяне Гранины — в 1692, 1693 и в 1696 гг. Из еще более отдаленных районов Енисейска и Томска торговые люди привозили хмель.

Наконец, к 1697 г. резко увеличился рыбный промысел, которым занимались промышленные, гулящие и нерчинские служилые люди. Около Нерчинска и других острогов реки и озера были богаты рыбой. Когда не было большой воды, она добывалась неводами и служила одним из основных продуктов питания для местного населения<sup>51</sup>. С увеличением прошлого постоянного населения этот промысел приобрел товарный характер. В 1697 г. на нерчинский рынок поступило 423 пуда всевозможной рыбы — «просольной щучины» и линеи, юколы щучьей, сиговой и линьковой, тайменей, осетрины — на 246 руб. В целом в Нерчинск поступило всевозможных товаров из Центральной России и Сибири в 1693 г. на 24 081 руб., в 1695 г. — на 19 765 руб., в 1696 г. — на 54 444 руб. и в 1697 г. — на 29 244 руб.

В обратном направлении поток китайских товаров также шел через Нерчинск. О стоимости китайских товаров, поступивших в Нерчинск в 1690—1697 гг., свидетельствуют следующие данные (руб.)<sup>52</sup>:

	1690 г.	1692 г.	1693—1694 гг.	1695 г.	1696 г.	1697 г.
Поступило всего	14 473	38 121	57 471	10 760	57 000 <sup>53</sup>	240 000 <sup>54</sup>
Привезено из Китая русскими караванами . . . . .	14 473	23 952	50 958	1 809	57 000	240 000

Основную массу товаров составляли ткани. Драгоценные камни, жемчуг, золото, серебряные изделия, чай составляли в общей стоимости китайских товаров незначительную часть. Эти товары или привозились в Нерчинск русскими купцами, совершавшими операции в китайских городах, или попадали в результате приграничного обмена.

<sup>51</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 720, лл. 15—31.

<sup>52</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1012, лл. 48—89; кн. 1037, лл. 121—148, 165—205, 255—317, 332—503; кн. 1063, лл. 169об. — 178об., 214—229, 240—250; кн. 1124, лл. 1—49, 122—205; кн. 1133, лл. 242—289, 365—442, 490—537.

<sup>53</sup> Оценка приблизительная, без шелка и драгоценных камней.

<sup>54</sup> Оценка московская.

По товарным позициям распределение этих товаров видно из табл. 4.

В действительности русско-китайский товарооборот был несомненно еще более широким. Восточносибирские воеводы использовали благоприятно сложившуюся обстановку и, несмотря на строжайшие запрещения, принимали также активное участие в китайской торговле, сплошь и рядом принуждая торговых людей провозить их товары в Китай. Конечно, эти партии нерчинской таможней не регистрировались. Без особого преувеличения можно сказать, что почти все воеводы Иркутска, Якутска, Илимска, Нерчинска в 90-х годах принимали участие в китайских торгах (Антон и Афанасий Савеловы, Г. Грибоедов, Иван Михайлович, Иван Петрович и Матвей Петрович Гагарины). Львиная доля конфискованного имущества у И. П. и М. П. Гагариных состояла из различных китайских тканей и зерен жемчуга, причем во время сыска они наивно ссылались на своих предшественников, также торговавших с Китаем<sup>55</sup>. Не ограничиваясь посылкой в Китай мехов, приобретенных теми или иными путями у подвластного им населения, воеводы часто «насильством» отнимали у торговых людей имущество. Антон Савелов, например, отобрал у приказчиков Филатьевых Ф. Кочетова и И. Калуги 1020 лан серебра и отправил его назад в Китай с Г. Осколковым для обмена на ткани<sup>56</sup>. Тяжесть таможенного обложения, установленною в 1693 г., вызывала подкуп таможенников со стороны торговых людей. Упомянутые 1020 лан серебра в таможенных книгах не зафиксированы; семь драгоценных камней, отобранных у «человека» Г. Никитина, Николая Иванова Греченина, прибывшего из Нерчинска в Тобольск в июне 1694 г., также не нашли отражения в таможенных книгах<sup>57</sup>.

Данные об ассортименте китайских товаров позволяют сделать интересные выводы. Уже на практике первого каравана, отправленного после подписания Нерчинского мира, русское купечество проверило возможности китайского рынка и в дальнейшем лишь незначительно расширило ассортимент ввозимых китайских товаров. Наибольший спрос русский рынок предъявлял на китайские шелковые (разнообразные камки и атлас) и бумажные ткани (особенно китайку). Ткани других сортов ввозились в ограниченном количестве.

В наибольшем количестве русские купцы закупали дорогие шелковые ткани различной ширины — камки большой, средней и малой руки; эти сорта тканей назывались также

<sup>55</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1283, ч. II, лл. 368—379; стлб. 1292, лл. 55, 135—137, 219—241, 252—260.

<sup>56</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1174, лл. 6—14.

<sup>57</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1216, лл. 1, 4, 5.

## китайских товаров в 1690 — 1697 гг.

1694 г.	1695 г.	1696 г.	1697 г.
—	—	1 542,5 постава	9 093 постава
5 551,5 постава	1 682 постава	9 290 поставов	11 856 поставов
460 поставов	150 поставов	—	50 .
1 610,5 постава	—	—	77 .
359 поставов	—	—	562 постава
2 176,5 конца	896 концов	3 345 концов	9 165 концов
1 448 тюмов	942 тюма	1 806 тюмов	7 377 тюмов
68 концов	155 концов	210 концов	270 концов
—	4 .	92 .	270 .
—	20 .	115 .	112 .
21 пуд 14 фунтов	—	—	25 пудов 5 бакчей
19 пудов 12 фунтов	—	—	16 пудов 8 фунтов
13 пудов 36 фунтов	—	—	—
—	—	—	100 пудов (табак)
—	—	9 300 штук	27 750 штук
—	—	3 825,5 золотника	1 385 золотников
—	—	167 штук	282 штуки
—	—	—	176 штук
2,5 фунта	—	10 фунтов 115 мотков	179,66 фунта 50 мотков
33 364 руб.	10 760 руб.	57 000 руб.	240 000 руб.

но, шириной материи и были самой разнообразной расцветки — дымчатые, гвоздичные, коричневые, «таусинные», васильковые, песочные, красные, малиновые, рудо-желтые, со-

бокой Инден, стр. 14—35; И а к и н ф, Статистическое описание Китайской империи, ч. I, стр. 60—62).

Общее количество поступивших в Нерчинск

Товары	1690 г.	1692 г.	1693 г.
Камка большая . . .	—	150 поставов	—
"    средняя . . .	1 867 поставов	7 322 постава	4 522 постава
Лауданы разные . . .	—	40 поставов	200 поставов
Атласы разные . .	672 постава	1 855,5 постава	508 .
Камки «лензы» и «гайки» . . . . .	—	59 поставов	—
Китайка однопортишная . . . . .	84 конца	729 концов	526 концов
Китайка тюмовая . .	502 .	2 164 конца	584 тюма
Китайка «самца», «даба», белая, складная	24 .	2 .	4 конца
Пояса и кушаки шелковые . . . . .	—	—	—
Пояса и кушаки бумажные . . . . .	—	40	—
Чай зеленый и черный	—	300 бакчей	—
Бадьян . . . . .	—	4,5 пуда	18 пудов
Краски разные (травные, колопковые) .	—	—	—
Пряности (шафран, кардамон) и табак .	—	—	—
Жемчуг . . . . .	—	—	—
Золото . . . . .	—	—	—
Камни драгоценные .	—	—	—
Посуда разная . . .	—	124 штуки	242 штуки
Шелк-сырец сканный	—	30,75 фунта	0,5 фунта
Общая стоимость . .	14 473 руб.	38 121 руб.	24 107 руб.

камками семиланными и пятиланными, соответственно их стоимости в Китае<sup>58</sup>. Отличались они друг от друга, вероят-

<sup>58</sup> Лан — китайская единица веса. В Китае вместо серебряных монет обращались куски серебра. В XVII в. в лане, по московскому весу, считалось 9 золотников (С. О. Долгов, Ведомость о Китайской земле и глу-

ломенные, лимонные, брусничные, темно-лимонные, зеленые<sup>59</sup>. По мере увеличения ввоза стоимость их в России падала. Постав камки большой руки, оценивавшийся в 1692 г. в 7 руб., подешевел к 1697 г. на 2 руб., а стоимость поставка камки средней руки с 1690 г. упала к 1697 г. вдвое (с 6 до 3 руб.). Можно полагать, что в связи с падением цен на китайские шелковые ткани к 1697 г. русское купечество стало стремиться вывозить наиболее дорогие ткани. Более дешевые шелковые ткани — лауданы большой и малой руки, камки «лензы», камки «гайки», атласы большой руки и «складные» — поступали в значительно меньших количествах. Постав атласа в рассматриваемые годы оценивался в 2—4 руб., лауданы — не дороже 3 руб., «лензы» — не дороже 1,5 руб., «гайки» — 1 руб. «Лензы» и «гайки» «мокрые» были самыми дешевыми сортами и стоили от 50 коп. до 1 руб. Перевозились камки в тюках «волошных» по 40—50 поставов в тюке. Бархаты ценились дороже камок большой руки, но привозились в очень ограниченном количестве; обычно за год через нерчинскую таможенную их проходило не более 15 портищ.

Хлопчатобумажные ткани — китайки — поступали нескольких сортов: тюмовые средние и малые однопортищные, «самца», «даба», пестрая, белая, складная. Наиболее употребительными были китайки тюмовые и однопортищные. Стоимость средней тюмовой китайки колебалась от 50 до 40 коп. за конец, однопортищной — от 1 руб. до 75 коп. Китайка перевозилась в ширях, по 10 тюмов в каждой.

Помимо этих тканей среди ввозимых китайских товаров часто встречались, но в ограниченном количестве, тканые изделия — пологи и завесы, камчатные, атласные, фанзовые, шитые мишурой, на подкладке или без нее; пояса шелковые, кушаки шелковые, пояса бумажные и др.

Предметы других китайских ремесел — ножи в оправе, веера, серебряные солонки и кувшины, посуда деревянная (вероятно, расписная, покрытая лаком), яшмовая, «ценинная», кожаная (чашки, блюда, «торели», чарки, кувшины) — не пользовались широким спросом. Скорее всего, они предназначались для верхушки господствующего класса в качестве сувениров.

Чай и бадьян, а также пряности — кардамон и шафран, попадавший в Китай из Индии, — в конце XVII в. не играли существенной роли в торговле, стоили дорого и предназначались для узкого придворного круга.

Пуд чая и шафрана оценивался в Нерчинске до 20 руб., бадьяна — до 15 руб. Эти данные заставляют подвергнуть сомнению утверждение И. Кильбургера, что чай был рас-

<sup>59</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1216, лл. 111, 112, 116.

пространен в Москве и стоил там 30 коп. за фунт<sup>60</sup>. Распространение чая в России, по-видимому, нужно относить только к XVIII в.

Отдельную группу товаров составляли вывозимые из Китая драгоценные камни (иногда в серьгах), жемчуг («зерна половинчатые раковинные»), золото, серебро, к которым особый интерес проявляла казна. Камни и жемчуг всегда имели спрос среди московской знати, и отдельные китайские драгоценные «лалы» (благородная шпинель) и «яхонты» (рубины и сапфиры) очень высоко оценивались. Избранд Идес вывез из Китая уникальный «лазоревого яхонт большой», оцененный в Москве в 3 тыс. руб. Эта драгоценность была затем вручена главе «Великого посольства» Францу Лефорту в числе других подарков, предназначавшихся для западноевропейских государственных деятелей и титулованных особ<sup>61</sup>. Кроме этого камня Избранд привез два красных яхонта по три золотника с лишним (т. е. более 60 каратов каждый) и один красный яхонт более двух золотников (свыше 40 каратов), оцененные в 1650 руб.<sup>62</sup>.

В Нерчинске все поступающие драгоценности запечатывались и посылались для оценки в Сибирский приказ, где наиболее ценные камни могли быть взяты в казну, что купцам было невыгодно. Поэтому они стремились не объявлять их в таможне.

По указу от 5 декабря 1697 г. таможенная пошлина с привозимых из Китая товаров стоимостью свыше 1000 руб. взималась только серебром и золотом по обязательному курсу (золотник серебра приравнялся к 8 коп., золотник золота — к 1 руб.). Оставшееся после уплаты пошлины серебро и золото, как и камни, купцам надлежало предъявить в Сибирский приказ<sup>63</sup>. В результате казна только в 1699 г. получила 4500—5000 золотников золота. Этот указ был явно невыгоден купечеству; во-первых, в Москве китайское золото оценивалось выше<sup>64</sup>, а во-вторых, крупные русские оптовики, обязанные скупать золото и серебро для уплаты пошлин в русской таможне за все ввозимые товары, попадали в зависимость от китайской торговли. Гостиной сотни купец И. Саватеев, побывавший в Пекине в 1698 г. с караваном С. Лянгусова, рассказывал потом, что золото в Китае «дорого и крепко, потому что малое число приносят... А по торгу серебро и золо-

---

<sup>60</sup> Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, стр. 113.

<sup>61</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 18, д. 366, л. 4об.

<sup>62</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1185—1186, лл. 26—28.

<sup>63</sup> ПСЗ, т. III, № 1606, стр. 410, 411; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1422, ч. I, лл. 29—30, 54; АИ, т. V, № 268, стр. 491.

<sup>64</sup> С. В. Бахрушин. Научные труды, III, ч. I, стр. 242.

то от них в торг бывает с трудностью, толко оне больше в торгу уваливают на мену камками»<sup>65</sup>. Поэтому русское купечество не увлекалось погоней за драгоценностями и вкладывало основную часть капитала в наиболее ходовые на русском рынке ткани.

Как в вывозе, так и в ввозе господствующее положение занимал крупный купеческий капитал, хотя доля остальных участников караванов в целом была довольно заметной (см. табл. 5).

Таблица 5

**Стоимость китайских товаров, вывезенных в Нерчинск  
русскими караванами,  
руб.**

Товары	1690 г.	1692 г.	1693 г.	1693 г.*	1694 г.	1695 г.
Гостей . . . . .	9 954	12 473	8 060	15 987	2 239	—
В том числе:						
Филатьевых . . . . .	4 728	5 803	8 060	7 634	2 239	—
С. Лузина . . . . .	2 906	548	—	2 473	—	—
И. Ушакова . . . . .	1 270	176**	—	2 505	—	—
Г. Никитина . . . . .	1 050	5 946	—	3 375	—	—
Прочих (торговых, про- мышленных, гулящих, служилых людей) . . . . .	4 519	11 479	4 955	9 575	10 142	1809
Всего . . . . .	14 473	23 952	13 015	25 562	12 381	1809

\* Привоз товаров из Науна.

\*\* Сумма неполная.

Китайские товары, привозимые в Нерчинск из Китая с русскими караванами, в подавляющей части не поступали на местный рынок, так как представляли слишком большую ценность на других рынках Сибири и особенно Центральной России. Торговые, промышленные, служилые люди, съезжавшиеся в Нерчинск, но не участвовавшие в караванной торговле, стремились приобрести китайские ткани у китайских торговцев в результате приграничных торговых сделок.

Так, таможенная книга Нерчинска за 1692 г. зарегистрировала 51 явку русскими торговцами привозного китайского товара, 40 явок купленного в Нерчинске и только один случай продажи. Маньчжурское правительство запрещало своему купечеству выезжать за пределы страны. Поэтому китайское купечество присылало свои товары в Нерчинск, пользуясь посылками туда правительственных агентов с дипломатиче-

<sup>65</sup> ДАИ, т. X, № 67/XXXV.

скими поручениями. Такие поступления были не каждый год. По данным нерчинских таможенных книг, китайские ткани, поступавшие таким образом, в большом количестве продавались в Нерчинске в 1692—1695 гг.<sup>66</sup> Всего за эти годы через Нерчинск прошло их не менее чем на 32 тыс. руб., что составляло 30% стоимости всех китайских товаров, зарегистрированных нерчинской таможней за данный период. Эти ткани раскупались даже участниками караванной торговли: в 1692 г. агенты Филатьевых купили их на 4995 руб., И. Ушакова — на 1325 руб., Г. Никитина — на 736 руб., гостиниой сотни Ф. Курилова — на 682 руб., М. Ростовщикова — на 636 руб., Г. А. Осколкова — на 552 руб. Покупала эти ткани и казна. В 1693—1694 гг. нерчинский воевода скупил 61 постав камок большой руки на 465,5 руб., «а лучше тех камок и болши того числа в Нерчинске не сыскалось»<sup>67</sup>.

Основная часть поступающих в Сибирь китайских тканей отправлялась «на Русь». О динамике поступления в Европейскую часть России в 90-х годах китайских товаров можно судить по материалам таможни Верхотурья, через которую они провозились из Сибири «на Русь» (табл. 6).

Таблица 6

Вывоз «на Русь» китайских тканей через Верхотурье\*

Ткани	Декабрь 1689— март 1690 г.	Ноябрь 1690— август 1691 г.**	Сентябрь 1692— август 1693 г.**
Китайка (разная)	12 050 аршин 42 тюма 10 концов	13 900 аршин 256 тюмов 1 393 конца	14 460 аршин 52 тюма 2 304 конца 34 косяка 6 тюмов
Камки и лауданы	178 косяков 19 портиц	900 косяков 12 портиц 2 386 поставов	1 094 косяка 8 023 постава 258 поставов (?)
Атласы . . . . .	1 косяк	—	1 218 поставов 280 поставов(?) 7 портиц

\* ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1100, лл. 64—79; стлб. 1213, лл. 147—162, 304—313, 315—322.

\*\* Данные, по-видимому, неполные.

<sup>66</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1012, лл. 48—89; кн. 1037, лл. 375—503; стлб. 1182, л. 198; Иркутская приказная изба, д. 350, л. 83.

<sup>67</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1216, л. 111, 112, 116.

Ткани, провезенные через Верхотурье до марта 1690 г., могли быть приобретены только в результате приграничного торга, который, возможно, происходил сразу же после посольских переговоров в Нерчинске.

Больше всего китайских товаров направлялось в центр складывавшегося всероссийского рынка — Москву (см. табл. 7).

Таблица 7

Привоз в Москву китайских тканей\*

Ткани	1692 г.	1693 г.	1694 г.	1695 г.	1696 г.	1697 г.
Камки разные** . . . . .	3107,5	11 991,5	832	14 347	5273,5	648,5
«Лензы» и «гайки», штуки	22	318	—	505	341	12
Китайка однопортищная, концы . . . . .	73	1 178	26	3 325	1938	371
Китайка тюмовая, тюмы	170	672	172	2 143	2623,5	251

\* Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, стр. 473; ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1100, лл. 81—84.

\*\* Вероятно, в их число входили атласы и камки — лауданы. Данные за 1692—1693 гг. приведены в поставах, за 1694—1697 гг. — в косяках.

Остальная часть китайских товаров расходилась по Сибири. Их развозили служилые люди, ходившие в Китай в качестве конвоя, а нерчинской «покупки» — торговые люди, сибирские посадские, служилые и промышленные люди, крестьяне. В 1694 г., например, из Нерчинска было «отпущено» с китайскими товарами: «на Русь» — 51 человек, в Иркутск — 9, в Енисейск — 8, в Тобольск — 7, в Удинск — 2, в Илимск — 1.

Как уже отмечалось, в короткий срок товарооборот Нерчинска вырос почти вдвое. По нашим подсчетам, в 1693 г. он исчислялся в 60 тыс. руб., а в 1696 г. — свыше 100 тыс. руб. Сохранившиеся материалы таможни г. Нерчинска за 90-е годы позволяют довольно обстоятельно проследить ежегодный товарооборот этого пограничного торгового центра, приезд и отъезд торгового люда, операции отдельных торговцев, деятельность промышленных и гулящих людей, привлеченных в город слухами о выгодных заработках<sup>68</sup>.

Нерчинск становился не только перевалочным пунктом на тысячеверстных путях торговли с Китаем, но и областным рынком, на котором обращалось большое количество привозной пушнины, китайских и русских промышленных товаров,

<sup>68</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1012, 1037, 1063, 1124, 1133, 1221.

расходившихся среди местного населения. Значительное количество китайских товаров, вероятно, не учитывалось местными таможенными властями. Во всяком случае количество китайских товаров, вывозимых на запад и проходивших через Верхотурье, в частности в 1690—1693 гг., превышало то, что было зарегистрировано таможей Нерчинска.

Оживленная русско-китайская торговля сильно изменила жизнь самого Нерчинска. Оставаясь административным и опорным военным пунктом далекого Приамурья, он превращался в крупный экономический центр Восточной Сибири. Постоянное население города насчитывало свыше тысячи человек. Число непостоянного населения с развитием торговли увеличивалось из года в год. В Нерчинск прибывали десятки торговых людей и их агентов, сотни промышленных, гулящих и работных людей. Так, с сентября 1691 г. по апрель 1692 г., по данным оброчных книг, в город прибыло 172 человека, за 1692—1693 гг. — 206 человек, за 1693—1694 гг. — 269 человек, за 1694—1695 гг. — 165 человек, за 1695—1696 гг. — 328 человек; в марте—августе 1697 г. в городе было 208 человек приезжих, а в сентябре—декабре — 364 человека<sup>69</sup>. Собственно торговых людей в Нерчинск приезжало 30—50 человек в год. Основную массу пришлого люда составляли гулящие люди. Одни из них нанимались к крупным торговым людям в качестве рабочей силы, уходили в Пекин с караванами и возвращались с ними назад; другие обслуживали караваны на участке от Нерчинска до р. Наун. Особенно оживленным Нерчинск был два раза в год, когда прибывал из Китая ушедший в предыдущем году караван и уходил за рубеж новый. В конце XVII в. гостиный двор Нерчинска не мог вместить всех привозимых из Китая товаров, и торговые люди их складывали на постоянных дворах, в избах и амбарах. С дальнейшим ростом торговли в 1699 г. было решено построить в Нерчинске каменный гостиный двор<sup>70</sup>.

С 1698 г. характер русско-китайской торговли через Нерчинск начал меняться. Царское правительство, думавшее об организации государственной торговли с Китаем и до Нерчинского мира, вскоре после 1689 г. заинтересовалось первыми итогами операций русских купцов. Иркутский воевода Л. Кислянский уже в 1689 г. предлагал всю «мягкую рухлядь», собранную в Иркутске с ясачных людей и таможей, посылать для обмена на китайскую границу и ожидал от этого «прибыль немалую»<sup>71</sup>. В начале 1691 г. правительство

<sup>69</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 31—48, 75—82а, 156—167, 318—328, 403—410, 481—489; кн. 1124, лл. 99—110, 114—121; кн. 1133, лл. 304—316, 442а—458, 474—491; кн. 1012, лл. 6—11об., 99—117.

<sup>70</sup> АИ, т. V, № 287.

<sup>71</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 169, лл. 1, 2.

разослало сибирским воеводам указ, подтверждавший за-  
прещение ездить в Китай частным лицам без проездных гра-  
мот Сибирского приказа. В дальнейшем оно продолжало бес-  
покоиться о том, как бы русские купцы китайский торг «не  
испортили»<sup>72</sup>. В начале 1692 г. тобольскому и иркутскому  
воеводам были даны из Москвы указания о посылке в  
Китай агента для обмена казенной пушнины «как бы было  
прибыльнее»<sup>73</sup>. Это предприятие не было осуществлено, так  
как тогда же было решено послать из Москвы в Китай Из-  
бранда Идеса. Он выехал весной 1692 г. и вернулся в февра-  
ле 1695 г. Для того чтобы конкретно выяснить перспективы  
государственной торговли с Китаем, с Избрандом была от-  
правлена крупная партия казенных товаров. Вскоре после  
возвращения Избранда Идеса в Москву, в 1695 г., русское  
правительство, убедившись в благоприятных итогах торговых  
оборотов через Нерчинск, приняло решение: «Для пополне-  
ния своей государевой казны впредь в 204 году в Китайское  
государство для торгового промыслу с товары, которые в то  
государство будут годны, посылать из Сибирского приказу  
купчин по вся годы самых добрых людей»<sup>74</sup>.

Однако казна не сумела быстро организовать это сложное  
предприятие. Первый казенный караван в Китай вышел в  
июле 1698 г. из Нерчинска. Возглавил его купец гостиной  
сотни Спиридон Лянгусов, уже имевший случай познакомиться  
с китайским рынком на собственном опыте. Караван  
С. Лянгусова вместе с частными купцами, работными и слу-  
жилыми людьми насчитывал 478 человек. Вернулся С. Лян-  
гусов ровно через год<sup>75</sup>.

Этот караван фактически положил начало систематической  
русской государственной торговле с Китаем<sup>76</sup>.

<sup>72</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1052, ч. I, лл. 298, 304, 305;  
стлб. 1422, ч. II, л. 347; Иркутская приказная изба, д. 322, лл. 14, 15.

<sup>73</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1185—1186, лл. 1, 14.

<sup>74</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1378, ч. I, л. 315; стлб. 1185—  
1186, лл. 16—26.

<sup>75</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1415, л. 31; Нерчинская приказная  
изба, д. 54, лл. 8—18; Иркутская приказная изба, д. 88, лл. 68—71; д. 201,  
лл. 2—6; д. 418, лл. 33, 34.

<sup>76</sup> Несмотря на организацию государственной торговли в последующие  
1699—1704 годы, состав частного купечества, отправлявшего свои товары в  
Китай, расширился. В китайской торговле кроме Филатьевых, Лянгусова,  
Ушакова и других приняли участие гости Л. Добрынин, И. Исаев, гости-  
ной сотни А. Борин, М. Григорьев, М. Евреинов, крестьянин с. Покров-  
ского М. Остафьев (в 1699 и 1702 гг.), посадские люди Новомещанской  
слободы в Москве Иван и Дмитрий Григорьевы, кашашевцы И. Ступин и  
Г. Обухов, житель Каширы Г. Корнилов и многие другие. Продолжали  
торговлю с Китаем Филатьевы, И. Микляев, Ф. Курилов, С. Лянгусов,  
М. Месяцев, А. Федотов и др. (ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1422,  
ч. II, лл. 268—272; оп. 18, д. 386, лл. 34—36). Есть известие, что в 1706 г.  
Филатьевы разорились в результате плутовства китайских торговцев»

Стремясь оградить себя от конкуренции со стороны частного торгового капитала, правительство опиралось не только на издаваемые законоположения, ограничивавшие сферу его деятельности, но и привлекало для выполнения своих торговых операций отдельных богатых и опытных купцов, знакомых с китайским торгом. Все государственные караваны первой четверти XVIII в. возглавляли купцы, изучившие китайскую торговлю в 90-х годах, — И. Саватеев, П. Худяков, Г. Осколков, М. Гусятников. За эту государственную службу купцы вознаграждались освобождением от уплаты пошлин за провоз через границу лично им принадлежащих товаров, которые они, однако, могли реализовать на китайском рынке только после распродажи казенного добра. С. Лянгусов, например, получил эту льготу на 4 тыс. руб., его помощники, целовальники вятчанин И. Глухих и важенин К. Нечаевский, — по 700 руб.<sup>77</sup>.

Казенные товары в русско-китайской торговле с 1698 г. начали преобладать над частными. В караване С. Лянгусова было казенных товаров почти на 42 тыс. руб., а частных — на 31 490 руб. В 1699 г. через Нерчинск было вывезено казенных товаров на 65 тыс. руб., частных приблизительно на 52 тыс. руб.; в 1701 г. — соответственно на 76 тыс. и около 40 тыс. руб.<sup>78</sup>.

Расцвет Нерчинска продолжался около 40 лет, до заключения Кяхтинского трактата (1727 г.) и основания Кяхты (1728 г.), через которую начал осуществляться основной товарооборот между Россией и Китаем по более короткому пути через Забайкалье и Северную Монголию<sup>79</sup>. Иоганн Фоккеродт, находившийся в России в последние годы царствования Петра I, считал торговые операции с Китаем для России самыми главными из всех, осуществлявшихся сухопутными путями<sup>80</sup>.

В период расцвета Нерчинска как торгового центра русское купечество стремилось использовать и другие пути в Китай, известные ему со второй половины XVII в. Сразу же после окончания войны между Галданом и Кан-си, в конце 90-х годов, оно восстановило старые связи с Монголией и Джунгарией. Из Монголии в Иркутск, несмотря на войну

<sup>77</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1260, лл. 52—79.

<sup>78</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1260, л. 79об; П. Т. Яковлева, Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора, стр. 139; Б. Г. Курц, Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII столетии, стр. 335—338.

<sup>79</sup> Е. П. Силин, Кяхта в XVIII в., Иркутск, 1947; В. Н. Яковлевский, Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1953, стр. 72—74.

<sup>80</sup> И. Г. Фоккеродт, Россия при Петре Великом, — «Чтения ОИДР», 1874, № 2, раздел IV, стр. 61.

90-х годов, караваны с китайскими товарами прибывали в 1692, 1694, 1698 и 1699 гг.<sup>81</sup> В Джунгарии в ставке хунтайджи агенты Филатьевых жили годами. В 1700 г. они писали в Томск: «А приезжайте к нам люднее с торгом; тепере у нас товаров не по старому много, и добрые товары есть. Ныне мы в Китаех торговали не по прежнему, по волности своей выбирали в рядах и в лавках, никакой задержки не было... А кто охотник, друг другу сказывайте к нам приехать торговать»<sup>82</sup>.

Материалы о торговых операциях русского купечества в Нерчинске и Китае дают некоторые сведения о весьма сложном вопросе, с которым исследователи сталкиваются при изучении истории средневековой торговли, а именно — о купеческой прибыли. В таможенных книгах Нерчинска учитывалась стоимость пошлинного сбора, взысканного в других сибирских городах с партии привезенного товара, поэтому можно судить о разнице в стоимости товаров в Нерчинске и других городах. Русские ремесленные изделия по сравнению с оценкой енисейской таможни дорожали в Нерчинске на 25—30%, а по сравнению с Тобольском и «русскими» городами — на 150%.

Хмель, привозимый из Томска и Енисейска, в Нерчинске дорожал минимум в 2,5 раза, скот, пригонявшийся из Балаганского острога, — в 4 раза. Меха, прибывавшие в Нерчинск из Якутска, Илимска, Усть-Киренска, Красноярска, Иркутска, Енисейска, Мангазеи, стоили в 1,5—4 раза дороже. На основании этих данных трудно делать подсчеты купеческой прибыли, но они свидетельствуют о наличии значительной разницы в сибирских ценах, которая повышала процент купеческой прибыли в процессе неэквивалентного обмена. На основании отдельных примеров И. С. Макаров устанавливал годовую прибыль от сибирской торговли в 22—25%<sup>83</sup>.

Имеющиеся данные позволяют сделать подсчет прибыли купеческого капитала в русско-китайской торговле, хотя и очень приблизительный. Наиболее точные сведения дают расчеты Сибирского приказа об итогах торговых операций казны, совершенных в Китае Избрандом Идесом и Спиридоном Лянгусовым. Первая партия казенного товара, отправленного с Избрандом в Китай, была сравнительно невелика — на 4380 руб.<sup>84</sup> Транспортные расходы на все посольство из-

<sup>81</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 303, лл. 26—30; д. 330, л. 17; д. 418, л. 16; д. 451, лл. 30—32; д. 457, лл. 60, 61; д. 505, л. 14.

<sup>82</sup> «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. I, СПб., 1882, № 13.  
<sup>83</sup> И. С. Макаров, Пушной рынок Соли Выгодской в XVII в., стр. 162.

<sup>84</sup> Х. Трусевич указывает неправдоподобную цифру в 41 900 руб. См.: Х. Трусевич, Посольские и торговые сношения России с Китаем, стр. 95.

вестны только частично. В Нерчинске на покупку верблюдов, лошадей и на другие дорожные расходы было истрачено 515 руб., в Китае — 1306 руб. Можно предположить, что эта сумма была истрачена на всю перевозку товаров из Китая в Москву. Таким образом, по неполным данным, транспортные расходы достигали 1821 руб. Приказные справки дают противоречивые данные о стоимости вывезенных товаров<sup>85</sup>. В одной из них указывается, что Избранд привез товаров на 11 344 руб. по китайской цене, в другой — на 12 027 руб., но в обоих случаях прибыль определялась более чем в 8 тыс. руб.

Более полные материалы имеются о караване в Китае, который возглавлялся купцом гостиной сотни С. Лянгусовым. С. Лянгусов выехал из Москвы в феврале 1697 г. и вернулся к 1700 г.<sup>86</sup>, таким образом, его путешествие длилось три года. С ним было отправлено казной товаров, в подавляющей массе мехов, на 31 224 руб. Кроме того, ему были вручены подарки для маньчжурских чиновников (часы, меха — рыси и лисы, дорогие материи — «объярь золотная», камка немецкая, байберек шелковый) на 655 руб. На дощаники, рогожи, мешки, бечевки, седла, корм лошадям и верблюдам, наем работников С. Лянгусов истратил 5425 руб.; 215 лошадей и 37 верблюдов стоили 3311 руб. На обратном пути в Нерчинск на транспортные расходы ушло еще 193 постава камок пятиланых, стоимость которых в Нерчинске можно определить в 579 руб. Таким образом, только на транспортировку ушло 9315 руб.

Операции этого каравана в Пекине не оправдали ожиданий казны. Русские купцы указывали, что в связи с большим количеством русских товаров, прибывших с караваном, и конкуренцией большого бухарского каравана, пришедшего через Джунгарию и Монголию также с русскими товарами, продажа происходила по самой низкой цене, которую навязали китайские оптовики. Участник русского каравана И. Саватеев показывал, что «китайские купцы, всех 8 человек, знатно что меж себя сговорились и цены русским товаром мелочником знать не дали... А торги были против прежняго с умалением»<sup>87</sup>. С. Лянгусов не смог продать всего казенного товара и значительную часть — на 3918 руб. — привез назад. Китайских товаров он вывез на 55 134 руб., по московской оценке. Оставшиеся животные, а также дощаники и прочее транспортное снаряжение было оценено в 2048 руб.

<sup>85</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1185—1186, лл. 26—28; оп. 18, д. 366 лл. 9об. — 11.

<sup>86</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1211, лл. 6—19.

<sup>87</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1422, ч. II, лл. 268—272; ДАИ, т. X, № 67/XXXV.

Наконец, у нас имеются сведения об итогах китайских торгов гостя Г. Никитина. В 1696 и 1697 гг. он отправил в Китай товаров на 12 400 руб. Купленный в Китае товар был доставлен в Москву одновременно в конце 1698 г.; таким образом, капитал находился в обращении четыре года (1695—1698 гг.). Китайский товар был оценен в Москве в 32 140 руб. На дорогу от Нерчинска до Москвы приказчик Д. Божедомов истратил китайских товаров, исходя из нерчинских цен, по крайней мере на 1200 руб.<sup>88</sup> Кроме того, на оплату наемной рабочей силы на участке Наун — Нерчинск только при вывозе одной партии товара было истрачено китайских тканей, по нерчинской оценке, на 864 руб.<sup>89</sup> Как уже указывалось, это был один из самых трудных участков пути, транспортные расходы на котором резко возрастали. Таким образом, на перевозку двух партий товаров от Науна до Нерчинска приказчики Никитина истратили не менее 1700 руб. Если считать стоимость транспортировки через Сибирь до Нерчинска двух партий мехов, менее объемных, чем ткани, в 1200 руб., то общие расходы на перевозку выразятся в сумме 4100 руб.

Все эти данные с учетом таможенных пошлин можно обобщить в следующую таблицу.

Таблица 8

**Сведения о торговых операциях Избрanda Идеса,  
С. Лянгусова и Г. Никитина**

	Стоимость отправленных в Китай товаров, руб.	Пошли- ны*, руб.	Расходы на транс- порт, руб.	Стоимость китайских товаров в Москве, руб.	Срок обращения капитала, годы	Процент всей прибыли
Избранд Идес .	4 400**	1 900	1 800***	12 000	3	48,1
Лянгусов . . .	28 000**	10 300	9 300	55 100	3	15,7
Никитин . . .	12 400****	5 100	4 100	32 100	4	48,6

\* По таможенным статьям 1693 г., при ввозе в Сибирь с «Руси» частных товаров уплачивалась 10-процентная пошлина, при вывозе за рубеж — 5-процентная, при ввозе иноземных товаров — 10-процентная. Последняя пошлина высчитывается, за неимением данных, из расчета стоимости китайского товара в Москве. Фактически Избранд Идес и С. Лянгусов за казенные товары пошлины не платили.

\*\* Оценка московская. Нереализованные товары в расчет не приняты.

\*\*\* Сумма неполная.

\*\*\*\* Оценка нерчинская.

<sup>88</sup> С. В. Бахрушин, Научные труды, III, ч. I, стр. 241, 247.

<sup>89</sup> ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1133.

Даже очень приблизительный расчет показывает, что китайские торги давали высокий процент прибыли (при благоприятной ситуации на китайском рынке — 12—16% в год). Если учесть, что купцы могли скупать пушнину «на Руси» и в Сибири по более низкой цене, нежели ее оценивали таможенные и иные власти, то процент прибыли неизбежно повысится. Разумеется, для ее получения купечество должно было вкладывать крупные капиталы и нести крупные накладные расходы. Расходы на государственные пошлины достигали 43%, на транспорт — 40% от стоимости вывозимых товаров<sup>90</sup>.

До реализации в России китайских товаров купец тратил на транспортировку и уплату государственных пошлин суммы, по минимальным расчетам достигавшие 75% стоимости вывозимого за границу товара.

Даже приказчики гостей, следовавшие с 15—25 работниками и хозяйскими людьми «для обережения»<sup>91</sup>, не могли обойтись в пути без вспомогательной рабочей силы. Именно поэтому в Нерчинск в 90-х годах собиралось немало гулящего люда, приходившего туда на заработки. В 1696 г. приказчики Филатьевых В. Лобанов и И. Калуга наняли 17 работников и 6 гулящих людей, подрядившихся, по-видимому, на определенный срок и названных в таможенной книге «гулящими работными людьми», а также 9 гулящих, 3 служилых и одного промышленного человека; участие последних имело, вероятно, эпизодический характер. В 1696—1697 гг. приказчики Филатьевых А. Путимец и И. Байтерек-ков имели у себя «в работе» не менее 36 гулящих и промышленных людей — енисейцев, тоболян и даже нерчинского казачьего десятника<sup>92</sup>. Другие торговые люди также прибегали в Нерчинске к найму, но в несколько меньших размерах. Всего при возвращении русского каравана в Нерчинск в 1697 г. было зарегистрировано 112 человек, получивших от торговцев плату за свои услуги. Часть их, по крайней мере 16 человек, занимались специально извозом от Науна до Нерчинска, пользуясь тем, что их услуги были необходимы и оплачивались очень высоко. Некоторые торговые люди стали оставлять в Нерчинске часть своих людей, с тем чтобы они с подводами выезжали к Науну, навстречу выходившему каравану<sup>93</sup>. Отдельные нерчинские служилые люди даже фи-

<sup>90</sup> Х. Трусович считал, что расходы по перевозке равнялись 72% стоимости провозимого товара, а годовой доход от китайской торговли равнялся 2—8%. См.: Х. Трусович, Посольские и торговые сношения России с Китаем, стр. 140, 141.

<sup>91</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 342, лл. 1—42; д. 391, лл. 1—26.

<sup>92</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 51, лл. 4, 5.

<sup>93</sup> ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 70, лл. 1—4, 7, 8.

нансировали торговых людей, отправлявшихся в Китай, ссужая им скот, лошадей, хлеб.

Услуги наемного гулящего люда в Нерчинске дорого обходились купечеству, так как попавшие в трудное положение в дороге торговые люди вынуждены были платить, вероятно, столько, сколько с них запрашивали. Оплата обычно производилась китайскими тканями. После ее получения рабочие люди отправлялись или в другие сибирские города, или «на Русь», где в свою очередь не без выгоды реализовывали свой заработок. Приказчики Филатьевых расплатились в 1697 г. в Нерчинске с наемными людьми шелковыми тканями на сумму 2800 руб., приказчики Г. Никитина — на сумму 854 руб. Гулящие люди обычно получали тканей на несколько десятков рублей, причем нередко от 80 до 150 руб<sup>94</sup>.

Все эти расходы были рентабельны, потому что русские меха на китайских рынках ценились очень дорого. И. Саватеев рассказал, что в 1698 г., несмотря на неблагоприятные обстоятельства, тысяча шкурок белки, стоившая в Нерчинске 15 руб., обменивалась почти на 18 тюмов китайки, стоивших в Нерчинске 72 руб., или на восемь поставов камок семиланнных, оценивавшихся в Нерчинске в 40 руб.; рыси и «меха ушканьи» стоили в Пекине в 4 раза дороже, чем в Нерчинске, лисы — в 3 раза, песцы и корсаки — в 2—2,5 раза, горностаи — вдвое<sup>95</sup>. По данным 1706 г., соболи оценивались в Пекине в 2—3 раза дороже, чем в Сибири, белка — в 5—7,5 раза, горностаи — в 7,5 раза, лисы красные — в 3,5—6 раз. В то же время стоимость ввозимых китайских тканей по мере их следования в глубину России повышалась. Поэтому торговые люди стремились, несмотря на транспортные трудности и разные расходы, реализовать их в Центральной России.

По данным нерчинской и московской ценовых росписей 1694/95 г., постав камки большой руки в Нерчинске оценивался в 7 руб., а в Москве — в 8,5 руб., камки средней руки — в 3,5 и 6,5 руб., конец китайки однопортищной — в 75 коп. и в 1,2 руб., тюм китайки — в 4 и 5 руб. Следует еще иметь в виду, что московская оценка принадлежала Сибирскому приказу и была, вероятно, ниже рыночной<sup>96</sup>.

Таким образом, даже ориентировочные подсчеты норм купеческой прибыли могут отражать реальную действительность того времени.

Несмотря на отсутствие материалов, трудно сомневаться в выгодности торговли между Россией и Китаем для китай-

<sup>94</sup> Меньшие суммы торговые люди выплачивали своим рабочим людям, лавочным сидельцам, подрядившимся на определенный срок.

<sup>95</sup> ДАИ, т. X, № 67/XXXV.

<sup>96</sup> ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 405, л. 60; Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 251—254.

слих торговцев. Можно предполагать, что они получали еще большую прибыль, нежели русские купцы, так как им не приходилось преодолевать тысячеверстные расстояния Сибири и затрачивать на это огромные средства.

Русско-китайская торговля в 1689—1698 гг. представляет большой интерес для изучения истории экономических связей России и Китая и истории русского купеческого капитала. Русское купечество в короткий срок упрочило определившиеся ранее экономические связи, благодаря чему товарооборот, проходивший через Нерчинск, составлял заметную часть во всей русской внешней торговле. Выгода экономических связей привела к изменению порядка торговли, предусмотренного маньчжурскими властями. Фактически русские караваны в конце XVII в. ходили в Пекин почти ежегодно.

На основе установившихся экономических связей Сибири с Центральной Россией крупные русские купцы получили возможность усилить концентрацию своего капитала. Гости Филатьевы, Ушаковы, Г. Никитин получали от китайских торгов прибыль, доходившую до 50% с оборота. Хотя огромные транспортные трудности, необходимость крупных оборотных средств, длительность оборотов делали даже эпизодическое участие в русско-китайской торговле доступным сравнительно немногим представителям купеческого капитала, круг участников китайских торгов из года в год расширялся. Русско-китайская торговля показала, что в конце XVII в. крупное русское купечество было в состоянии даже при малоблагоприятных обстоятельствах организовать систему внешнеторговых операций, которая способствовала упрочению внутренних рыночных связей Сибири и европейской части страны и в целом отражала возрастающую роль России в международной жизни на Дальнем Востоке.

Оценивая перспективность для России торговли с Китаем, не следует забывать, что ограничительные меры маньчжурского правительства уменьшали возможности ее развития, ставили русское купечество в зависимость от китайских торговцев и, наконец, не способствовали развитию экономики самого Китая. Только с учреждением по статье четвертой Кяхтинского трактата от 21 октября 1727 г. пограничного торгового пункта на границе с Северной Монголией обе торгующие стороны ставились в действительно равноправное положение, после чего русская караванная торговля в пределы Китая захирела. Стала быстро развиваться торговля с Китаем через Кяхту, причем и на этом направлении доминирующее значение в XVIII в. в конце концов приобрела частная инициатива русских купцов.

От автора . . . . .	3
Глава 1. Хозяйственное освоение Забайкалья и Приамурья русскими переселенцами во второй половине XVII в. . . . .	5
Забайкалье и Приамурье в составе Русского государства . . . . .	5
Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья. Создание русских земельных районов. Промысловая деятельность русского населения. Начало горнорудных разработок. Торговые связи . . . . .	17
34	
Глава 2. Дипломатические и торговые сношения с Китаем, Северной Монголией и Джунгарией в 1640—1670 гг. . . . .	45
Дипломатические отношения с Китаем, северомонгольскими и джунгарскими ханами . . . . .	45
Развитие внешнеторговых связей с Джунгарией, Северной Монголией и Китаем . . . . .	77
Глава 3. Подготовка и начало маньчжурской агрессии (1681—1684 гг.) . . . . .	101
Глава 4. Оборона Приамурья и Забайкалья (1684—1689 гг.) . . . . .	127
Оборона Албазина. Первое наступление войск Очиной Сайн-хана в Забайкалье . . . . .	127
Укрепление обороны Восточной Сибири. Второе наступление войск Очиной Сайн-хана в Забайкалье . . . . .	146
Глава 5. Заключение Нерчинского мира (1689 г.) . . . . .	173
Глава 6. Русско-китайская торговля через Нерчинск в конце XVII в. . . . .	204

*Вадим Александрович Александров*  
**РОССИЯ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ**  
(вторая половина XVII в.)

*Утверждено к печати*  
*Секцией восточной литературы РИСО*  
*Академии наук СССР*

Редактор *Б. Е. Косолапов*  
Художник *А. Г. Кобрин*

Художественный редактор *И. Р. Бесгин*  
Технический редактор *Л. Т. Михлина*  
Корректор *А. И. Киселева*

Сдано в набор 24/I 1969 г.	Подписано к печати 9/VII 1969 г.	A-05238
Формат 60 × 60 <sup>1</sup> / <sub>16</sub> Бум. № 1	Печ. л. 15 Уч.-изд. л. 15,93	Тираж 2700 экз.
Изд. № 2341	Зак. 115	Цена 1 руб.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»  
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография издательства «Наука»  
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4